
Л 5 5/24

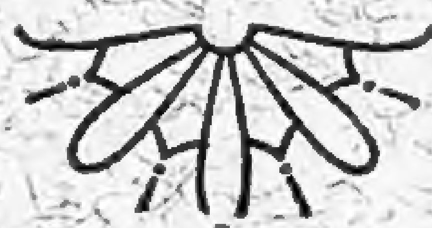
ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

Томъ I.

Баронъ С. А. Корфъ,

профессоръ

Императорскаго Александровскаго Университета въ Гельсингфорсѣ.

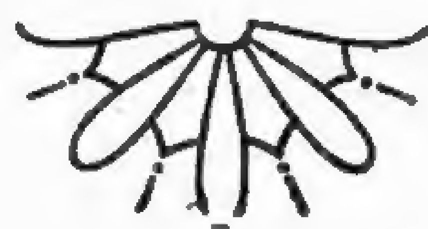
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Трепке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.
1908.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

ТОМЪ I.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Баронъ С. А. Корфъ,
ПРОФЕССОРЪ
Императорскаго Александровскаго Университета въ Гельсингфорсѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.
1908.

Въ чемъ воля то? Въ томъ, что чужой мы власти
Не терпимъ надъ собой! Что мы съ князьями
По старинѣ ведемъ свой уговоръ:
Се будь твое, а се будь наше. Въ наше-жъ
Ты княже не вступайся! А когда
Тотъ уговоръ забудетъ князь, ему
Мы кажемъ путь, другого-жъ промышляемъ
Себѣ на столъ. Вотъ наша воля въ чемъ.....

гр. А. К. Толстой.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ выпускаемомъ нынѣ въ свѣтъ изслѣдованіи русской старины авторъ поставилъ себѣ задачей дать изучающему наши юридическія древности общую схему и руководящую нить происхожденія и дальнѣйшаго развитія русскаго государства, согласуя и приводя въ соотвѣтствіе данныя, добытыя не только наукой исторіи русскаго права, но и другими научными дисциплинами и современными изслѣдованіями. Особое вниманіе при этомъ пришлось посвятить тѣмъ результатамъ, которые достигнуты современной наукой въ области изученія древнихъ лѣтописей.

Именно въ наше время, когда русскимъ гражданиномъ переживается эпоха переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, болѣе чѣмъ когда-либо чувствуется потребность въ сознательномъ отношеніи къ прошлому, къ тому великому процессу, благодаря которому выростало и складывалось русское государство.

Въ основу своего труда авторъ положилъ тѣ великіе результаты, которые достигнуты изслѣдованіями проф. В. И. Сергѣевича и на началахъ которыхъ воспитывались вотъ уже десятки поколѣній русскихъ юристовъ. Девизомъ же, по его глубокому убѣжденію, всякой работы по исторіи русскаго права должна служить перефразировка сказаннаго школой новѣйшей философіи о Кантѣ: „Durch Sergeievitsch und über ihn hinaus“, черезъ Сергѣевича и за него, въ ту широкую и свободную даль, гдѣ царствуетъ одна богиня — истина.

Но, предлагая настоящій трудъ благосклонному вниманію читателя, авторъ долженъ оговорить одну методологическую

особенность своей работы. Послѣ долгихъ колебаній авторъ рѣшилъ исключить изъ текста ссылки на источники, въ частности на наши лѣтописи, ограничиваясь указаніемъ одной лишь литературы. Сознавая всѣ крупныя неудобства такого метода, авторъ, однако, пришелъ къ подобному заключенію по слѣдующимъ соображеніямъ.

Еще однимъ изъ раннихъ впечатлѣній, оставшихся у автора со временъ университетской скамьи, было сознаніе безполезности для начинающаго изслѣдователя лѣтописныхъ ссылокъ; представляя собой лишь фразы, вырванныя изъ общаго текста лѣтописи, онѣ и мало убѣдительны, и мало полезны. Вспомнимъ хотя-бы, какъ часто одна и та же фраза, одно и то же слово служили доказательствомъ діаметрально противуположныхъ точекъ зрѣнія и противорѣчащихъ другъ другу построеній; возьмемъ, напр., знаменитый споръ норманистовъ со славянской школой, основанный на толкованіи однихъ и тѣхъ же мѣстъ лѣтописи; чтобы разобраться въ немъ, всякому изслѣдователю приходится обращаться, несмотря на самыя подробныя и длиннѣйшія ссылки авторовъ на лѣтописи, къ самимъ источникамъ.

Такимъ образомъ ссылки историковъ на лѣтописи въ малой лишь степени помогаютъ изучающему нашу старину; къ тому же и сама наука изученія славянскихъ лѣтописей настолько подвинулась впередъ и специализировалась, благодаря выдающимся изслѣдованіямъ Срезневскаго, Сухомлинова, акад. Шахматова и др., что всякому знакомящемуся съ прошлымъ нашего государства приходится посвящать особое вниманіе именно этой области и приступать къ специальному изученію исторіи русскаго права лишь при основательномъ уже знакомствѣ съ источниками. Наоборотъ, для лица, не намѣреннаго специализироваться по исторіи нашихъ юридическихъ древностей, ссылки на лѣтописи совершенно безполезны; онѣ при общемъ чтеніи всегда опускаются и пропускаются безъ какихъ-либо затрудненій или вредныхъ для дальнѣйшаго изученія права или исторіи послѣдствій; для неспеціалистовъ требуется, главнымъ образомъ, созданіе общей схемы исторіи происхожденія и развитія русскаго государ-

ства. У спеціалистовъ же въ наши дни предполагается, какъ сказано, обстоятельное знакомство съ источниками и литературой ихъ разработки, въ каковомъ случаѣ отдѣльная подстрочная фраза, вырванная изъ общаго текста, не можетъ, конечно, служить научнымъ доказательствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе фактъ значительнаго злоупотребленія подобными выносками-доказательствами, авторъ и рѣшилъ исключить лѣтописныя ссылки, довольствуясь возможно точнымъ указаніемъ литературы и тѣхъ научныхъ построеній, которыя пришли въ соприкасательство и столкновеніе съ его собственными заключеніями.

Подобный пріемъ представляется по убѣжденію автора единственно практичнымъ и цѣлесообразнымъ въ созданіи той общей руководящей схемы для изученія исторіи русской государственности, которая и является задачей настоящаго изслѣдованія.

12/25 декабря 1907 г.
Гельсингфорсъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Поставивъ себѣ задачей изслѣдовать начало и дальнѣйшее развитіе русской государственности, мы должны углубиться въ тѣ отдаленныя времена, когда Славяне, въ своемъ движеніи на Востокъ и Сѣверъ, стали селиться вдоль восточныхъ рѣкъ, Днѣпра, Двины, а затѣмъ и верховьевъ Волги и Волхова.

Переселеніе Славянскихъ племенъ шло впередъ постепенно, незамѣтно колонизуя эти отдаленные уголки Европы, до тѣхъ поръ населенные лишь дикими племенами кочевниковъ и звѣролововъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ методологіи для нашего изслѣдованія является раздѣленіе исторіи русской государственности на періоды; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ вопросъ является и однимъ изъ самыхъ трудныхъ. Какъ уже не разъ отмѣчалось въ нашей литературѣ, дѣленіе русской исторіи на періоды представляетъ чрезвычайно много затрудненій; исторія наша не знаетъ такихъ моментовъ, которые бы рѣзко разграничивали одну эпоху отъ другой; всѣ переходы постепенны и незамѣтны, вслѣдствіе чего строгой и точной разграничительной черты между отдѣльными періодами провести рѣшительно невозможно. Такимъ образомъ періоды насъ интересующей исторіи приходится опредѣлять лишь приблизительно въ широкихъ рамкахъ полустолѣтія.

Началомъ нашего изслѣдованія мы положимъ VIII вѣкъ, когда, по указанію проф. Ключевскаго [1]), впервые можно уста-

[1]) Курсъ русской исторіи, часть 1, лекція II (изд. 1906 г.). Мы принимаемъ предположительно теорію проф. Ключевскаго, такъ какъ

новить сосредоточеніе Славянскихъ колоній вдоль теченія средняго и верхняго Днѣпра и его притоковъ. Въ теченіе этого столѣтія стали новообразовавшіяся колоніи Славянскихъ племенъ, благодаря своему внутреннему росту и завязывавшейся внѣшней торговлѣ, постепенно кристаллизоваться въ опредѣлённыя соціальныя формы. Предшествовавшее, VII столѣтіе, эпоха передвиженія славянъ съ Запада, отъ Дуная, на Востокъ и Днѣпръ, была по всей вѣроятности свидѣтельницей важныхъ соціальныхъ перемѣнъ среди Славянъ; въ эти времена зарождался процессъ перехода быта родового къ болѣе развитой формѣ общественности. Когда же Славяне стали понемногу осѣдать, садиться на протяженіи Днѣпровскаго бассейна, родовой ихъ бытъ уже окончательно замѣняется бытомъ городовымъ. Въ VIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ первые городовые поселки. Съ теченіемъ времени послѣдніе росли и развивались, собирая вокругъ себя все бо́льшее городское населеніе, сосредоточивая въ своихъ рукахъ все болѣе усовершенствующуюся торговлю. Здѣсь и именно здѣсь, въ этихъ первобытныхъ городахъ и городкахъ находимъ мы и первый зачатокъ государственности. Къ этому моменту русской исторіи, т. е. ко временамъ VIII столѣтія, и пріурочивается начало концентраціи вокругъ новообосновывающихся городковъ Славянской волости-государства, постепенно кристаллизующейся изъ соціально и экономически развивающихся отдѣльныхъ Славянскихъ колоній. Еще въ VI вѣкѣ, Славяне жили родовымъ бытомъ, на Днѣпрѣ же, въ VIII вѣкѣ мы застаемъ уже высшую ступень ихъ соціальнаго развитія, бытъ городовой. Переходной стадіей VII вѣка по всей вѣроятности былъ бытъ племенной.

Поселившись вдоль бассейна Днѣпра, Славяне получили этимъ самымъ возможность пользованія превосходнымъ торговымъ путемъ на югъ, въ богатое Черное море, открывавшее имъ дорогу даже къ Царь-граду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ ростомъ

изслѣдованіе первобытной исторіи Славянъ и факторовъ, вызвавшихъ передвиженіе ихъ на Сѣверъ и Востокъ, вывелъ-бы насъ изъ рамокъ нашей задачи.

торговли, стали расти и Славянскіе города, осложняя соціальный бытъ новыми формами общественности. Чрезвычайно скоро должны были ихъ города изъ чисто экономическихъ центровъ превратиться въ центры политическіе и военные.

На своихъ новыхъ мѣстахъ поселенія Славяне столкнулись съ торговымъ и культурнымъ племенемъ Хозаръ, отъ которыхъ они переняли многое, въ томъ числѣ и ихъ торговлю и торговые пріемы. Подъ вліяніемъ Хозаръ стали выростать первые Славянскіе города, среди которыхъ уже очень рано выдвигается на передній планъ Кіевъ, наиболѣе выгодно расположенный. За извѣстную дань, платимую Славянами Хозарамъ, послѣдніе охраняли внѣшнія границы новыхъ переселенцевъ отъ степи и прочихъ сосѣдей варваровъ. Это обстоятельство важно для насъ въ томъ отношеніи, что именно оно допустило возможность, въ виду отсутствія внѣшней опасности, сосредоточенія всѣхъ соціальныхъ силъ Славянъ на ихъ внутреннемъ экономическомъ развитіи.

Затѣмъ, тотъ же важный торговый путь, вдоль котораго теперь селились Славянскія племена, привелъ ихъ въ соприкосновеніе и съ другими, болѣе воинственными и предпріимчивыми чужеземцами—Варягами. Если Хозарское вліяніе на Славянъ сказалось болѣе всего въ области торговой и экономической, то наоборотъ Варяжское вліяніе чувствовалось всего сильнѣе въ общественной и политической жизни Славянскихъ племенъ [1]).

---

[1]) Повторимъ здѣсь, вкратцѣ, доказательства присутствія Варяговъ на Днѣпровскомъ торговомъ пути уже въ самомъ началѣ IX вѣка, а, можетъ быть, и въ концѣ VIII-го:

1. Нахожденіе въ Скандинавіи византійскихъ и арабскихъ монетъ и свидѣтельства Константина Багрянороднаго.

2 Нахожденіе въ Россіи западноевропейскихъ монетъ (преимущ. англо-саксонскихъ) VIII и IX столѣтій, привозимыхъ очевидно Варягами

3. Свидѣтельства скандинавскихъ сагъ и руническихъ надписей о походахъ Варяговъ на югъ.

4. Свидѣтельства арабскихъ писателей о дѣятельности Варяговъ.

5. Самый характеръ скандинавской жизни VIII и IX вѣковъ, проводимой въ постоянныхъ походахъ и морскихъ разбояхъ.

6. Наконецъ, безчисленныя свидѣтельства нашей собственной

Знакомство съ Варягами, какъ мы увидимъ ниже, не могло не внести въ Славянскую общественную жизнь совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ имъ дотолѣ элементовъ.

Начиная нашъ трудъ съ того момента, когда, какъ мы только что видѣли, Славяне уже „осѣли“ въ Днѣпровскомъ бассейнѣ, когда они переживали переходъ на высшую соціальную ступень быта городового, намъ, слѣдовательно, предстоитъ разобраться въ томъ сложномъ и еще такъ мало изслѣдованномъ процессѣ образованія и кристаллизаціи первичныхъ государственныхъ элементовъ этихъ Славянскихъ городовыхъ поселеній.

Уже самый фактъ движенія на Востокъ и Сѣверъ, самая необходимость переселенія должна была вліять на развитіе общественности Славянскихъ племенъ; послѣдовавшее затѣмъ поселеніе въ Днѣпровскомъ бассейнѣ и соприкасательство съ бойкой хозарской торговлей внесло въ ихъ жизнь новые элементы соціальнаго развитія; въ выроставшихъ среди этихъ колоній городахъ мы имѣемъ уже первый рудиментъ государственности. Какъ увидимъ, именно этимъ процессомъ роста городовъ и ихъ значенія обусловливалось образованіе „волости“, этой первобытной формы Славянской государственности.

Таково начало того историческаго періода, который долженъ составить первую часть нашего изслѣдованія. Заканчивается же онъ той эпохой, когда среди первобытнаго государства Славянъ появляется новый государственный органъ — князь, когда родъ Рюриковичей не только обживается среди Славянскихъ волостей, становится элементомъ осѣдлымъ, но и превращается въ государственный органъ, пріобрѣтая новыя функціи и новое, болѣе прочное положеніе. Съ этого времени начинается второй періодъ исторіи русской государственности, который *приблизительно* соотвѣтствуетъ такъ называемому удѣль-

лѣтописи и археологическихъ изслѣдованій (Цит. по акад. Шахматову; Сказаніе о призваніи варяговъ; С.-П-бургъ, 1904 г., стр. 54—55). Дальнѣйшія доказательства этого положенія читатель найдетъ въ первой главѣ.

ному періоду. Но и въ данномъ случаѣ слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, что опредѣленной и точной разграничительной черты между этими двумя періодами не имѣется, что переходъ изъ перваго во второй былъ совершенно незамѣтный и постепенный. Кромѣ того различныя мѣстности древней Руси совершали подобный переходъ и въ различное время. Тогда какъ Югъ, скажемъ, былъ уже на развитой ступени общественности, Сѣверо-востокъ еще находился въ состояніи неразвитомъ, съ гораздо меньшей опредѣленностью общественныхъ формъ. Намъ представляется совершенно невозможнымъ установить точную границу во времени перехода Славянскихъ волостей изъ одного періода въ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ и по отношенію къ мѣсту существовали огромныя различія; одни племена и волости стояли на высшей, другія на низшей ступеняхъ общественнаго развитія; и здѣсь какой-либо общій масштабъ былъ бы непримѣнимъ; каждая волость, каждое племя развивались со своими характерными особенностями; можно утверждать развѣ, что Кіевъ шелъ впереди другихъ городовъ, развиваясь скорѣе своихъ сосѣдей.

Той мѣркой, согласно которой мы будемъ дѣлить исторію русской государственности на періоды, будетъ слѣдовательно измѣненіе формъ государственности. Подъ первый періодъ подойдутъ — происхожденіе волости-государства, вѣчевая жизнь Славянскихъ племенъ и время наѣздническаго характера княжеской власти; подъ второй—эпоха важныхъ измѣненій, которыя претерпѣла княжеская власть, постепенно превращаясь въ опредѣленный государственный органъ, пріобрѣтая все новыя функціи.

Наконецъ, Монгольское нашествіе и владычество Татаръ внесло въ русскую государственность еще новые элементы, вновь измѣнивъ положеніе князя. Съ этого времени мы положимъ начало третьяго періода интересующей насъ исторіи, оканчивающагося возвышеніемъ Москвы и переходомъ Руси къ единодержавію и объединенію.

Изученію этихъ трехъ періодовъ исторіи русской государ-

ственности и посвящается настоящій первый томъ нашего изслѣдованія, при чемъ въ первой главѣ мы ставимъ себѣ цѣлью, между прочимъ, разрѣшеніе заданія академика А. А. Шахматова: „исторической наукѣ предстоитъ связать оба преданія (о призваніи князей изъ Варяговъ и объ иноземномъ происхожденіи Руси)—сѣверное и южное, съ тѣми событіями, которыя въ дѣйствительности могли имѣть мѣсто при созданіи Русскаго государства“ (см. Сказаніе о призваніи варяговъ, стр. 82).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе Древне-русскаго государства. Волость и Князь.

I.

Процессъ образованія древней волости—государства.

Въ VIII столѣтіи начала кристаллизоваться русская волость, другими словами, стало образовываться и пріобрѣтать опредѣленную форму Славянское государство, или вѣрнѣе государства, такъ какъ всякая изъ многочисленныхъ волостей древней Руси представляла собою отдѣльное государство [1]).

Первоначальная политическая форма волости опредѣлялась благодаря воздѣйствію главнымъ образомъ двухъ факторовъ: экономическаго развитія страны и необходимостью защиты отъ степи, отъ набѣговъ кочевыхъ варваровъ-сосѣдей; оба эти фактора дѣйствовали параллельно; одновременно съ образованіемъ городовъ по линіи Кіевъ-Новгородъ, т. е. по пути „изъ Варягъ въ Греки“, города эти должны были обладать всѣми возможными средствами самозащиты. Такимъ процессомъ объясняется концентрація волости, отмѣченная уже древнимъ лѣтописцемъ.

---

[1]) Терминъ „волость“ является самымъ подходящимъ для наименованія первобытнаго Славянскаго государства; вплоть до XIV столѣтія онъ означалъ отдѣльное княженіе, самостоятельное государство или область; только начиная съ XIV вѣка, терминъ „волость“ сталъ употребляться для обозначенія административной, а не государственной единицы. Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ держаться этого термина, обозначая имъ именно государство.

Города представляли собой не только торгово-промышленные центры, но и мѣсто убѣжища, куда могъ спасаться народъ, жители волости, въ случаѣ набѣга враговъ. Мы имѣемъ въ виду здѣсь тотъ періодъ исторіи Славянъ, когда самостоятельность ихъ волостей уже опредѣлилась, когда, слѣдовательно, уже совершился переходъ отъ жизни кочевой къ жизни осѣдлой; какова была форма жизни Славянъ до этого времени, жили ли они въ городкахъ, огороженныхъ селахъ или открытой деревнѣ, для насъ въ данномъ случаѣ безразлично [1]).

Фактъ концентраціи волости въ VIII столѣтіи является чрезвычайно важнымъ моментомъ исторіи древне-русскаго государства. По мѣрѣ того какъ развивалась общественная жизнь, росла торговля, увеличивалось взаимное общеніе и единеніе отдѣльныхъ поселковъ, селъ, деревень, городковъ, усиливалось неизбѣжно и значеніе экономическихъ центровъ, выроставшихъ, подъ давленіемъ такого соціальнаго процесса, въ города; но чѣмъ больше выросталъ городъ, чѣмъ бо̀льшую онъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ торговлю и экономическую состоятельность, тѣмъ сильнѣе должна была становиться экономическая зависимость отъ него окружного населенія, тѣхъ сельчанъ, которые должны были вслѣдствіе такой зависимости „тянуть“ къ городу. Такимъ образомъ ростъ торговыхъ сношеній, влекшій за собой и развитіе общественной жизни, постепенно и неизбѣжно выдѣлялъ значеніе городовъ, пріобрѣтавшихъ вслѣдствіе этого положеніе экономическихъ центровъ.

Но, развиваясь далѣе, этотъ же процессъ концентраціи волости вокругъ городскихъ центровъ, долженъ былъ съ теченіемъ времени обособлять одинъ городъ отъ другого; чѣмъ

---

1) Мы принуждены оставить въ сторонѣ и другой смежный спорный вопросъ нашей древности, о томъ, каковъ былъ основной родъ занятій древнихъ славянъ, былъ ли это народъ земледѣльческій, какъ то думаетъ напр. Иловайскій, или чисто торговый, какъ утверждаютъ его противники. Каковой бы ни признавать основную дѣятельность Славянъ, нельзя отрицать того факта, что они занимались торговлей и что города ихъ явились слѣдствіемъ именно торговыхъ сношеній и экономическаго роста отдѣльныхъ областей, также вызываемаго торговлею.

больше концентрировалась и оформлялась общественная жизнь данной округи, тѣмъ больше послѣдняя должна была обособляться отъ своихъ сосѣдокъ; такимъ образомъ стали намѣчаться и территоріальныя границы этихъ маленькихъ новорожденныхъ государствъ; государственная зависимость стала слагаться смотря по тому, къ какому центру, т. е. къ какому городу „тянуло" данное село или данная деревня; стало быть вслѣдъ за первичными шагами общественности, складывавшейся подъ вліяніемъ указаннаго соціальнаго процесса, шло территоріальное обособленіе одной округи отъ другой. Съ этого момента уже можно говорить о появленіи рудимента государства или волости.

Такъ, постепенно, но неотразимо, развивалась общественная жизнь древнихъ Славянъ, сложившись ко временамъ IX вѣка уже въ опредѣленныя формы государственности, благодаря выросшимъ изъ такого соціальнаго и экономическаго процесса торговымъ и общественнымъ центрамъ — городамъ, концентрировавшимъ вокругъ себя мѣстное населеніе. Но этимъ, конечно, отрицается существованіе въ тѣ времена родового быта Славянъ; наша точка зрѣнія также не допускаетъ принятія и другого построенія историковъ XIX столѣтія, видѣвшихъ въ каждомъ городѣ этнографическій, племенной центръ. Теоріи эти, въ той формѣ, которая ярче всего вылилась въ трудахъ С. М. Соловьева, въ настоящее время признаются несостоятельными, какъ то хорошо доказано трудами профессоровъ Ключевскаго и Сергѣевича, вслѣдствіе чего намъ не приходится воспроизводить здѣсь опровергающіе ихъ аргументы [1]).

Въ настоящее время, communis opinio doctorum признаетъ, что племенное, этнографическое дѣленіе древней Руси почти не играло никакой роли въ образованіи первобытнаго государства Славянъ — волости; обособленіе послѣдней происходило подъ давленіемъ лишь экономическихъ факторовъ, въ силу процесса сосредоточенія торговли и торговыхъ путей въ город-

---

[1]) См. Боярская Дума древней Руси, Москва 1882 года. Русскія Юридическія Древности, Спб. 1900 года.

скихъ центрахъ. Родовой бытъ Славянъ естественно перешелъ, такимъ образомъ, въ бытъ городовой; общественная жизнь постепенно и вполнѣ естественнымъ ходомъ своего соціальнаго развитія складывалась въ опредѣленныя формы государственности.

Исторія прихода Славянъ съ Юго-запада и постепенное заселеніе сначала Кіевскихъ, а затѣмъ и сѣверныхъ (Новгородскихъ) земель и по сей день не изслѣдована наукой; трудно точно установить поэтому, когда именно и черезъ какія стадіи родовой бытъ сталъ у нихъ переходить въ бытъ городовой, когда, слѣдовательно, появились первые болѣе крупные общественные центры, получившіе впослѣдствіи значеніе государственныхъ центровъ, вокругъ которыхъ стала концентрироваться и кристаллизоваться волость. Одинъ фактъ, думается, лишь несомнѣненъ, что къ IX вѣку родовой бытъ уже окончательно исчезъ и былъ замѣненъ бытомъ городовымъ; онъ извѣстенъ и древнему лѣтописцу, свидѣтельствующему намъ въ довольно ясной формѣ, что „исторія старыхъ волостныхъ городовъ на Руси старше княжеской“ [1]); лѣтописецъ не могъ не замѣтить этого важнаго факта концентраціи волости вокругъ торгово-промышленныхъ центровъ—городовъ.

Послѣдніе же выростали и развивались совершенно независимо отъ племенныхъ и этнографическихъ дѣленій Руси; границы округовъ и волостей торговыхъ городовъ не совпадали съ границами племенными. Такъ, Новгородская волость обнимала Ильменскихъ Славянъ, часть Кривичей и Чудь; Смоленская—другую часть Кривичей, Сѣверянъ, Вятичей; городъ Любечь—также Сѣверянъ, Радимичей, и, можетъ быть, часть Дреговичей. При этомъ надо замѣтить, что различныя племена стояли на различной степени общественнаго и культурнаго развитія; такъ напр., тогда какъ у однихъ уже имѣлись большіе и хорошо развитые торговые центры (Полянъ, Иль-

---

[1]) См. статью проф. Ключевскаго въ „Русской Мысли“ о боярской думѣ. 1880 годъ, № 3, стр. 61.

менскихъ Славянъ, Кривичей), у другихъ общественная жизнь была лишь въ зачаткѣ; напр., у Радимичей и Вятичей.

Первичныя волости складывались по пути изъ Варягъ въ Греки, слѣдовательно, по большому тракту, по которому шла торговля Сѣвера съ Югомъ; ко времени появленія на нашемъ историческомъ горизонтѣ князя, процессъ этотъ былъ въ полномъ разгарѣ; волости уже начали опредѣляться, уже стала складываться и оформляться въ государственную форму общественная жизнь тѣхъ племенъ, которыя разселены были на вышеуказанномъ пути „изъ Варягъ въ Греки“.

Этотъ періодъ русской исторіи и есть то „пустое мѣсто“, съ котораго, по остроумному замѣчанію Забѣлина, началъ свое повѣствованіе лѣтописецъ. А „пустымъ“ оно казалось ему потому, что формы государственности еще не опредѣлились вполнѣ; налицо не было еще всѣхъ элементовъ государственности; отсутствовалъ князь-правитель, присутствіе котораго въ волости казалось лѣтописцу необходимымъ условіемъ признанія за ней характера государства.

Процессъ образованія городскихъ центровъ уже по самымъ условіямъ своего развитія навсегда останется покрытымъ нѣкоторой дымкой неизвѣстности; благодаря своей незамѣтной постепенности, онъ не могъ предоставить лѣтописцу твердыхъ точекъ опоры, вслѣдствіе чего неизбѣжно и получалось впечатлѣніе „пустого мѣста“.

Справедливо указывалось при этомъ въ нашей литературѣ, что въ названномъ процессѣ сформированія первичнаго Славянскаго государства, Югъ шелъ впереди Сѣвера [1]); въ тѣ времена напр., когда Кіевская волость уже начинала складываться, Сѣверные Славяне еще не пользовались подобной формой общественной жизни, образовавъ государство-волость лишь позднѣе; трудно установить точныя даты этого процесса, но, думается, мы не ошибемся, если скажемъ, что южныя волости

[1]) Ср. напр. акад. Шахматовъ. Сказаніе о призваніи Варяговъ. Спб. 1904 г.

сложились въ концѣ VIII вѣка, сѣверная же—въ первой половинѣ IX-го.

Какъ бы то ни было, къ моменту появленія Варяга-князя, городской бытъ уже былъ фактомъ дѣйствительности. И Кривичи и Новгородцы, напр., хотя и не имѣли еще, ко времени появленія князей, такой концентрированной соціальной жизни, какъ Поляне, пользовались все-таки настолько объединенной и интенсивной общественностью, что форму ихъ соціальнаго строя можно уже признать государствами.

Во всѣхъ волостяхъ, лежавшихъ по главному торговому пути, по линіи Волховъ—Днѣпръ, гдѣ торговля и промышленность развились уже въ достаточной степени, города силою необходимости пріобрѣтали все большее значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ рукахъ постепенно стала сосредоточиваться и политическая власть окружавшей ихъ волости; общественныя силы стали группироваться вокругъ города, все болѣе поднимая его значеніе надъ сельскимъ населеніемъ. Этимъ обезпечивалось городу главенство надъ всей волостью, что въ свою очередь сосредоточивало политическую власть въ рукахъ городского вѣча, какъ рѣшающей судьбы волости верховной инстанціи. Гдѣ выросталъ большой городъ, появлялось и бо̀льшее объединеніе волости и бо̀льшая концентрація ея общественныхъ силъ. Если лѣтописцу не ясно самое происхожденіе волости, процессъ опредѣленія ея государственности, то, наоборотъ, ему хорошо извѣстно „свойство волости" и послѣдствія такой концентраціи волости въ направленіи къ городскимъ центрамъ [1]).

Лѣтописецъ не могъ не знать, что къ моменту появленія князя-Варяга, волость уже настолько сложилась, общественныя силы ея настолько сконцентрировались, что князь вступалъ въ общественную жизнь уже опредѣлившуюся, уже оформленную, и долженъ былъ вслѣдствіе этого считаться съ ея эле-

---

[1]) Ср. в. н. статью Ключевскаго, отрицающаго вѣрную оцѣнку „свойства власти" лѣтописца. Стр. 73.

ментами [1]). Онъ не являлся такимъ образомъ создателемъ соціальныхъ формъ, которыя уже существовали до него. Вслѣдствіе этого, князь неизбѣжно спервоначала долженъ былъ занять *придаточное* положеніе въ волости, войти въ готовое цѣлое и принимать его какъ таковое, чѣмъ объясняется его полнѣйшая зависимость отъ волости; положеніе его было чисто личное, вслѣдствіе чего и отношенія его къ волости основывались на договорѣ; городъ-волость (такъ какъ, какъ мы видѣли, именно городъ управлялъ политическими дѣлами волости) заключалъ съ пришельцемъ княземъ договоръ найма, ставя ему различныя условія и подчиняя его собственному общественному строю. Такимъ образомъ, въ этомъ процессѣ развитія экономическаго значенія и государственности первичнаго общественнаго единенія Славянъ—ихъ волостей, князья не могли не играть весьма второстепенной роли.

Въ теченіе IX и X вѣковъ все болѣе стало выдѣляться властное положеніе городовъ, подчинявшихъ себѣ окружающее сельское населеніе. Торговля и торговые пути сосредоточивались въ городѣ; къ нему тянулъ купецъ со своимъ товаромъ; къ нему шелъ и сельчанинъ, для сбыта своего сырья;

---

[1]) Въ литературѣ XIX столѣтія часто можно встрѣтить мнѣніе, что „государственность“ будто бы была *принесена* къ Славянамъ Варягами; даже такіе выдающіеся историки-юристы, какъ Кавелинъ, поддерживали его („Взглядъ на юрид. бытъ др. Россіи“, стр. 24, собр. соч. томъ I, 1897 г.), какъ будто государственность можетъ быть кѣмъ-либо принесена! Государственность является продуктомъ общественнаго развитія народа, извѣстной стадіей соціальной жизни и очевидно не можетъ быть приносима извнѣ, а должна развиваться изнутри, изъ нѣдръ общественной жизни самого народа. Государственность не есть какая-либо отвлеченная идея, которую можно было бы маленькой кучкѣ пришельцевъ принести съ собой и привить огромному народу, десяткамъ племенъ; она выросла среди самихъ Славянъ—Руси, благодаря росту и развитію ихъ общественной жизни.

Замѣтимъ, что Кавелинъ, въ другой работѣ, въ своемъ разборѣ трудовъ Погодина (Собр. соч., томъ I, стр. 197), идетъ еще дальше и утверждаетъ, что „государство“ начинаетъ показываться на Руси не ранѣе Владиміра; это положеніе, конечно, совершенно не вѣрно, и въ частности противорѣчитъ его же теоріи „принесенія“ государственности Варягами.

въ немъ собирались ярмарки; здѣсь же можно было найти и тѣ состоятельные классы, въ рукахъ которыхъ стало сосредоточиваться политическое властвованіе этого маленькаго государства-волости. Экономическая состоятельность всегда влечетъ за собой и политическое могущество. Тѣ граждане, которымъ судьба благопріятствовала и которые умѣли сколотить себѣ достатокъ, стали пріобрѣтать и господствующее вліяніе въ политической жизни волости. Здѣсь, въ городахъ, стало быть, можно найти и тотъ классъ, который, благодаря своему богатству, сталъ во главѣ волости.

Промышленно-торговыя средоточія образовывались вдоль теченія рѣкъ Волхова, Днѣпра, Днѣстра и отчасти и Буга, что можетъ служить новымъ подтвержденіемъ процесса образованія волостей [1]); города были какъ бы станціями на большомъ торговомъ пути „изъ Варягъ въ Греки“ и обратно; сюда „на путь“ долженъ былъ ѣхать всякій, желающій сбыть свой товаръ; только здѣсь могъ онъ разсчитывать навѣрняка перехватить торговца, который скупитъ его сырье, для дальнѣйшаго препровожденія на югъ, къ Черному морю, а оттуда и въ Византію, этотъ главный центръ всего Востока [2]).

Таково было экономическое происхожденіе первыхъ городскихъ центровъ, перваго объединяющаго элемента древне-рус-

---

¹) Мы принимаемъ здѣсь взглядъ С. М. Соловьева о вліяніи на образованіе волостей географическихъ условій мѣстности, въ которой происходила Славянская колонизація. Торговые пути лежали вдоль рѣкъ и рѣчныхъ системъ, вдоль нихъ должно было образовываться и первичное общественное единеніе, а впослѣдствіи и волости Славянскихъ колоній.

²) Въ данномъ случаѣ, конечно, совершенно безразлично, *откуда* шелъ путь „изъ Варягъ въ Греки“, былъ ли это путь торговли однихъ Славянъ, какъ утверждаетъ антинорманская школа, или и Скандинавовъ, какъ думаетъ, напр., Бѣляевъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Норманны дѣйствительно принимали участіе въ торговлѣ Славянъ съ Византіей; во всѣхъ Славянскихъ городахъ бывали Норманнскіе купцы, на своемъ пути на югъ, чѣмъ оправдывается мнѣніе Бѣляева, утверждающаго, что путь былъ и изъ Варягъ, что на ряду со Славянами торговали и Норманны (Бѣляевъ, „Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ“; „Временникъ“ И. О-ва Ист. и Др. Росс., 1850 года, № 7 и 8).

ской волости. Оно совершенно понятно, если принять во вниманіе формы государственности того времени; отношенія той отдаленной эпохи складывались подъ давленіемъ соціально-экономическихъ факторовъ; о какой-нибудь политикѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи; городскіе центры образовывались въ силу экономической потребности сосредоточенія и обезпеченія торгово-промышленныхъ интересовъ [1]).

Но то же средоточіе торговли должно было въ силу чувства самосохраненія вызвать и второе, отмѣченное выше, явленіе, а именно вооруженіе города, созданіе защиты какъ для города и окружавшаго его сельскаго населенія, такъ и для торговыхъ путей, черезъ него проходившихъ.

Уже самый первобытный городокъ выполнялъ эту задачу, служа убѣжищемъ для сельчанъ во времена набѣговъ враговъ. Литература наша давно уже отмѣтила этотъ военный характеръ первоначальныхъ поселеній Славянъ (Ср. Погодинъ, Сергѣевичъ и мн. др.).

Чѣмъ больше росъ городъ, чѣмъ бо̀льшія въ немъ сосредоточивались торговые интересы, тѣмъ бо̀льшая, конечно, была потребность и въ охранѣ этихъ интересовъ. Съ теченіемъ времени и большее количество людей стало нуждаться, въ случаяхъ опасности, въ защитѣ городскихъ стѣнъ. Этимъ вызывалась необходимость лучшей организаціи военныхъ силъ го-

---

[1]) Огромной заслугой школы экономическаго матеріализма является доказаніе возможности возникновенія государства благодаря воздѣйствію чисто экономическихъ факторовъ, торговли и промышленности. Этимъ навсегда разбита прежняя теорія о возникновеніи государства исключительно изъ войны; соціологія въ настоящее время подтвердила точку зрѣнія экономистовъ, подобравъ много примѣровъ мирнаго образованія новыхъ государствъ, а среди мирныхъ способовъ происхожденія послѣднихъ главное мѣсто принадлежитъ неоспоримо развитію торговыхъ сношеній. Къ этой группѣ мирно возникшихъ государствъ принадлежитъ и Славянская волость, съ ея основнымъ центромъ—городомъ, также выросшая изъ торговли Славянскихъ племенъ; торговля вызвала образованіе экономическихъ центровъ, городовъ, послѣдніе объединили вокругъ себя волость, концентрація же волости создала и первые признаки государственности. Таково происхожденіе первобытнаго Славянскаго государства—волости.

рода; рядомъ съ укрѣпленіями, выростала забота и объ активныхъ силахъ города, его войскѣ; такимъ образомъ стали появляться болѣе организованныя силы; населеніе города стало дѣлиться, на случай войны, на извѣстныя категоріи; такъ образовывались „тысячи“ и „сотни“, эти рудименты русской арміи, первыя военно-административныя единицы.

Намъ необходимо здѣсь указать то вліяніе, которое имѣли эти новообразовывающіяся военно-административныя единицы на общественную жизнь города и волости, а въ частности и на понятіе государственности. Вліяніе это было весьма значительно; оно во-первыхъ являлось дальнѣйшей причиной концентраціи волости, стягивая и сосредоточивая ея военную силу, во-вторыхъ же было новымъ факторомъ, организующимъ и оформляющимъ общественную жизнь волости; соціальная группировка, какъ города, такъ и волости, получила этимъ новый элементъ единенія, отсутствовавшій прежде. Въ этомъ обстоятельствѣ крылось съ одной стороны стремленіе не только къ защитѣ отъ степи и внѣшнихъ враговъ, но и къ наступательно-завоевательному движенію въ степь; разъ волость настолько уже сконцентрировалась, оформилась и окрѣпла, что имѣла организованную военную силу, она могла начать расширяться за счетъ своихъ сосѣдей; съ другой же стороны, эта первичная военная организація должна была стать тѣмъ единяющимъ звеномъ, черезъ посредство котораго проходили отношенія князя къ волости.

Какъ увидимъ впослѣдствіи, первоначальной, главнѣйшей, если не единственной функціей князя была внѣшняя охрана и защита волости, т. е. стало быть, та же общественная функція, которая лежала на плечахъ вышеупомянутой военной организаціи городского населенія, его тысячь, сотенъ и т. п.

Послѣднія съ теченіемъ времени оказались недостаточными; князь со своей дружиной явился лучшимъ защитникомъ, болѣе сильнымъ охранителемъ внѣшней цѣлостности волости, въ ея столкновеніяхъ со степью или сосѣдками-волостями, вслѣдствіе чего задача охраны волости и завѣдываніе и организація ея

военныхъ силъ, естественно должна была перейти въ руки князя; его дружина должна была такимъ образомъ составить то ядро въ этомъ дѣлѣ, вокругъ котораго могли бы концентрироваться военныя силы волости.

Вслѣдствіе такого положенія князя и его функцій охранителя и защитника волости, ему неизбѣжно приходилось считаться съ тѣми первичными военными организаціями, формы которыхъ уже существовали, уже имѣлись въ наличности; а такъ какъ организаціи эти были тѣмъ же „народомъ", населеніемъ даннаго города, то этимъ путемъ завязывались и первыя отношенія князя и народа, вслѣдствіе чего, позднѣе, рядомъ съ указанной первичной функціей, выросли и новыя функціи княжеской дѣятельности; онъ сталъ не только защитникомъ, но и судьей, а впослѣдствіи и управителемъ волости.

Съ того момента, какъ волость достаточно окрѣпла, благодаря своему внутреннему развитію, она получала возможность расширяться во внѣ. Чаще всего въ подобныхъ случаяхъ начинался процессъ колонизаціи, въ глубь первобытныхъ лѣсовъ и степей.

Примѣровъ колонизаціи или расширенія волости за счетъ степи у древняго лѣтописца можно найти достаточное количество; вспомнимъ, напр., дѣятельность Олега, постройку имъ пограничныхъ крѣпостей на Кіевской окраинѣ, заселеніе этой окраины военной силой, „лучшими людьми иныхъ городовъ", Кривичами, Новгородцами, Чудью и другими. Колонизаціонный процессъ значительно усиливалъ метрополію; не только Кіевскій князь получилъ въ силу его бо́льшую власть, но и сама Кіевская волость пріобрѣтала бо́льшее значеніе среди прочихъ волостей.

Параллельно съ ростомъ экономическимъ увеличивается слѣдовательно и политическое значеніе города; послѣдній къ IX столѣтію уже сталъ совершенно опредѣленнымъ военноторговымъ центромъ, въ которомъ сосредоточилась вся власть, imperium маленькаго новорожденнаго государства-волости.

Но нѣтъ сомнѣнія также, что значеніе городовъ устано-

вилось не безъ борьбы; какъ всякій соціальный продуктъ, такъ и данный общественный строй явился результатомъ взаимодѣйствія и борьбы различныхъ общественныхъ силъ. Вполнѣ допустимы поэтому также случаи „завоеванія“ волости, т. е. не добровольнаго подчиненія сельскаго населенія вліянію и главенству города, случаи аналогичные, напр., расширенію Новгородской волости, благодаря дѣятельности новгородскихъ „молодцовъ“.

Въ этихъ случаяхъ, соціальное равновѣсіе устанавливалось благодаря борьбѣ; взаимныя отношенія сельчанъ и горожанъ основывались, главнымъ образомъ, на силѣ, а такъ какъ послѣдняя, вмѣстѣ съ экономическимъ преобладаніемъ, почти всегда находилась въ рукахъ города, то, какъ общее правило, можно предполагать главенство города надъ сельскимъ населеніемъ; вполнѣ допустимы при этомъ и случаи противодѣйствія нѣкоторыхъ частей населенія городу и его господству, послѣдствіемъ которыхъ могла быть внутренняя рознь, возстаніе „рода на родъ“, борьба деревни съ городомъ, усобицы, которыя своимъ конечнымъ результатомъ легко могли имѣть потерю и всей волостью своей самостоятельности, давая возможность сосѣднему племени или волости воспользоваться междоусобіемъ для своихъ завоевательныхъ цѣлей.

Но случаи сопротивленія сельскаго населенія политической силѣ города, уже по причинѣ того властнаго положенія, которое занимали города, должны были быть рѣдкими исключеніями.

Сельчане были слишкомъ зависимы экономически, чтобы спорить противъ воли города и имѣть возможность отстаивать съ успѣхомъ свою самостоятельность. Сельское населеніе, припомнимъ, „тянуло“ къ городу не только судомъ и расправой; послѣдніе были скорѣе слѣдствіемъ его экономической зависимости; оно „тянуло“ къ городу и общественной жизнью, и экономически, и торговыми своими интересами. Такое зависимое положеніе сельскаго населенія отъ городскихъ центровъ объясняется, именно и только, отмѣченнымъ выше соціальнымъ

процессомъ, выдѣлившимъ города и придавшимъ имъ то властное положенiе, которое они заняли въ волости; политическая же зависимость, зависимость судомъ и управленiемъ, была слѣдствiемъ зависимости экономической.

Итакъ, во главѣ каждой волости сталъ городъ. Этимъ еще болѣе оттѣнялась государственная самостоятельность каждой волости, еще болѣе обособлялось ея положенiе по отношенiю къ сосѣдкамъ, другимъ волостямъ.

Посмотримъ же теперь, какъ складывалась внутренняя соцiальная обстановка города. Во главѣ населенiя стоялъ классъ экономически состоятельныхъ, богатыхъ, торгово-промышленной аристократiи; постепенно въ ея рукахъ стала сосредоточиваться политическая власть волости; но подъ властью, конечно, здѣсь можно подразумѣвать только зачатки государственности, скорѣе фактическое, чѣмъ юридическое, распоряженiе политикой и внѣшней судьбой волости.

Если и въ наше время экономическiй достатокъ играетъ подавляющую роль въ соцiальной жизни, то въ тѣ отдаленныя времена значенiе его было еще большее; гражданинъ, которому судьба благопрiятствовала въ его финансовыхъ предпрiятiяхъ, быстро выдѣлялся изъ окружавшей его среды, получалъ влiянiе на своихъ товарищей и могъ „заправлять дѣлами“ политическими; борьба за существованiе выдѣляла наиболѣе предпрiимчивыхъ, энергичныхъ, смѣлыхъ людей; мало помалу капиталъ скапливался въ рукахъ такихъ избранныхъ, которые, благодаря этому, а также и въ силу физическихъ и моральныхъ преимуществъ, стали рѣшать судьбы города; а такъ какъ жизнь волости была, какъ мы уже знаемъ, тѣсно связана со своимъ центромъ—городомъ, то этимъ путемъ связывалась и политическая судьба всей волости.

Во главѣ общественной жизни стали, такимъ образомъ, тѣ состоятельные граждане, которымъ ихъ собственное богатство придавало значенiе аристократiи, патрицiата. Мы не имѣемъ въ такомъ процессѣ чего-либо исключительнаго; наоборотъ, онъ ничѣмъ существенно не отличается отъ обыкновеннаго процесса

2*

развитія государствъ, всегда связаннаго съ выдѣленіемъ класса „состоятельныхъ“, сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ политическую власть. Такъ было и у Славянъ. Мы имѣемъ въ виду хорошо извѣстный нашему лѣтописцу классъ мужей, „градскихъ старцевъ“, „нарочитыхъ мужей“, „лучшихъ мужей“, „лѣпшихъ“, „старѣйшины по всѣмъ градомъ“, „городовую старшину“ и т. п. Какъ бы они ни назывались, какіе бы эпитеты имъ ни придавались, ихъ соціальное значеніе одно и то же и совершенно ясно выступаетъ изъ сказаній лѣтописи.

Этотъ классъ гражданъ былъ созданъ ростомъ торговли и торговыхъ оборотовъ города, классъ, элементы котораго выдѣлились и обособились отъ населенія сельскаго въ силу скопленія въ рукахъ отдѣльныхъ личностей большого экономическаго достатка [1]).

---

[1]) Такимъ взглядомъ отвергается возможность признанія градскихъ старцевъ аристократіей земельной, какъ то думаетъ проф. Владимірскій-Будановъ (См. рецензію назв. автора труда проф. Ключевскаго о боярской думѣ въ „Сборникѣ госуд. знаній“; томъ VIII).

Такого класса на Руси въ тѣ времена не существовало и не могло существовать; для этого не достаточно еще опредѣлились отношенія населенія къ земельной собственности; послѣдняя находилась въ большинствѣ случаевъ въ общинномъ владѣніи и главнымъ образомъ потому, что самое количество и пространство незанятыхъ земель было еще слишкомъ велико, чтобы вызывать необходимость установленія ограничительныхъ правовыхъ нормъ пользованія ею. Богатство и экономическій достатокъ, выдѣлявшіе одинъ классъ населенія изъ прочей массы, могли являться лишь результатомъ торговли, а отнюдь не владѣніемъ землей. Впрочемъ названный авторъ самъ подтверждаетъ эту мысль, въ противорѣчіе самому себѣ, установляя происхожденіе высшаго класса древней волости именно въ городахъ, но затѣмъ отождествляя эту городскую аристократію съ „земскимъ боярствомъ“. Послѣднее понятіе появилось лишь въ XIII вѣкѣ.

Надо замѣтить такъ же, что наша наука пока оставляетъ въ тѣни одинъ смежный вопросъ, составляла ли городовая старѣйшина лишь соціальный классъ, или подъ этимъ терминомъ можно разумѣть, на ряду съ общественнымъ классомъ, и тѣхъ первичныхъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ городскимъ населеніемъ, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе волости, т. е. судъ и расправа. Для насъ вопросъ этотъ не важенъ, такъ какъ альтернативное его разрѣшеніе не можетъ вліять на конструкцію государственности древне-славянской волости.

Классъ городовой старѣйшины стоялъ во главѣ волости; онъ постепенно сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ и общественное господство и политическую власть; такимъ образомъ, ко времени образованія Славянскаго первобытнаго государства, именно этотъ торговый классъ сталъ распоряжаться управленіемъ волости, какъ административнымъ, такъ и военнымъ [1]); изъ его среды поставлялись тѣ первичныя должностныя лица, которыя представляли собою рудиментарные органы новорожденнаго государства. Среди нихъ находились и тѣ князьки, жупаны, баны, гаканы, которые стояли во главѣ волостной военной силы или являлись судьями, управителями, жрецами данной соціальной группы. Какъ мы увидимъ ниже [2]), этихъ князьковъ никакъ нельзя приравнивать къ позднѣйшимъ князьямъ. Въ числѣ прочихъ обязанностей этихъ первичныхъ должностныхъ лицъ, на первомъ планѣ, конечно, стояло военноначальство, завѣдываніе внѣшней обороной волости. Впослѣдствіи же, когда военное дѣло стало переходить въ руки варяжскихъ конунговъ, городовой старѣйшинѣ пришлось постепенно уступать главное мѣсто во всѣхъ военныхъ вопросахъ князю и его дружинѣ. Но такой переходъ совершался не сразу; не сразу сталъ князь со своей дружиной единственнымъ защитникомъ волости отъ внѣшнихъ враговъ, главной ея физической опорой, какимъ онъ былъ, напр., въ X вѣкѣ. Старцы градскіе только постепенно теряли свое военное значеніе; этимъ объясняется, напр., то обстоятельство, что въ продолженіе всего X столѣтія они не только воюютъ, но и торгуютъ бокъ о бокъ съ княжескими дружинниками; они начальствуютъ надъ городскимъ войскомъ, тѣми „мужами“ и „отроками“, которые являлись въ тѣ времена дѣятельными соратниками дружины; но одновременно, тѣ же старцы градскіе и нарочитые мужи по-прежнему везутъ свои

---

[1]) На такія первоначальныя функціи градскихъ старцевъ указывалъ уже Эверсъ (Древнѣйшее русское право, переводъ И. Платонова, Спб., 1835, книга 2, отд. 1, глава III, стр. 244). Но авторъ стоитъ на родовой теоріи, усматривая въ старѣйшинѣ лишь представителей отдѣльныхъ древнихъ родовъ.

[2]) См. ниже отд. III, I главы.

товары на Югъ, къ морю или Царьграду, такъ же какъ возили на сбытъ свои товары и имущество и княжескіе дружинники. А рядомъ съ этимъ была и еще одна черта сходства; ни тѣ ни другіе не владѣли земельнымъ имуществомъ; у нихъ не было ни селъ, ни пашенъ; явленіе вполнѣ понятное, если вспомнить, что главнымъ жизненнымъ занятіемъ городской аристократіи, занятіемъ, изъ котораго она черпала и экономическое благосостояніе и свое политическое значеніе, была торговля; дружина же, какъ увидимъ впослѣдствіи, всегда была классомъ подвижнымъ, не прикрѣплявшимся къ самой волости и обезпечивающимъ себѣ свое соціальное положеніе именно этой свободой и несвязанностью, а потому, въ тѣ времена, еще не стремившимся къ земельнымъ пріобрѣтеніямъ.

Но если единяла эти два класса общность торговыхъ промысловъ, а отчасти и только что описанное, сходное, отрицательное отношеніе ко владѣнію землей, то различало ихъ непримиримо ихъ соціальное положеніе и процессъ ихъ образованія. Торговая аристократія выросла изъ того положенія, которое занялъ въ волости городъ; ея происхожденіе тѣсно связано съ исторіей происхожденія городовъ; корни ея глубоко лежали въ процессѣ образованія волости. Наоборотъ, княжеская дружина была элементомъ придаточнымъ, съ волостью связаннымъ чисто случайно и побочными обстоятельствами.

Соціальнаго родства у этихъ двухъ классовъ никакого не было и не могло быть, единеніе же ихъ, которое, надо замѣтить, въ X вѣкѣ несомнѣнно существовало, носило поэтому характеръ чисто случайный и лишь политическій, а потому и столь легокъ былъ послѣдующій его разрывъ.

Большое значеніе и соціальная сила торговой аристократіи въ IX вѣкѣ, да еще и въ X, также хорошо извѣстны нашему лѣтописцу. Былина объ Ольгиной мести, напр., ярко рисуетъ намъ тѣ отношенія, которыя существовали въ Древлянской землѣ между городами, городской старѣйшиной, хотя бы Искоростеня, и ихъ князьями; послѣдніе „держали“ города,

но были, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ полной зависимости отъ городовой старѣйшины.

Такъ же точно Вятчане, благодаря своему отдаленному положенію не подвергшіеся въ той же мѣрѣ вліянію Рюриковичей, сохранили въ своихъ городахъ, дольше другихъ волостей, зависимое положеніе князя отъ торговаго патриціата.

Наконецъ, еще въ X столѣтіи, при всѣхъ торжественныхъ и важныхъ случаяхъ или всенародныхъ сборищахъ приглашались княземъ и старцы градскіе, занимавшіе въ такихъ случаяхъ мѣсто наравнѣ съ дружиной; таковы были воскресные пиры Владиміра, въ его кіевской гридницѣ или пиры этого же князя послѣ его большой побѣды надъ Печенѣгами. На этихъ пирахъ, по свидѣтельству лѣтописца, присутствовали и „старѣйшины по всѣмъ градомъ“.

Этими же соображеніями объясняется и отмѣченное профессоромъ Ключевскимъ [1]) присутствіе градскихъ старцевъ въ первоначальной княжеской думѣ, при обсужденіи особо важныхъ политическихъ актовъ; старцы имѣли голосъ въ княжеской думѣ, именно благодаря ихъ соціальному значенію среди горожанъ; они были представителями прежней политической власти; въ ихъ рукахъ прежде сосредоточивалась политическая власть волости, вслѣдствіе чего князьямъ нельзя было не считаться съ ихъ мнѣніемъ.

Впослѣдствіи, когда политическое значеніе торговой аристократіи стало падать, постепенно стала исчезать и потребность въ ихъ помощи для княжеской политики, а потому въ XI вѣкѣ они уже постепенно исчезаютъ и изъ состава думы; совѣты ихъ больше не нужны князю, вслѣдствіе чего не требуется больше и ихъ присутствія въ думѣ.

Такимъ образомъ, все больше становилось различіе въ политическомъ значеніи этихъ двухъ классовъ; между ними не могъ долѣе существовать тотъ политическій союзъ, который единялъ ихъ первое время.

---

[1]) Ср. Боярская Дума древней Руси, глава I.

Процессъ этотъ закончился ко временамъ XII столѣтія, когда прежняя могущественная торговая аристократія, городовая старѣйшина, должна была окончательно уступить свое мѣсто княжескимъ дружинникамъ. И власть и политическое значеніе постепенно переходили въ руки князя, получавшаго права правителя непосредственно отъ народнаго собранія — вѣча [1]).

---

[1]) Мы въ данномъ случаѣ существенно расходимся съ мнѣніемъ проф. Ключевскаго.

Принимая, какъ выше изложено, съ нѣкоторыми оговорками, его теорію о происхожденіи „градскихъ старцевъ", „нарочитыхъ мужей", представителей той торговой аристократіи, которая сосредоточила въ своихъ рукахъ, ко времени появленія князей, политическую власть города и волости, мы совершенно отрицаемъ ихъ соціальное родство съ княжеской дружиной; соединяло эти два элемента лишь случайное совпаденіе торговыхъ интересовъ, а отчасти и политики, а не какія-либо соціальныя связи; послѣднихъ не могло существовать, благодаря различію образованія этихъ двухъ классовъ; между ними былъ союзъ, но „братства" никогда не было (ср. Боярская Дума древней Руси, стр. 94 и 95, X, „Рус. Мысль" 1880 г.). По нашему глубокому убѣжденію, какъ мы и постараемся доказать ниже, князья съ ихъ дружинами всегда были „варяжскими конунгами, бездомными искателями военной добычи и хорошаго корма по богатымъ городамъ за свои административныя и военныя услуги", а не стали „возвращаться къ этому положенію", какъ думаетъ проф. Ключевскій.

Только со времени постепеннаго прекращенія татарскаго ига стали князья съ ихъ дружинами превращаться изъ „бродягъ вродѣ Половцевъ", въ осѣдлый и постоянный элементъ волости, въ князей—правителей; если позднѣе вновь поднимается значеніе старшаго волостного города, то наоборотъ, власть князя, власть осѣдлая, если можно такъ выразиться, установляется лишь впервые, а не „возстановляется", такъ какъ до той поры князь принужденъ былъ считаться въ своемъ правленіи съ волей волости, съ властью градскихъ старцевъ, со значеніемъ вѣча. Поэтому исчезновеніе нарочитыхъ мужей изъ состава княжеской думы для насъ имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ для уважаемаго автора; „самый крупный фактъ исторіи волости X—XII столѣтій, появленіе въ ней (т. е. княжеской думѣ) и исчезновеніе изъ нея городскихъ старѣйшинъ" представляетъ для насъ лишь ту связь, которая первоначально соединяла князя-пришельца съ волостью-народомъ, безконтрольно и независимо распоряжавшимся своею собственной судьбой. Старѣйшины явились для князя, при первомъ его водвореніи въ волости, какъ необходимое и посредствующее звено между нимъ и народомъ; впослѣдствіи же, когда власть его уже окрѣпла, когда населеніе освоилось со своими новыми управителями, старцы градскіе перестали быть необходимымъ элементомъ помощи и посредничества,

Итакъ, результатъ, къ которому привело насъ наше изслѣдованіе, заключается въ признаніи законченности процесса образованія волости ко времени появленія князя; волость была тогда уже вполнѣ оформившимся общественнымъ организмомъ или единицей, вслѣдствіе чего князь въ силу необходимости могъ занять лишь внѣшнее положеніе второстепеннаго къ ней придатка.

II.

Верховный органъ волости—вѣче.

Съ того момента, какъ стала концентрироваться древне-славянская волость, стало пріобрѣтать особое значеніе и народное вѣче. Происхожденіе и первоначальная исторія вѣча чрезвычайно темны и врядъ ли когда-либо будутъ съ точностью раскрыты наукой.

Главнѣйшій источникъ нашихъ познаній, древняя лѣтопись, почти не останавливается на этомъ важномъ явленіи политической жизни тѣхъ временъ, потому ли, что явленіе это было слишкомъ обыденно, слишкомъ хорошо извѣстно и понятно въ тѣ времена всякому и каждому, потому ли, что отсутствовали письменные акты и опредѣленность дѣятельности этого института, черезъ посредство котораго проявлялась народная воля—эта верховная вершительница судебъ нашего древняго государства, потому ли, наконецъ, что лѣтописецъ былъ поглощенъ одной идеей—дѣятельностью князей и княжескихъ родовъ, оставляя въ тѣни первобытныя формы народоправства или просто не интересуясь ими, или даже будучи мало зна-

---

откуда ихъ исчезновеніе изъ состава думы, которая и „стала болѣе прежняго замкнутымъ учрежденіемъ". Съ увеличеніемъ значенія князя, увеличилось и значеніе его думы; послѣдняя сдѣлалась болѣе самостоятельной и стала понемногу выключать изъ своего состава всѣ чуждые ей элементы, т. е. городскихъ старѣйшинъ, мѣшавшихъ ея свободѣ дѣйствій.

комъ съ ними [1]), какъ бы то ни было, печальный фактъ полнаго отсутствія указаній на дѣятельность и значеніе вѣча ставитъ историка въ чрезвычайно затруднительное положеніе.

Не имѣя возможности установить подробностей дѣятельности вѣча, или бо̀льшаго количества историческихъ примѣровъ, изслѣдователь, однако, въ состояніи вывести общія начала, какъ политическаго, такъ и соціальнаго и юридическаго значенія этого первобытнаго народнаго собранія. Соціологія, напр., знаетъ примѣры первобытныхъ демократій и непосредственныхъ народныхъ республикъ, что даетъ возможность, хотя бы путемъ сравнительнымъ, установить формы дѣятельности и значеніе Славянскаго вѣча.

Какъ только стала складываться волость, т. е. стали проявляться первые признаки государственности у Славянскихъ племенъ, такъ, силою необходимости, стало выдѣляться значеніе вѣча. Мы уже указали выше тотъ процессъ концентраціи, который совершался среди Славянъ послѣ ихъ переселенія на Востокъ и завершился установленіемъ торговыхъ путей, съ укрѣпленными городами по линіи Волховъ—Днѣпръ, тѣхъ самыхъ путей, по которымъ шло торгово-промышленное движеніе, „изъ Варягъ въ Греки и изъ Греки“, и которые такимъ образомъ связывали далекій Скандинавскій Сѣверъ съ Чернымъ моремъ и Византіей. Мы также видѣли, что эта концентрація выдвинула значеніе городовъ, какъ остановочныхъ пунктовъ на этихъ путяхъ; это были тѣ станціи, которыя стягивали вокругъ себя отдѣльныя мѣстности, куда сельское населеніе свозило свой товаръ на сбытъ и которыя затѣмъ присоединили къ своему экономическому значенію и политическую власть. Постараемся теперь выяснить, какова же была эта политическая власть, въ какія она вылилась формы и какимъ измѣненіямъ подверглась впослѣдствіи.

Чѣмъ первобытнѣе народъ или племя, тѣмъ проще, ко-

---

[1]) Всѣ эти предположенія высказывались въ нашей литературѣ, но ни одно изъ нихъ не доказано и врядъ ли когда-нибудь и будетъ доказано за полнымъ недостаткомъ фактическаго матеріала.

нечно, и его политическая жизнь; естественный ростъ и общественное развитіе племени дѣлаетъ съ теченіемъ времени необходимымъ переходъ отъ патріархальной формы власти, при которой распоряженіе судьбами племени или народа принадлежитъ патріарху или родоначальнику, къ формѣ болѣе сложной и чаще всего къ демократіи, съ непосредственнымъ участіемъ народа въ осуществленіи верховной власти; такъ было и у Славянскихъ племенъ; уже съ первыхъ временъ колонизаціи русскихъ земель судьбами этихъ маленькихъ, еще незначительныхъ поселковъ распоряжалось общее собраніе ихъ жителей; каждый отдѣльный поселокъ, каждая отдѣльная колонія, благодаря огромнымъ отдѣляющимъ ихъ разстояніямъ, были вполнѣ самостоятельны; но затѣмъ, въ силу роста торговли, съ одной стороны, и вслѣдствіе необходимости самозащиты отъ степи, съ другой, отдѣльные поселки начинаютъ соединяться, откуда возникаетъ первое государственное единеніе — волость. Такъ, въ IX вѣкѣ, напр., мы встрѣчаемъ уже не отдѣльныя маленькія колоніи, не отдѣльные погосты и городки, эти зародыши города, а нѣкоторое бо̀льшее единеніе; это и есть тотъ процессъ концентраціи волости, о которомъ мы говорили выше. Параллельно съ нимъ развивалось и значеніе народныхъ собраній; они продолжали распоряжаться судьбами новообразовывающихся волостей въ той же мѣрѣ, въ какой распоряжались прежде въ первобытныхъ колоніяхъ, городкахъ, поселкахъ или погостахъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда только затронуты были общіе интересы, когда заинтересовано было все населеніе, оно и разрѣшало само спорные вопросы и завѣдывало самостоятельно своими судьбами въ качествѣ верховнаго органа, собираясь на общее собраніе—вѣче („Новгородцы бо изначала, и Смолняне и Кыяне и Полочане и *вся власти, яко же на думу на вѣча сходятся*, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ"). У насъ имѣется не одно свидѣтельство лѣтописца объ общественномъ устройствѣ первобытной волости. Такъ о Новгородцахъ онъ говоритъ: „Словени-же сѣдоша около озера Ильменя, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и на-

рѣкоша его Новъгородъ“ (Лавр. 3). Замѣтимъ, что здѣсь ни слова не говорится о существованіи какого-либо князя. О дѣятельности Новгородскаго вѣча той эпохи лѣтописецъ говоритъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; передъ избраніемъ Рюрика Новгородцы „почаша сами въ собѣ володѣти“ (Лавр. 8); затѣмъ очевидно о народномъ собраніи говорится при описаніи изгнанія первыхъ Варяговъ: „рѣша *сами въ собѣ*, поищемъ себѣ князя“. О болѣе древней эпохѣ говорится въ лѣтописи при повѣствованіи о жизни миѳическаго Гостомысла: „и въ то время въ Новѣградѣ нѣкый старѣйшина, именемъ Гостомыслъ, скончаваетъ житіе, и созва владѣльца, сущая съ нимъ Новаяграда, и рѣче...“ (Лавр. 72).

Еще болѣе развитая общественная жизнь встрѣчается у Полянъ, въ разсматриваемомъ періодѣ, когда складывалась Славянская государственность. Объясняется это тѣми же экономическими факторами, которые вызвали появленіе Славянскаго государства вообще; черезъ Полянскую землю шелъ главный торговый трактъ; городъ Кіевъ лежалъ на самомъ бойкомъ торговомъ пути; въ его стѣнахъ сходились торговцы Юга и Сѣвера; жители Кіевской волости были благодаря этому и богаче и культурнѣе жителей прочихъ Славянскихъ волостей; они имѣли случай бо̀льшее видѣть въ своей жизни, приходить въ соприкосновеніе съ большимъ кругомъ иностранцевъ, ощущать вслѣдствіе этого же большее вліяніе Византійской культуры и просвѣщенія. Вотъ почему именно у Полянъ находимъ мы и первыхъ князей, такъ какъ именно ихъ земля, ранѣе другихъ сложившаяся и концентрировавшаяся, уже представляла всѣ признаки государственности, превратившись изъ земли въ волость; трудно сказать насколько достовѣрно сказаніе о миѳическихъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, а за ними объ Аскольдѣ и Дирѣ, но, думается, существованіе у Полянъ князей, ранѣе чѣмъ въ другихъ волостяхъ, вполнѣ допустимо. Происхожденіе Кіевской волости лучше всего рисуетъ намъ картину происхожденія Славянской волости вообще, даетъ намъ лучшее понятіе о возникновеніи городовъ, благодаря торговлѣ, о концентраціи вокругъ

нихъ сельскаго населенія и о появленіи у такой соціальной группы первыхъ признаковъ государственности; мы знаемъ изъ исторіи Кіева, какъ благодаря Днѣпру, именно здѣсь образовался первый торговый узелъ, здѣсь стали сосредоточиваться необходимыя сношенія торговцевъ, пользовавшихся этимъ воднымъ путемъ; постепенно такія торговыя сношенія должны были измѣнить весь строй общественной жизни Полянъ; имъ нельзя было болѣе довольствоваться прежними общинными или родовыми формами—откуда неизбѣжный переходъ къ государственности.

Первоначально долгое время внѣшняя безопасность обезпечивалась Полянамъ и въ частности Кіеву, данью, которую жители этой волости платили Хозарамъ; послѣдніе охраняли торговый путь Днѣпра. И уже съ перваго момента, какъ выдвинулся на первый планъ городъ Кіевъ, верховнымъ органомъ окружавшей его волости стало Кіевское вѣче (какъ говоритъ лѣтописецъ: „Кыяне бо изначала, яко же на думу на вѣча сходятся“ [1]).

Рядомъ съ Полянами жили Сѣверяне, но они стояли гораздо ниже Полянъ по своему общественному развитію. Мы не знаемъ о существованіи у нихъ князей (до Рюриковичей-Святославичей); по крайней мѣрѣ источники ни словомъ не обмолвились о нихъ. Еще ниже стояли Радимичи и Вятичи, жившіе въ сторонѣ отъ большого торговаго пути и не имѣвшіе даже городовъ; волости ихъ еще не сформировались окончательно и не сконцентрировались, представляя собою такимъ образомъ не государства, а скорѣе „земли“.

Зато Кривичи и Полочане, эти двѣ отрасли Ильменскихъ Славянъ, пользовались гораздо болѣе развитыми формами общественной жизни; у нихъ имѣлись и торговые города, черезъ ихъ волости шли торговые пути на Сѣверъ, вслѣдствіе чего развилась и болѣе интенсивная общественная жизнь. Лѣтописецъ

[1]) Противниками этого мнѣнія въ нашей литературѣ выступали многіе, въ томъ числѣ проф. Самоквасовъ (см. его „Изслѣдованія“ и „Замѣчанія“), а также историкъ Бѣловъ.

намъ свидѣтельствуетъ о дѣятельности вѣчъ этихъ волостей и о формахъ ихъ общественности, очень схожей съ соціальной формой Новгорода, бывшаго по всей вѣроятности ихъ метрополіей [1]).

Таковы различныя стадіи общественнаго развитія Славянскихъ племенъ, въ тѣ времена, когда застаетъ ихъ сказаніе лѣтописца, т. е. во времена „пустого мѣста" Забѣлина. Уже одно сравненіе этихъ различныхъ стадій показываетъ намъ ясно картину этого процесса развитія государственности и, какъ уже сказано, на первомъ мѣстѣ, „изначала", всюду стоитъ вѣче. Изслѣдованія проф. Сергѣевича открыли намъ существованіе народныхъ собраній, вѣчъ, въ слѣдующихъ городахъ: Бѣлгородѣ, Владимірѣ Волынскомъ, Берестьѣ, Рязани, Муромѣ, Пронскѣ, Смоленскѣ, Галичѣ, Полоцкѣ, Дрюческѣ, Черниговѣ, Курскѣ, Стародубѣ, Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ-на-Клязьмѣ, Переяславлѣ, Москвѣ, Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Брянскѣ. Уже одно количество этихъ городовъ показываетъ намъ, насколько всеобще было вѣче на древней Руси.

Итакъ, верховнымъ органомъ нашего молодого государства-волости было вѣче; оно рѣшало судьбы народа, оно и управляло и законодательствовало (если можно примѣнить этотъ современный терминъ къ той отдаленной эпохѣ) въ волости. Всѣ отдѣльныя должностныя лица, всякая власть, производили свои полномочія отъ народа, кто бы они ни были, родоначальники, патріархи, военноначальники, управители и т. п.

Въ IX столѣтіи государственное развитіе волости достигаетъ той степени, когда власть уже дифференцируется, когда мы имѣемъ уже ясно опредѣляющіяся должности какъ по военной, такъ и по административной организаціи молодого государства.

---

[1]) Въ литературѣ существуетъ разногласіе относительно вопроса племенного происхожденія Кривичей, разногласіе, поднятое г. Иловайскимъ. Въ настоящее время наука еще не выяснила окончательно, происходили ли Кривичи отъ Новгородцевъ или наоборотъ, послѣдніе являлись колоніей первыхъ.

Во главѣ населенія стояла описанная выше торговая аристократія, тотъ классъ экономически состоятельныхъ, „богатыхъ“, которые сумѣли соединить въ своихъ рукахъ нѣкоторый капиталъ или имущественный достатокъ; очевидно, что этотъ классъ людей, пополнявшійся путемъ лишь естественнаго подбора, борьбой за существованіе, долженъ былъ получить преобладаніе и въ политической жизни; изъ его среды избирались должностныя лица, онъ же, благодаря выдающемуся значенію личностей, его составлявшихъ, въ силу необходимости долженъ былъ получить огромное вліяніе и на внѣшнюю и на внутреннюю жизнь волости-государства; но власть, въ его рукахъ сосредоточенная, была производная; верховнымъ вершителемъ всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ оставался все-таки самъ народъ.

Старцы градскіе, нарочитые мужи, могли имѣть огромное личное вліяніе, народъ могъ ихъ слушать, поучаться ихъ опытности, спрашивать у нихъ совѣта, но единственнымъ органомъ верховной власти оставалось все-таки вѣче, а не торговая аристократія.

Фактъ этотъ хорошо извѣстенъ нашему лѣтописцу; какъ бы скудны ни были приводимыя имъ данныя, онѣ все-таки ясно свидѣтельствуютъ объ одномъ: что, какъ только какой-либо вопросъ затрагивалъ общіе интересы населенія волости, то разрѣшался онъ лишь при посредствѣ народнаго собранія, вѣча, т. е. самого народа [1]). Такъ было въ случаяхъ необходимости

[1]) Укажемъ главнѣйшіе случаи, въ которыхъ лѣтопись упоминаетъ о дѣятельности вѣчъ: Крещеніе Руси при Владимірѣ Св. должно быть поставлено здѣсь на первое мѣсто. Затѣмъ идутъ: Посольство Древлянъ къ Ольгѣ („Деревляне избраша лучшіе мужи, иже деръжаху Деревьску землю, и послаша по ню“. Лавр. 23); принесеніе жертвъ идоламъ въ 983 году; княженіе Святополка Владиміровича съ согласія народа (1015—1019); походы Ярослава Владиміровича на Святополка (1018—1019), съ согласія Новгородцевъ; призваніе Тмутараканью Мстислава; Кіевскія вѣча: 1067, 1068, 1093 и 1096, 1113 (призваніе Мономаха), 1146 (призваніе Изяслава), 1147 (усобица съ княземъ Игоремъ), 1148 (переговоры съ Изяславомъ), 1150.

Владиміръ-Волынское: 1097.

Звенигородское: 1147.

начать войну съ сосѣдомъ, при заключеніи мира, какихъ-либо общихъ дѣйствіяхъ совмѣстно съ другой волостью, при сношеніяхъ съ другими народами или государствами, колонизаціи новыхъ земель, торговыхъ отношеніяхъ съ Византіей, Варягами и другими племенами и т. д. и т. д. Совершенно аналогичное положеніе находимъ мы и въ отношеніи ко внутреннему управленію; важнѣйшія должности замѣщались по народному избранію; народомъ же часто творился и судъ, контролировалась дѣятельность его избранниковъ, которые смѣщались съ тою же легкостью, съ какой и избирались; народъ же устанавливалъ наконецъ и тѣ рудименты законодательства, которые можно найти въ той отдаленной эпохѣ. Очевидно, что каково бы ни было положеніе градскихъ старцевъ, какъ бы велико ни было ихъ значеніе или власть, они были все-таки вполнѣ зависимы отъ народа и выдѣлялись изъ его среды лишь благо-

---

Полоцкія: 1128, 1151 и 1158 (изгнаніе и новое призваніе Рогволода Борисовича), 1186.

Дрючское: 1159.

Смоленскія: 1175, 1185 и 1230.

Ростовскія: 1157 и 1175.

Суздальскія: 1157 и 1175.

Владиміръ-Залѣсскія: 1157, 1175 и 1176.

Переяславльское: 1175.

Рязанское: 1177.

Галичскія: 1187 (изгнаніе Владиміра) и 1231.

Кромѣ того, можно привести еще слѣдующіе случаи вѣчевыхъ собраній:

въ 1067 году Миняне *затворились* отъ Изяслава,
„ 1085 „ Лучане *предались* Владиміру,
„ 1142 „ Ладожане *собирались* отразить Емь,
„ 1185 „ Римовичи *затворились въ градѣ* отъ Половцевъ,
„ 1158 „ Корочане *вышли навстрѣчу* Изяславу и кланялись ему съ радостью.

(Кромѣ того, на зависимость князя отъ народа могутъ указывать случаи княженій Святополка и Мстислава Владиміровича; первый раздавалъ подарки Кіянамъ, чтобы они его приняли; второй же не былъ принятъ Кіянами, когда шелъ войной на Ярослава и остался должно быть вслѣдствіе этого въ Черниговѣ).

Защитниками значенія вѣча въ нашей литературѣ выступали главнымъ образомъ Сергѣевичъ, Бѣляевъ, Костомаровъ.

Наоборотъ, отрицали его значеніе въ древней Славянской волости Бѣловъ, Самоквасовъ, Бестужевъ-Рюминъ и нѣкоторые другіе.

даря своимъ личнымъ качествамъ и достатку; это не былъ правительствующій классъ, а правящіе индивидуумы; въ число ихъ могъ проникнуть всякій, которому только улыбнется счастье. Благодаря безгранично властному естественному подбору сильнѣйшихъ личностей, въ житейской борьбѣ за существованіе, положеніе ихъ было, конечно, выдающееся, но въ одномъ отношеніи они были связаны: воля народа была для нихъ обязательна; правда, не надо упускать изъ виду, что послѣдняя находила себѣ выраженіе лишь въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни, только тогда, когда затронуты были народные интересы; волю народа стало быть не надо переоцѣнивать; мы, къ тому же, въ данномъ случаѣ не имѣемъ чего-либо опредѣленнаго или постояннаго; народная воля измѣняется, примѣняется къ обстоятельствамъ жизни, она текуча и не поддается опредѣленію, какъ нѣчто неизмѣнное; здѣсь важна только одна сторона вопроса, политическое и юридическое значеніе народной воли. Юридически она является верховной властью, отъ которой производится власть органовъ первобытнаго государства тѣхъ временъ, политически же она—вершительница судебъ волости и самого народа.

Проявлялась народная воля черезъ посредство вѣча; послѣднее потому и является собственно управителемъ волости [1]). Безразлично при этомъ, самъ ли народъ сходился или созывался должностными лицами, либо представителями высшаго класса, патриціата. Народъ сходился для обсужденія важныхъ вопросовъ, когда затронуты были или могли быть затронуты общіе интересы, и рѣшалъ ихъ безапелляціонно; отмѣнить такое рѣшеніе или измѣнить его могло только само вѣче, т. е.

[1]) Костомаровъ беретъ за основу государства не волость, а землю, терминъ, по нашему мнѣнію, болѣе соотвѣтствующій не государственному, а племенному дѣленію. Затѣмъ названный авторъ указываетъ, что вѣче было „выраженіемъ власти земли“, т. е. черезъ него проявлялась народная воля; князь же былъ органомъ этого государства. По нашему мнѣнію вѣче было не только „выраженіемъ власти“, но также органомъ, и въ различіе отъ князя — органомъ верховнымъ, князь же той эпохи былъ органомъ производнымъ, зависимымъ отъ вѣча.

опять-таки тотъ же народъ. Безразлично также, какую роль играли на томъ или другомъ народномъ собранiи представители торговой аристократiи; какъ общественная ихъ роль, такъ и та, которую они играли на вѣчахъ, была несомнѣнно велика, но юридически они были вполнѣ зависимы отъ вѣча.

Важнѣйшie вопросы они не могли рѣшать и фактически; напр., хотя бы веденie войны; при несочувствiи народа у ведущаго класса не оказалось бы войска, не съ чѣмъ было бы и вести войну; то же самое и при оборонѣ отъ внѣшняго врага. У него, однимъ словомъ, не было ни средствъ, ни способовъ юридическаго принужденiя населенiя къ чему бы то ни было.

Но это верховенство народнаго собранiя, вѣча, не исключаетъ, конечно, возможности руководительства имъ однимъ какимъ-нибудь классомъ или даже одною личностью; при невѣжествѣ и темнотѣ народной массы подобное руководительство было даже неизбѣжно; но одно другому нисколько не противорѣчитъ; руководительство, какъ бы значительно и всесильно оно ни было, все-таки остается фактическимъ, а не юридическимъ элементомъ.

Подобное руководительство на вѣчѣ принадлежало торговой аристократiи, градскимъ старцамъ; въ этомъ именно смыслѣ они и называются лѣтописью лучшими и лѣпшими мужами, нарочитыми людьми и т. п.; они были дѣйствительно лучшими какъ въ смыслѣ экономическомъ, такъ и въ смыслѣ политическомъ, и имѣли на вѣчѣ несомнѣнное и преобладающее влiянie; опытъ ихъ, напр., житейскiя приключенiя, видѣнное ими въ другихъ странахъ, все это придавало отдѣльнымъ личностямъ особый вѣсъ и значенie, такъ хорошо переданныя въ древне-русскомъ терминѣ „старцы градскie“.

Но это нисколько не измѣняетъ юридической основы ихъ власти и значенiя, какъ производной силы; они были „отъ народа“, они выросли изъ него, выдѣляясь лишь личными качествами, умомъ и энергiей. Отсюда тѣснѣйшая связь ихъ съ самимъ народомъ; они составляли съ народомъ одно цѣлое;

при постоянномъ взаимодѣйствіи высшихъ и низшихъ слоевъ населенія не могло установиться какой-либо обособленности, какой-либо замкнутости высшаго класса.

Само собою понятно, что наша точка зрѣнія на вѣче, какъ на верховный органъ древняго государства, исключаетъ возможность принятія той теоріи, которая считаетъ допустимымъ раздѣленіе вѣчъ на законныя и незаконныя, на правильныя или неправильныя [1]). Всякое вѣче, представлявшее собою народъ, было законное и правильное, кто бы его ни собиралъ, гдѣ бы оно ни сходилось; вопросъ былъ только въ томъ, представляетъ ли данная сходка весь народъ или часть его, другими словами, это былъ вопросъ силы; если у сошедшагося народа была возможность проведенія своего мнѣнія на практикѣ, если онъ представлялъ собою большинство населенія данной волости, сходка была вѣчемъ, т. е. имѣла право и возможность фактически распоряжаться судьбами прочаго населенія; если такой силы у нея не было, она была простой сходкой или „незаконнымъ вѣчемъ“.

Совершенно аналогично тому, какъ на самомъ вѣчѣ различныя партіи могли играть разныя роли, но послѣднее слово оставалось за той партіей, за которой была физическая сила, которая имѣла возможность принужденія по отношенію къ остальнымъ партіямъ или отдѣльнымъ личностямъ, такъ и отношенія вѣча къ народу складывались также соотвѣтственно равновѣсію силъ.

На вѣчѣ могъ присутствовать всякій свободный гражданинъ; понятіе свободы было ограничено лишь личною зависимостью отъ другого лица (напр., семейная, закупная, холопская, рабская и т. п.); стало быть, отсутствіе такой зависимости было достаточнымъ признакомъ для участія въ вѣчевомъ собраніи; ни требованіе опредѣленнаго мѣстожительства или

[1]) Ср. Неволинъ, Полн. собр. соч., VI, стр. 112; Бѣляевъ, Разсказы, II, стр. 158; Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ исторіи Рус. права“, I, стр. 28 и слѣд.; Самоквасовъ, „Изслѣдованія“; Соловьевъ, „Исторія Россіи“, томъ III, глава 1.

занятія, ни какихъ-либо другихъ ограничительныхъ признаковъ не существовало, а потому всякій свободный гражданинъ данной волости могъ принимать участіе на любомъ вѣчевомъ собраніи [1]). Изъ такой свободной постановки вопроса участія на вѣчѣ любого гражданина вытекаетъ одно важное слѣдствіе— въ этомъ участіи всѣ были также равны. Всякій могъ говорить, дѣлать предложенія, высказывать свои мнѣнія, желанія, опасенія, одобреніе и порицаніе и т. д. и т. д. Если какое-нибудь лицо выдѣлялось на вѣчѣ своимъ ли вліяніемъ, рѣчами или руководительствомъ, то такое выдѣленіе было чисто фактическое, возможностью, открытой всякому.

Вполнѣ понятно, что чаще всего такое положеніе завоевывали себѣ люди болѣе опытные, житейски испытанные, т. е. тѣ самые, которые стояли во главѣ населенія и въ экономическомъ отношеніи, вышеупомянутая торговая аристократія; имъ принадлежало, вполнѣ естественно, руководительство народнымъ собраніемъ; вокругъ нихъ группировались отдѣльныя партіи; ихъ голоса представляли наибольшій вѣсъ во время принятія рѣшеній; это вопросъ также не юридическій, а фактическій, вокругъ какихъ личностей группировалось данное вѣче; рѣшеніе послѣдняго принималось все-таки именемъ всѣхъ „людій", а не городской старѣйшины.

При такой постановкѣ вопроса, конечно, пикакой роли не могло играть мѣсто собранія; гдѣ бы оно ни собиралось, разъ оно представляло собой народъ, т. е. имѣло за собой большинство населенія данной волости, оно тѣмъ самымъ имѣло возможность властно распоряжаться судьбами волости.

Думается, народу и въ голову не могло прійти вопроса о мѣстѣ сбора и законности его; для удобства обыкновенно собирались въ опредѣленномъ мѣстѣ, какъ въ Кіевѣ, напр., у Св. Софіи, дабы всякій гражданинъ зналъ куда идти, когда звонитъ вѣчевой колоколъ, но разъ, въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, народъ собрался въ другомъ мѣстѣ, и не только

[1]) Ср. проф. Сергѣевичъ, Рус. Юридич. Древности, томъ II, книга 3. „Вѣче".

у Туровой божницы, а и за городомъ, въ чистомъ полѣ, то и тогда вѣче было законно въ той же мѣрѣ, какъ если бы оно собралось у Св. Софіи.

Разсужденіе это относится въ полной мѣрѣ и къ тайнымъ вѣчамъ, когда народъ собирался въ избахъ, дабы не разгласить до времени своего рѣшенія; очевидно и такія вѣча были законными и правильными, разъ только они представляли собой народъ, а не кучку конспираторовъ или представителей одного какого-либо класса. Сомнѣнія, возникшія у нашихъ ученыхъ по отношенію именно къ этой формѣ вѣча (тайной) вполнѣ понятны; именно здѣсь легче всего могли встрѣчаться сомнительные случаи, когда собиралась лишь часть народа, или какой-нибудь одинъ классъ, либо политическая партія; легко могло статься, что у собравшихся впослѣдствіи не хватало силы для проведенія своихъ рѣшеній въ жизнь, когда, стало быть, неприсутствующая на тайныхъ собраніяхъ часть населенія почему-либо не принимала ихъ рѣшенія; очевидно, тогда можно говорить съ полнымъ правомъ о незаконномъ или неправильно состоявшемся вѣчѣ; вопросъ и тутъ рѣшается фактическимъ распредѣленіемъ силъ; если тайное вѣче имѣло за собой согласіе и большинство народа, могло провести въ жизнь свои рѣшенія, оно можетъ считаться законнымъ, наравнѣ со всякимъ другимъ народнымъ собраніемъ; въ противномъ случаѣ оно было простой сходкой партіи или отдѣльныхъ лицъ.

Недомолвки нашихъ лѣтописей въ данномъ случаѣ вполнѣ оправдываютъ ошибочное мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о тайныхъ вѣчахъ; каждый примѣръ тайнаго вѣча долженъ обсуждаться особо; общаго правила установить здѣсь невозможно, когда данное тайное вѣче было правильно, и когда неправильно; a priori утверждать, что всякое тайное вѣче незаконно также невозможно [1]).

---

[1]) Мы идемъ въ данномъ случаѣ немного далѣе проф. Сергѣевича (Рус. Юридич. Древн., т. II, стр. 100), разобравшаго лишь юридическую необоснованность мнѣнія его предшественниковъ о тайныхъ вѣчахъ; повторять его доводы, конечно, не приходится; намъ

Изъ основного положенія, что вѣче должно представлять собой народъ данной волости для того, чтобы быть законнымъ, т. е. въ состояніи проводить свои рѣшенія въ жизнь, вытекаетъ и объясненіе отношеній городского вѣча къ пригородамъ и ихъ вѣчамъ. Со времени окончанія концентраціи волости она, не переставая расти, продолжала колонизовать окружныя земли; села и деревни, увеличиваясь въ своемъ объемѣ и значеніи, пріобрѣтая въ силу какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ бо̀льшее экономическое значеніе, могли образовать свой округъ, чему способствовало иногда и географическое ихъ расположеніе, вдали отъ города или при существованіи естественныхъ раздѣляющихъ ихъ преградъ, болотъ, лѣсовъ и т. п. Такой округъ могъ построить свой собственный укрѣпленный центръ, который и являлся пригородомъ; послѣдній же, по мѣрѣ роста даннаго округа, могъ пріобрѣтать все бо̀льшую самостоятельность, выдѣляясь изъ-подъ зависимости города-метрополіи; такъ, какіе-нибудь выселки съ теченіемъ времени и при благопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ образовывали сначала маленькую, а впослѣдствіи и значительную колонію, которая, въ свою очередь, могла колонизовать и заселять еще болѣе отдаленныя мѣстности; таковъ тотъ процессъ колонизаціи древнеславянскихъ земель, который постепенно въ теченіе VIII—XI вѣковъ заселилъ территорію современной Россіи, и который выражается соціальной градаціей починка, деревни, села, слободы, пригорода и, наконецъ, города, когда утверждалась и го-

---

хотѣлось лишь объяснить тѣ соображенія, которыя доказываютъ, что ошибка въ данномъ случаѣ была чрезвычайно легка; другимъ поводомъ къ этой же ошибкѣ было то общее положеніе нашей науки въ XIX столѣтіи, которое во что бы то ни стало выдвигало на первый планъ значеніе князя; по мнѣнію этой школы, разъ что-нибудь противодѣйствовало положенію или силѣ князя — оно тѣмъ самымъ было *незаконно*; а такъ какъ тайныя вѣча чаще всего собирались именно въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ предпринималъ что-нибудь противъ князя, дабы не дать ему возможность противодѣйствовать заблаговременно, то подобныя вѣча и признавались незаконными. Въ минувшемъ столѣтіи одного этого факта могло казаться достаточнымъ для признанія вѣча незаконнымъ или неправильнымъ.

сударственная самостоятельность округи, превращающейся этимъ въ волость.

Всякій пригородъ жилъ своею самостоятельной жизнью, завѣдывалъ своими дѣлами при посредствѣ собственнаго вѣча и только въ общихъ вопросахъ, когда затронуты бывали общіе интересы всей волости, онъ имѣлъ дѣло со своей метрополіей, считаясь тогда съ волей городского вѣча. Чѣмъ значительнѣе былъ пригородъ, тѣмъ бóльшая у него была возможность отстаивать свои собственныя рѣшенія и свою самостоятельность отъ посягательствъ вѣча метрополіи; наоборотъ, чѣмъ меньше онъ былъ, тѣмъ легче было городскому вѣчу подчинять своимъ рѣшеніямъ населеніе такого пригорода.

Вопросъ опять-таки рѣшался сочетаніемъ и равновѣсіемъ силъ. Самымъ блестящимъ примѣромъ является, конечно, исторія Пскова, выросшаго изъ-подъ крылышка Новгорода; благодаря особо благопріятнымъ обстоятельствамъ, онъ настолько выросъ, что былъ въ состояніи не только жить независимо отъ метрополіи, но даже стать съ теченіемъ времени городомъ, т. е. обособиться въ самостоятельное государство; разъ произошло такое обособленіе, то тѣмъ самымъ и порывалась связь между вѣчемъ Новгорода и вѣчемъ Псковскимъ, послѣднее стало совершенно независимымъ отъ перваго; но и до момента разрыва, вліяніе и зависимость отъ Новгорода уменьшались постепенно и незамѣтно. Такой же примѣръ мы имѣемъ и въ ростѣ и обособленіи Владиміра [1]).

Покуда пригородъ былъ незначителенъ, онъ долженъ былъ слушаться воли города, платить ему дань, исполнять его приказы, получать отъ него правителей и т. д. Лѣтописецъ ясно выражаетъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ: „Новгородцы бо

---

[1]) Такимъ образомъ можно установить, что главнѣйшей причиной появленія новыхъ городовъ, а за ними и волостей, были колонизація и развитіе торговли, вызывавшія ростъ деревень, селъ и пригородовъ. Самымъ яркимъ примѣромъ колонизаціи является исторія Новгородской волости.

изначала, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (волости) якоже на думу на вѣча сходятся, *на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди станутъ*“ (Лаврент., стр. 160, 1176). Главнымъ общимъ вопросомъ была, конечно, война; здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, требовалось единеніе всего населенія волости; мы знаемъ нѣсколько случаевъ, когда городъ обращается за содѣйствіемъ и согласіемъ пригородовъ передъ начатіемъ военныхъ дѣйствій, желая поднять пригородъ на войну добровольно, а не насильно; но встрѣчаются и обратные случаи, когда городъ начинаетъ войну непосредственно и этимъ принуждаетъ и втягиваетъ пригороды въ войну, не спрашиваясь ихъ желанія.

Такъ въ 862 году Новгородъ созываетъ на вѣче, для общаго рѣшенія, Чудь и Кривичей, не обращаясь къ Мери, напр.; очевидно, что первыя два племени были болѣе важные и сильные члены-союзники Новгородской волости, чѣмъ Меря. Точно такъ же въ 1136 году Новгородцы призываютъ на вѣче Псковичей и Ладожанъ и не заботятся о мнѣніи какихъ-нибудь Корельцевъ; въ 1175 же году Ростовцы призываютъ Владимірцевъ и Переяславцевъ, а не Москвичей, для избранія князя въ Ростовскую волость; съ мнѣніемъ первыхъ двухъ пригородовъ Ростовцы считаются, Москва же слишкомъ еще незначительна.

Такимъ образомъ, то общее положеніе, что народъ является полновластнымъ и верховнымъ распорядителемъ судьбами волости, должно для каждаго даннаго историческаго примѣра быть разсматриваемо именно съ этой точки зрѣнія, кто въ данномъ случаѣ могъ считаться верховнымъ органомъ волости; одно ли вѣче города или съ вѣчами пригородовъ, а въ послѣднемъ случаѣ съ какими и со сколькими; отвѣтъ же будетъ всегда зависѣть отъ распредѣленія соціальныхъ силъ данной волости, гдѣ находятся въ ней экономическіе центры, каково ихъ значеніе и сила, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и какова степень зависимости отъ метрополіи.

Вопросъ рѣшается совершенно аналогично вопросу распредѣленія значенія и вліянія отдѣльныхъ партій на самомъ вѣчѣ.

Итакъ, происхожденіе вѣча связано самымъ тѣснымъ образомъ съ ростомъ Славянскихъ колоній и съ развитіемъ ихъ общественности.

Очевидно, что точное установленіе момента появленія вѣча въ той или другой волости невозможно, и именно потому, что врядъ ли подобный моментъ и существовалъ въ большинствѣ случаевъ; не было никакой разграничительной линіи, отдѣлявшей сходъ сельчанъ отъ схода пригорода, простой сходки мѣстныхъ жителей отъ того перваго раза, когда они стали рѣшать общіе вопросы округи въ качествѣ вѣча и когда, такимъ образомъ, появился первый признакъ государственности; переходъ этотъ былъ совершенно незамѣтный и постепенный; вѣдь и въ деревняхъ несомнѣнно бывали общіе сходы, ничѣмъ по своей формѣ не отличавшіеся отъ вѣчевыхъ собраній, но только въ одномъ случаѣ это была просто сходка мѣстныхъ жителей даннаго села, данной деревни, въ другомъ же сходка жителей цѣлой округи, рѣшавшей вопросы, затрагивавшіе интересы общіе всѣмъ жителямъ этой округи. Оттого-то нашему лѣтописцу и неизвѣстно время появленія вѣча, существовавшаго для него „изначала", т. е. съ той поры, какъ существовали города; можно съ полной достовѣрностью утверждать, что съ момента появленія города, и каждаго города, безъ исключенія, появлялось у него и вѣче; не совсѣмъ такъ по отношенію къ пригородамъ; появленіе города уже тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что здѣсь имѣлся торгово-экономическій центръ, пригорода же могли строиться исключительно изъ стратегическихъ цѣлей и, въ такомъ случаѣ, не будучи экономическими центрами мѣстной жизни, не могли и имѣть общественнаго значенія; у нихъ не могло быть и вѣча; такимъ образомъ, не всякій пригородъ, ipso facto, имѣлъ свое вѣче, а только тотъ, который являлся такимъ же естественнымъ продуктомъ соціальной и экономической жизни, какъ самъ городъ, а не искусственнымъ созданіемъ укрѣпленнаго убѣжища для мѣстныхъ жителей.

Но если лѣтописцу неизвѣстны моменты появленія отдѣльныхъ вѣчъ, то наоборотъ, повторяемъ, ему хорошо извѣстно ихъ значеніе и та роль, которую они играли въ волости; всякое рѣшеніе, всякое предпріятіе жителей, либо городской старѣйшины, должны были санкціонироваться народомъ; только „съдумавше" вершались государственныя дѣла; „рѣша же Древляне посла ны"..., „съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь"..., „и створиша вѣче въ городѣ"... говоритъ лѣтописецъ; договоры также заключаются „ото всѣхъ иже суть подъ рукою его (Олега) сущихъ Руси"..., или „и отъ всѣхъ людій Рускія земли"..., или „и людье вси рустіи послаша ны"... и т. д. и т. д.

Примѣры эти можно увеличить во много разъ. Ясно, что воля волости-государства выступаетъ лишь въ формѣ народнаго акта, т. е. воли народа; въ томъ видѣ, въ которомъ она находила себѣ выраженіе на вѣчѣ, она была одна верховной распорядительницей въ государственныхъ дѣлахъ.

Приложимъ теперь къ этому разсужденію выше сказанное о роли и положеніи торговой аристократіи городовъ, городской старѣйшины. Ясно, что какое бы значеніе ни придавать этой старѣйшинѣ, какую бы роль ни приписывать „градскимъ старцамъ", положеніе ихъ было все-таки не самостоятельное, а зависимое отъ вѣча. Къ рѣшенію послѣдняго „лучшіе мужи" должны были относиться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда затронуты бывали общіе интересы волости. Роль, ими играемая, была чисто фактическая и личная, но сила ихъ заключалась въ томъ, что между ними и народомъ была самая тѣсная связь родства происхожденія; они были вѣтвями одного народнаго корня, выросшими отъ одного ствола; не существовало рѣзко разграничительной черты между классомъ торговаго патриціата и прочимъ народомъ; соціальныя границы были и текучи и неопредѣленны.

А послѣднее обстоятельство выдвигаетъ намъ еще бо̀льше значеніе народа и въ частности вѣча; въ немъ, какъ въ фокусѣ двояковыпуклаго стекла, сходятся всѣ лучи проявленія государственности нашей древности.

Такова была структура соціальная, экономическая и политическая Славянскаго первобытнаго государства-волости къ тому моменту, когда пришелъ къ Славянамъ князь-Варягъ со своей дружиной [1]).

---

¹) Приблизительно та же точка зрѣнія защищается и проф. И. Д. Бѣляевымъ въ изданной лишь въ 1906 году Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ запискѣ „Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси". Но Бѣляевъ основываетъ дѣленіе Славянскихъ волостей на племенной и родовой теоріи, господствовавшей безраздѣльно въ русской наукѣ его времени; въ настоящее время несостоятельность этого взгляда ясно доказана трудами профессоровъ В. О. Ключевскаго и В. И. Сергѣевича, показавшихъ, что волостное или государственное дѣленіе древней Руси вовсе не соотвѣтствовало дѣленію племенному.

Также непріемлемъ взглядъ Бѣляева на существованіе запрета для жителей пригородовъ участвовать на вѣчевыхъ собраніяхъ городовъ-метрополій (стр. 13, в. н. с.); источники нигдѣ не приводятъ единаго факта подобнаго запрета; наоборотъ, можно съ полнымъ правомъ допустить, какъ это и дѣлаетъ В. И. Сергѣевичъ, что жители пригородовъ могли свободно участвовать на вѣчѣ города, разъ они во время собранія вѣча находились въ городѣ, и участіе это, eo ipso, влекло за собой и право участія въ постановленіи рѣшеній и въ обсужденіи вѣчевыхъ дѣлъ (Рус. Юридич. Древности, томъ II, книга 3).

III.

Князь и его дружина.

Обращаясь теперь къ моменту появленія у Славянъ князя, намъ необходимо имѣть въ виду одно важное обстоятельство, вытекающее изъ вышеизложеннаго. Ко времени появленія князя, Славянская волость-государство уже представляла собой законченное цѣлое, нѣчто единое, самостоятельное, исторически сложившуюся соціальную единицу. Фактъ этотъ важенъ для насъ, какъ одна изъ двухъ главныхъ причинъ той долгой отчужденности, которая существовала между пришельцемъ княземъ и волостью; въ теченіе почти трехъ столѣтій можно отмѣтить наличность признаковъ этой разобщенности.

Призваніе Новгородцами варяговъ въ 862 году, какъ уже отмѣчено литературой, не явилось чѣмъ-либо новымъ, исключительнымъ; только благодаря тому, что семейству Рюрика впослѣдствіи удалось утвердиться среди Славянскихъ племенъ, отличается приходъ данной группы Варяговъ, 862 года, отъ другихъ приходовъ, несомнѣнно часто имѣвшихъ мѣсто еще задолго до этого времени. Славянскія земли представляли Варяжскимъ князьямъ лучшій путь на Югъ, къ Черному морю, „въ Греки“ и къ Хозарамъ, съ которыми они вели бойкую торговлю, а при случаѣ, которыхъ и грабили; славянскіе же города были остановочными пунктами, гдѣ можно было отдохнуть и поторговать на перепутьи. Прекрасное вооруженіе, воинственность, предпріимчивость, энергія, выработанная поколѣніями, благодаря многочисленнымъ походамъ, сопряженнымъ съ опасностями и лишеніями, все это должно было выгодно

отличать, въ отношеніи возможности самозащиты, Варяговъ отъ Славянъ, по характеру своему болѣе мирныхъ и менѣе предпріимчивыхъ и воинственныхъ.

Очевидно, что славянское населеніе городовъ не могло не обратить вниманія на эти обстоятельства; у него скоро должна была возникнуть мысль о возможности использованія качествъ этихъ воителей-пришельцевъ, въ цѣляхъ собственной защиты. Надо думать, что уже издревле, т. е. съ первыхъ временъ славянской колонизаціи, Славяне стали пользоваться услугами Варяговъ-воителей. Впрочемъ, чаще всего Варяги сами напрашивались на такую дѣятельность. Подчиняя себѣ колоніи Славянъ, они брали съ нихъ дань, обезпечивали себѣ торговлю съ мѣстными жителями, свободную возможность идти на Югъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, защищая эти же колоніи отъ другихъ враговъ, какъ отъ одноплеменниковъ, сосѣдей-колонистовъ, такъ и отъ степи, Торковъ, Берендѣевъ, Печенѣговъ и прочихъ кочевниковъ.

Такимъ образомъ, сказаніе о призваніи Варяжскихъ князей намъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Поляне и Новгородцы, Кривичи и Полочане и др. славянскія племена, благодаря географическому расположенію ихъ волостей, постоянно должны были имѣть дѣло съ пришельцами Варяжской земли, Варягами-находниками, вслѣдствіе чего они не разъ имѣли въ своихъ городахъ варяжскихъ военноначальниковъ съ ихъ дружинами, полководцевъ и начальниковъ мѣстныхъ городскихъ гарнизоновъ. Варяги кормились этимъ промысломъ, на своемъ пути на Югъ или съ Юга, а при случаѣ и торговали въ мѣстныхъ городахъ [1]). Чрезвычайно часто пользуясь своею силой, подобныя бродячія дружины, съ варяжскими военноначальниками во главѣ, облагали данью тотъ или другой городъ, ту

[1]) Здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи о „политической несостоятельности волости“, которую желали установить нѣкоторые историки, а лишь выборъ *лучшаго*. Варяги *лучше* могли защищать городъ, чѣмъ сами Славяне, вслѣдствіе чего послѣдніе прибѣгали къ помощи первыхъ.

или другую округу; дань эта составляла, конечно, желанный кормъ для дружины, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлась и причиной возникновенія сношеній съ мѣстнымъ населеніемъ; подобныя сношенія съ теченіемъ времени крѣпли, въ особенности благодаря тому, что населеніе, при столкновеніяхъ съ сосѣдями, когда оно пользовалось услугами варяжской дружины, легко убѣждалось въ выгодности такихъ услугъ, благодаря хорошему вооруженію и воинственности Варяговъ.

Подобный примѣръ мы имѣемъ и въ случаѣ, разсказанномъ намъ лѣтописцемъ; Новгородъ уже прежде водилъ дѣло съ варяжскими находниками, пользовался ихъ услугами, но, поссорившись съ ними, изгналъ ихъ; впослѣдствіи Новгородцы убѣдились, что имъ все-таки выгоднѣе имѣть у себя варяжскій гарнизонъ, какъ средство подавленія внутреннихъ смутъ; послѣдствіемъ и было разсказанное намъ лѣтописцемъ обращеніе къ Варягамъ; но въ данномъ случаѣ, такимъ образомъ, мы имѣемъ уже не приходъ Варяговъ по личной иниціативѣ, а призваніе ихъ; положеніе этихъ призванныхъ чужестранцевъ въ волости, впрочемъ, оставалось прежнее; они явились въ Новгородъ, какъ наемный гарнизонъ, наемное войско защитниковъ. Во главѣ его стояли Рюрикъ и его два брата. Конечно, случай этотъ является далеко не единственнымъ; рядомъ съ Рюриковой дружиной, на что, впрочемъ, указываетъ и самъ лѣтописецъ, по славянскимъ городамъ бродили, приходили, проходили, уходили и многіе другіе варяжскіе находники [1]).

Характернѣйшимъ признакомъ подобныхъ дружинъ всегда была ихъ подвижность; онѣ постоянно находились въ движеніи, кочуя, передвигаясь изъ города въ городъ, не останавливаясь подолгу на одномъ и томъ же мѣстѣ; эти передвиженія обу-

---

[1]) Противъ насъ не говоритъ также и тотъ фактъ, что слова Новгородцевъ, обращенныя къ призываемому Рюрику, повторяются по сказанію Видукинда, и въ призваніи Бриттами Генгиста и Горза. Здѣсь важенъ фактъ призванія Варяговъ вообще, а не Рюрика въ частности; позаимствованіе сказанія со стороны лѣтописца вполнѣ возможно, но фактъ присутствія на Руси Варяговъ-находниковъ этимъ еще не опровергается (Ср. Куникъ).

словливались необходимостью отыскиванія корма, матеріальнымъ расчетомъ наживы, выгодностью торговли и т. д.

Такіе переходы варяжскихъ дружинъ объясняютъ намъ и походъ Олега на Югъ и послѣдующее занятіе Кіева, гдѣ, между прочимъ, по свидѣтельству лѣтописца, уже сидѣли другіе Варяги, Аскольдъ и Диръ. Для насъ, въ данномъ случаѣ, конечно, безразлично, были ли Олегъ, Аскольдъ, Диръ и проч. дружинниками самого Рюрика, его родственниками или самостоятельными дружинными предводителями.

Затѣмъ, необходимо замѣтить, что подобными случаями появленія среди славянскихъ городовъ варяжскихъ находниковъ нисколько не исключается возможность существованія въ тѣхъ же городахъ, въ тѣхъ же волостяхъ и славянскихъ военноначальниковъ. Какъ мы уже знаемъ, къ тому времени въ славянской волости уже имѣлась первичная военно-административная организація, разныя тысячи, сотни и т. п.; а во главѣ ихъ находилась торговая аристократія, городовая старѣйшина. Такимъ образомъ, бокъ о бокъ съ варяжскими начальниками стояли и славянскіе. Этотъ фактъ объясняетъ намъ существованіе личностей, подобныхъ миѳическому Гостомыслу. Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ разрѣшается одинъ очень важный вопросъ; мы имѣемъ въ виду споръ норманистовъ съ ихъ противниками о тѣхъ мѣстахъ лѣтописи, въ которыхъ находятся намеки на существованіе у древнихъ Славянъ собственныхъ славянскихъ князей; подобное предположеніе находитъ себѣ, между прочимъ, подтвержденіе и въ археологическихъ изслѣдованіяхъ профессора Самоквасова [1]). Какъ извѣстно, уже Соловьевъ воспользовался этими указаніями для своей родовой теоріи; въ первобытныхъ славянскихъ князьяхъ онъ видѣлъ своихъ любимыхъ родоначальниковъ. Но дѣло въ томъ, что въ изучаемый періодъ родовой бытъ Славянъ уже перешелъ въ бытъ государственный, вслѣдствіе чего приходится признать этихъ князей военными и гражданскими начальниками, лишь представителями

[1]) Названный ученый имѣлъ дѣло главнымъ образомъ съ мѣстами поселенія Сѣверянъ.

городовой старѣйшины, поставленными вѣчемъ для несенія извѣстныхъ и опредѣленныхъ обязанностей. Гедеоновъ правильно поставилъ альтернативу: „одно изъ двухъ, — пишетъ онъ[1]), — или прежніе князья были временными, на извѣстный срокъ или пожизненно избираемыми старшинами, безъ вниманія къ роду и происхожденію, какъ въ наше время президенты Соединенныхъ Штатовъ, или они были наслѣдственными князьями въ славянскомъ значеніи этого слова, въ смыслѣ Премыслидовъ, Пястовъ, Рюриковичей". Отвѣтъ можетъ быть одинъ; конечно, одно лишь первое предположеніе вѣрно. Оно одно соотвѣтствуетъ вышеописанному положенію, занимаемому въ городѣ и на вѣчахъ городской старѣйшиной, оно одно согласно и со свидѣтельствами лѣтописей. Послѣднія нигдѣ не говорятъ намъ о существованіи какого-либо княжескаго рода, а лишь объ отдѣльныхъ личностяхъ.

Между тѣмъ, если бы существовалъ когда-либо на Руси подобный правящій родъ, лѣтописецъ не могъ бы умолчать о немъ; пристрастность лѣтописей ко князьямъ и монархическому принципу слишкомъ велика, чтобы возможенъ былъ пропускъ подобнаго важнаго факта. Лѣтописи же говорятъ только объ отдѣльныхъ личностяхъ, какъ, напр., о князѣ Ходотѣ у Вятичей, о Малѣ у Древлянъ, о самостоятельныхъ князьяхъ Мери, въ Ростовѣ (какъ то доказываетъ Щегловъ, въ своей статьѣ „Первыя страницы русской исторіи"), о „Свѣтлыхъ Князьяхъ", состоявшихъ подъ рукою Олега, при заключеніи имъ договора съ Греками; сюда же подойдутъ и сказанія о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и извѣстія Константина Багрянороднаго о другихъ Славянскихъ племенахъ, платившихъ дань Кіеву и имѣвшихъ своихъ князей [2]). Всѣ подобные факты Соловьевымъ сводятся къ одной теоріи, признанію родового начала; но для этого не достаетъ главнѣйшаго доказательства, что власть подобныхъ

[1]) „Варяги и Русь", Спб., 1876 г., стр. 117.

[2]) Интересно отмѣтить, что Скандинавскія саги говорятъ о Славянскихъ князьяхъ первобытной эпохи, но также не упоминая ни о княжескомъ родѣ, ни о князьяхъ-монархахъ. Ср. такъ же съ фактами изложенными въ трудѣ А. Гильфердинга, „Исторія Балтійскихъ Славянъ", томъ I, Москва, 1855.

личностей была наслѣдственная и родовая; на это у лѣтописца нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Первобытные Славянскіе князья вполнѣ соотвѣтствуютъ „жупанамъ“, „банамъ“ и т. п. князькамъ юго-западныхъ Славянъ. Этимъ же, по справедливому замѣчанію проф. Загоскина, объясняется и бывшее столь долгое время спорнымъ свидѣтельство Прокопія Кессарійскаго о томъ, что „Славяне не подчиняются одному мужу, но искони живутъ въ народовластіи“.

Императоры Маврикій и Константинъ Багрянородный говорятъ намъ о томъ же явленіи [1]): что у Славянъ „много царьковъ“ (Маврикій) и что „у Сербовъ и у Хорватовъ нѣтъ другихъ властителей, кромѣ старѣйшихъ жупановъ, какъ и у *остальныхъ славянскихъ* народовъ“ (Константинъ).

Уже Макушевъ [2]) указывалъ на такое положеніе Славянскихъ старѣйшинъ-князей, тѣхъ личностей, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались рудименты государственной власти волости. „Достоинство княжеское,—говоритъ названный авторъ,— не было наслѣдственно, ни даже пожизненно: народъ свободно избиралъ и низлагалъ своего князя; князь былъ только первымъ мужемъ въ государствѣ; *не народъ повиновался князю, а князь народу*“.

Если къ этому прибавить еще, что положеніе такого князя было до чрезвычайности ограничено въ компетенціи, то нельзя не признать мнѣніе Макушева совершенно справедливымъ и вполнѣ отвѣчающимъ дѣйствительному положенію вещей. Недаромъ онъ замѣчаетъ немного далѣе, что „Славянское понятіе о княжеской власти не подходило ни подъ одну изъ мѣрокъ, имѣвшихся у Грековъ, Нѣмцевъ и Арабовъ“... и не подходитъ, — прибавимъ мы, — къ построеніямъ и многихъ изъ нашихъ ученыхъ

[1]) Н. Загоскинъ. Исторія права русскаго народа, томъ I, стр. 424.

[2]) Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ, стр. 146—147, 174—175. Ср. также со взглядами проф. Загоскина, высказанными имъ въ курсѣ, начатомъ печатаніемъ въ 1906 году въ Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета (LXXIII). Сентябрь 1906 г., книга 9, стр. 134 и слѣд., также, Гильфердингъ, исторія Балтійскихъ Славянъ, томъ I, Москва, 1855 г.

XIX вѣка, вслѣдствіе чего такъ часто получались самыя невѣроятныя картины древняго Славянскаго государства-волости.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ одно важное заключеніе— для насъ совершенно безразлично, былъ ли, напр., Кій славянскимъ или варяжскимъ княземъ; вопросъ о національности подобнаго князя является второстепеннымъ. Для насъ важно только установить различіе между *положеніемъ* варяжскаго и славянскаго князя, т. е. тѣ признаки, на основаніи которыхъ можно различать князя славянскаго отъ пришельца-Варяга. А разница между ними огромная, и заключается въ ихъ отношеніи къ народу; одинъ былъ свой человѣкъ, представитель той городовой старѣйшины, о которой мы говорили выше, другой былъ чужой и наемникъ, услуги котораго покупались за деньги. Этимъ было обусловлено и различіе ихъ положенія въ волости; тогда какъ положеніе славянскаго князя было чисто личное, тогда какъ онъ выдвигался, благодаря личнымъ качествамъ и достатку, изъ среды самого народа и вполнѣ зависѣлъ отъ народной воли и вѣча, второй, князь-пришелецъ, былъ посторонній, состоявшій съ городомъ и волостью въ отношеніяхъ договорныхъ, вполнѣ самостоятельный, ничѣмъ другимъ, кромѣ договора, не связанный, сегодня будучи въ одной, а завтра можетъ быть уже въ другой волости; связь Варяга съ волостью была чисто временная и случайная. Но замѣтимъ здѣсь же, что ни тотъ, ни другой, ни славянскій князь, ни варяжскій конунгъ не были еще *правителями*; самое большое, что о нихъ можно сказать, это то, что они были управителями, несущими обязанности по извѣстной административной отрасли, по личному порученію [1]).

[1]) Интересно отмѣтить здѣсь объясненіе Соловьевымъ факта того легкаго подчиненія Кіева власти Олега, которая разрушила прежнюю власть Аскольда и Дира (Ист. Россіи, I томъ, стр. 120 и слѣд.). „Но владѣніе, основанное варяжскими выходцами въ Кіевѣ не могло имѣть надлежащей прочности,—читаемъ мы у Соловьева,—ибо основано было шайкой искателей приключеній, которые могли храбро драться съ сосѣдями, могли сдѣлать набѣгъ на берега Имперіи, но не могли по своимъ средствамъ, да и не имѣли въ виду основать какой-нибудь прочный порядокъ вещей среди племенъ, жившихъ по

Таково было положеніе первыхъ князей, будь они Славяне и уроженцы самой волости, или Варяги-находники. Они были первоначально лишь защитниками волости, военноначальниками, но не правителями, и пользовались своею властью только по волѣ народной, а не въ силу собственнаго права, будь то родового или наслѣдственнаго.

Но этимъ мы допускаемъ и другую возможность, а именно признанія такихъ личностей, какъ Рюрика, Олега, Аскольда, Дира, Кія и прочихъ, миѳическими; для насъ безразлично, существовали ли именно эти личности, такъ какъ достаточно допустить, что существовали *имъ подобныя*, а послѣднее внѣ сомнѣнія; оно подтверждается какъ нашимъ лѣтописцемъ, такъ и иностранными источниками. Допуская подобное сомнѣніе въ существованіи отдѣльныхъ личностей, мы еще не подрываемъ фактъ призванія и прихода Варяговъ, фактъ посѣщенія ими, со своими дружинами, славянскихъ волостей, собиранія дани и остановки по городамъ, гдѣ они зачастую, кормясь и торгуя, несли военную службу.

Норманская школа, правда, не объясняла, по справедливому замѣчанію Гедеонова [1]), „ни причинъ, ни послѣдствій призванія“, но не потому, что самый фактъ призванія невозможенъ и недопустимъ, какъ думаетъ антинорманская школа, а лишь вслѣдствіе того, что норманистами никогда не было обращено достаточнаго вниманія на соціальное развитіе Славянъ той эпохи, на состояніе ихъ общественной жизни.

великому водному пути“. Наоборотъ, Олегъ, благодаря тому, что шелъ съ многочисленными славянскими воями, „подчиняетъ себѣ по пути всѣ славянскія племена и устанавливаетъ прочное и сильное владѣніе“. Что Аскольдъ и Диръ не основали государства Кіевскаго, въ этомъ мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, но не потому, что они были предводителями варяжской шайки, а потому, что Кіевская волость существовала *помимо нихъ и до нихъ,* благодаря соціальному процессу развитія общественности среди Полянъ; не основалъ ее также и Олегъ, какъ то утверждаетъ Соловьевъ; онъ также появился въ Кіевѣ, когда тамъ уже существовало государство-волость; и, конечно, не могли ему помочь въ его государственной учредительной дѣятельности Славянскіе вои.

[1]) Варяги и Русь, стр. 93.

Но мы можемъ сдѣлать и другую уступку; допустимъ, вмѣстѣ съ Гедеоновымъ и Забѣлинымъ, что Варяги-находники это князья и дружины Балтійскихъ Славянъ, допустимъ, что не изъ Скандинавіи, а съ южныхъ береговъ Варяжскаго моря пришли эти выходцы, что Варяги-конунги, о которыхъ говорятъ источники, были Сѣверные Славяне, отборные и предпріимчивые мореплаватели. И такое построеніе, хотя по нашему крайнему разумѣнію вовсе не доказанное [1]), не будетъ противорѣчить нашей теоріи, такъ какъ для насъ важенъ лишь одинъ фактъ, что князь въ Славянской волости явился *пришельцемъ*, внѣшнимъ элементомъ, вслѣдствіе чего и могъ первоначально занять только мѣсто придатка къ государству-волости.

Съ теченіемъ времени варяжскіе пришельцы должны были все болѣе сживаться со славянскими племенами; послѣднія постепенно свыкались съ присутствіемъ среди нихъ Варяговъ, присутствіемъ, бывшимъ, къ тому же, какъ мы видѣли, выгоднымъ. Жизнь должна была ихъ все болѣе единять, вслѣдствіе чего могли завязываться и семейныя отношенія посредствомъ браковъ, укрѣплявшія прежнія ихъ отношенія [2]); но такой процессъ долженъ былъ имѣть и другое слѣдствіе.

Благодаря своей бо́льшей культурѣ, лучшей дисциплинѣ, господствовавшей въ отношеніяхъ дружины къ ея предводителю, бо́льшей опредѣленности и лучше выработаннымъ формамъ такихъ отношеній, въ руки варяжскихъ князей постепенно должны были переходить и другія отрасли волостного управленія; князьямъ, вслѣдъ за данью, иногда предоставлялись на разборъ судебныя тяжбы; имъ могли передаваться и другія заботы по администраціи.

---

[1]) Существенныя возраженія противъ этой теоріи были сдѣланы Костомаровымъ; они до сихъ поръ еще не опровергнуты славянской школой.

[2]) Совершенно невѣроятной представляется теорія Погодина, признававшаго, что вплоть до XI вѣка Варяги жили бокъ о бокъ со Славянами, не сливаясь и не единяясь. Сліяніе неизбѣжно при совмѣстной жизни и не могло не произойти, тѣмъ болѣе, что Варяги были въ значительномъ меньшинствѣ.

Такъ, постепенно, съ теченіемъ времени, къ прежнимъ обязанностямъ по защитѣ волости отъ внѣшнихъ враговъ, стали пристегиваться все новыя, что въ свою очередь незамѣтно мѣняло и характеръ княжеской власти, сосредоточивая въ ея рукахъ и другія области управленія. Ко временамъ княженія Игоря, напр., князь являлся уже и судьей и управителемъ, а не только военноначальникомъ и защитникомъ волости.

Общеніе Варяговъ со Славянами шло впередъ тѣмъ болѣе быстрыми шагами, что на ряду съ чистокровными Варягами, въ княжеской дружинѣ служили и Славянскіе вои; князю безразлично было племенное происхожденіе его дружинниковъ, лишь бы они вѣрно служили ему, а благодаря этому облегчался въ сильной степени процессъ сближенія Варяговъ съ мѣстнымъ Славянскимъ населеніемъ, процессъ, который на продолженіи 100—150 лѣтъ окончательно стеръ всякіе слѣды иноземнаго происхожденія прежнихъ дружинниковъ князя [1]).

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о фактѣ уплаты Новгородцами 300 гривенъ Кіевскому князю, фактѣ, который вызывалъ большіе споры среди историковъ прошлаго вѣка. Намъ представляется объясненіе его довольно простымъ, если мы примемъ во вниманіе ту роль, которую играли Варяжскія дружины, кормясь по Славянскимъ городамъ; онѣ являлись защитницами города и за такую услугу получали съ населенія плату, какъ то и было, напр., въ Новгородѣ. Вполнѣ вѣроятно, что послѣ смерти Рюрика и ухода Олега на Югъ, въ Новгородѣ временно не было ни одного выдающагося варяжскаго предводителя, вслѣдствіе чего за Олегомъ могло сохраниться номинальное начальство и надъ Новгородскимъ варяжскимь гарнизономъ, откуда и могла произойти лѣтописная редакція, говорящая о „дани, платимой Олегу“. При возстановленіи, во времена княженія Ярослава, самостоятельности Новгородскихъ варяговъ, выплата этой дани была переведена на его имя; Новгородцы, такимъ образомъ, продолжая платить тѣ же деньги тѣмъ же людямъ, выплачивали ихъ лишь черезъ посредство другого военноначальника; вождемъ дружины въ Новгородѣ теперь былъ не отдаленный Кіевскій, а собственный Новгородскій князь. При предшественникѣ Ярослава, Владимірѣ, отношенія послѣдняго все-таки еще носили форму зависимости отъ Кіевскаго князя. (Ср. Ламбинъ, „Жур. Мин. Нар. Прос.“ 1874 г., VII, стр. 61 и сл.). Но возможна и другая альтернатива, признанія, вмѣстѣ съ Костомаровымъ, Олега миѳической личностью; тогда означенное свидѣтельство лѣтописца должно быть толкуемо слѣдующимъ обра-

Таково единственно возможное объясненіе той на первый взглядъ странной легенды, которую принято называть „призваніемъ варяжскихъ князей“. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, намъ нѣтъ надобности подыскивать спеціальные мотивы, вызвавшіе подобное „призваніе“ чужестранцевъ, какъ то дѣлаютъ, напр., Соловьевъ, Погодинъ, а отчасти и Костомаровъ съ Бѣляевымъ.

Тогда какъ первый видѣлъ въ призванныхъ князьяхъ третейскихъ судей, которымъ народъ поручилъ установить миръ между прежними родоначальниками [1]), второй изъ названныхъ авторовъ видитъ въ нихъ исключительно военныхъ защитниковъ, мысль вѣрная, но односторонняя, такъ какъ впослѣдствіи князь пріобрѣлъ новыя функціи, а остальные два автора говорятъ о „передачѣ князьямъ права суда и управленія“ для прекращенія мѣстныхъ усобицъ — мы усматриваемъ въ фактѣ появленія князей Варяговъ среди Славянскихъ племенъ лишь естественное слѣдствіе ихъ соприкосновенія съ варяжскими находниками, послѣдствіемъ чего было водвореніе Варяговъ tacitu consensu или на основаніи договоровъ (въ гораздо болѣе рѣдкихъ случаяхъ призванія Варяговъ, какъ то, напр., имѣло мѣсто въ описанномъ лѣтописцемъ призваніи Рюрика) въ городахъ и постепенное пріобрѣтеніе ими значенія государственныхъ органовъ. Въ частности наше мнѣніе расходится со взглядами Костомарова въ томъ, что мы до-

---

зомъ: лѣтописцу извѣстенъ былъ фактъ выплачиванія нѣкоторой суммы Новгородцами на содержаніе варяжской дружины для собственной защиты, но строя свою теорію о вѣщемъ Олегѣ и зависимости отъ его власти „всей Руси“, онъ, очевидно, долженъ былъ пріурочить эту теорію и къ данному факту, откуда вполнѣ естественное послѣдствіе—указаніе на то, что деньги эти уплачивались именно Олегу, какъ общему правителю. Такимъ образомъ, если признать Олега миѳическимъ героемъ, отпадаетъ возможность уплаты дани ему, но не опровергается еще самый фактъ уплаты Новгородцами извѣстной дани на содержаніе варяжской дружины, которая несомнѣнно жила у нихъ, кормилась за счетъ Новгорода, и представляла собой одинъ изъ тѣхъ многихъ случаевъ прихода къ Славянамъ варяжскихъ находниковъ, о которыхъ мы говорили выше.

[1]) См. Исторія Россіи, томъ I, главы IV и VIII.

пускаемъ не „передачу“, а переходъ государственныхъ функцій, какъ-то суда и управленія, въ руки князей, переходъ постепенный и вполнѣ естественный, въ виду отмѣченныхъ выше особыхъ качествъ, которыми отличались Варяги-находники отъ самихъ Славянъ; мы этимъ оттѣняемъ ту мысль, что въ такихъ случаяхъ имѣлся „*приходъ*“, а не „призваніе“ Варяговъ, тогда какъ Костомаровъ, наоборотъ, доказываетъ „призваніе“ ихъ [1]); послѣднее, хотя и бывало, конечно, встрѣчалось несомнѣнно гораздо рѣже; въ силу отмѣченнаго общественнаго процесса, „приходъ“ былъ вполнѣ естественнымъ и даже обыденнымъ явленіемъ нашей древности; можно сомнѣваться въ существованіи случаевъ призыва, фактъ же прихода чужестранцевъ Варяговъ несомнѣненъ.

Во всѣхъ доводахъ славянской, антинорманской школы мы не нашли *ни одного* довода противъ возможности признанія нашего взгляда правильнымъ. Если и не можетъ быть рѣчи о приходѣ „изъ-за моря“ цѣлаго племени и покоренія славянскихъ волостей, а затѣмъ ассимиляціи со Славянами, какъ то думала ранняя норманская школа, то, наоборотъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ фактѣ прихода на Русь отдѣльныхъ варяжскихъ конунговъ съ ихъ дружинами, кто бы они ни были, Норманны ли, какъ то полагаютъ Погодинъ et consortium, или Балтійскіе Славяне, по теоріи Гедеонова и Забѣлина. Всѣ

---

[1]) При такой постановкѣ вопроса, теряетъ свою остроту спорное мнѣніе о племенномъ происхожденіи „призванныхъ“ Варяговъ; какъ извѣстно, именно изъ-за послѣдняго вопроса и возгорѣлся споръ норманистовъ со славянской школой; послѣдняя не желала признавать и возможности обращенія Славянъ къ чужеродцамъ, Норманнамъ, съ просьбой править въ ихъ городахъ, и потому, послѣ долгихъ исканій, и остановилась на Балтійскихъ Славянахъ, которые были все-таки единоплеменники Новгородцамъ и Кривичамъ, чѣмъ будто бы избѣгалась необходимость признанія существованія „Варяжскаго“, чужестраннаго ига. Для насъ вопросъ этотъ не представляетъ никакого интереса, такъ какъ по нашему мнѣнію въ дѣйствительности существовалъ *приходъ* Варяговъ, и при этомъ приходъ, вызванный естественнымъ соприкасательствомъ славянскихъ племенъ съ сѣверными мореплавателями, торговцами и пиратами (кто бы они ни были, Норманны или Балтійскіе Славяне).

источники безъ исключенія говорятъ о подобныхъ пришельцахъ. Для насъ же важенъ одинъ только фактъ, что они были *пришельцы* и не были, слѣдовательно, связаны съ самой волостью; они не были ни градскими старцами, ни родоначальниками славянскихъ родовъ, ни какими-либо другими представителями народа, а посторонними, пришельцами, безразлично при этомъ, были ли они представителями другого народа или также Славяне. Для конструкціи понятія княжеской власти тѣхъ временъ, повторяемъ, важенъ лишь одинъ фактъ, что такіе князья, во-первыхъ, не были тождественны прежнимъ Гостомысламъ, Кіямъ, Маламъ и т. п. полумиѳическимъ представителямъ городской старѣйшины, о которой говорятъ Греки и другіе иностранцы, а самостоятельные предводители воинскихъ дружинъ, кормившихся военнымъ дѣломъ, а во-вторыхъ, что они были *пришельцами*, явились, стало быть, въ то время, когда государственность волости уже вполнѣ опредѣлилась, когда во главѣ ея стоялъ полноправный и неограниченный органъ, народное вѣче, и сама волость представляла собой законченную общественную единицу, самостоятельную въ государственномъ смыслѣ; вслѣдствіе этого князь, по отношенію къ волости, могъ первоначально занять лишь мѣсто придатка, придаточнаго ея органа. Пришло, стало быть, не племя Варяговъ, а *приходили* варяжскіе конунги, съ ихъ дружинами, шайки находниковъ, которые превосходили Славянъ какъ своей личной энергіей и предпріимчивостью, такъ и вооруженіемъ и умѣніемъ вести военное дѣло [1]).

Но въ тѣ времена военная сила всегда соединялась и съ силой политической, военноначальникъ являлся одновременно и судьей и управителемъ.

Тѣ же качества, которыя выдѣляли его отъ сотоварищей и вручали ему начальственную власть въ военныхъ походахъ,

[1]) Приблизительно тѣхъ же взглядовъ въ нашей литературѣ держались кромѣ Костомарова (см. вышеразобранное его мнѣніе), еще Арцыбашевъ (первый выступившій съ подобной теоріей) и Ламбинъ, также утверждавшій, что пришли на Русь не народъ Варяги, а лишь варяжскія дружины, съ ихъ конунгами во главѣ.

энергія, опытъ, воинственность, храбрость, предпріимчивость и др., тѣ же качества давали ему надъ своими сотоварищами и дружинниками и власть управленія и суда; въ рукахъ любого военноначальника тѣсно связапы были и предводительство дружиной и управленіе ею.

Вполнѣ понятно поэтому, что Славяне, прибѣгая къ военной помощи варяжскихъ вождей, стали пользоваться и ихъ услугами въ качествѣ судей и управителей. Спорные вопросы, возникавшіе между отдѣльными жителями даннаго города, споры между должностными лицами и гражданами, или и другіе вопросы, могли быть предоставляемы на рѣшеніе варяжскихъ военноначальниковъ, которымъ вручена была внѣшняя охрана города и волости.

Но это были лишь личныя порученія, лишь слѣдствіе личнаго положенія варяжскаго предводителя въ данномъ городѣ; подобное порученіе могло быть дано либо вѣчемъ, либо старѣйшиной, либо даже спорящими сторонами, прибѣгавшими къ рѣшенію третейскаго судьи. Такое положеніе варяжскаго князя еще не дѣлало изъ него властителя; верховнымъ органомъ волости оставалось вѣче, т. е. самъ народъ.

Самъ лѣтописецъ отмѣчаетъ намъ тотъ фактъ, насколько, напр., зависимо было положеніе Рюрика отъ новгородскаго вѣча. Князь этотъ первоначально правилъ только пригородомъ, Ладогой, и долженъ былъ считаться съ непріятнымъ ему всевластнымъ вѣчемъ метрополіи. Таково же должно было быть положеніе и другихъ варяжскихъ конунговъ, приходившихъ къ Славянамъ и до 862 года. А приходило ихъ, надо полагать, значительное количество. Они приходили, проходили, уходили съ тою же легкостью, не чувствуя никакихъ связей, никакихъ обязательствъ по отношенію къ мѣстнымъ племенамъ, только „имая дань“, торгуя и наживаясь, но всегда лишь *попутно*.

Ремесло Варяга — была война, цѣль жизни — нажива. Славянскія земли не представляли много привлекательнаго въ этомъ отношеніи; населеніе было бѣдно, города, торговые

центры, были рѣдки и также не богаты, поживиться было можно немногимъ; страна эта являлась, вслѣдствіе этого, лишь транзитнымъ путемъ для Варяговъ, шедшихъ на Югъ, въ болѣе богатыя земли Грековъ и Хозаровъ. Останавливаясь на своемъ пути въ какомъ-нибудь славянскомъ торговомъ центрѣ, Варяги не являлись въ томъ воинственномъ видѣ, съ какимъ мы ихъ встрѣчаемъ на Западѣ; они не были здѣсь морскими пиратами, а прохожими купцами, вооруженными и предпріимчивыми; отсюда проистекала болѣе легкая возможность соглашенія съ мѣстнымъ населеніемъ, болѣе мирное вступленіе въ общественную жизнь того города, гдѣ судьба заставляла ихъ на время бросать якорь. Одна партія варяговъ шла за другой, одни дружины смѣняли другія, идя на Югъ; постепенно число ихъ среди славянскихъ племенъ должно было увеличиваться. Разселеніе же ихъ по славянскимъ городамъ было послѣднимъ несомнѣнно полезно: города получили отъ варяжскихъ дружинъ гораздо лучше организованную военную силу, лучшую возможность защиты отъ враговъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ насильственнымъ водвореніемъ такихъ дружинъ, ихъ собственной силой или разсѣиваніемъ ихъ по экономическимъ центрамъ съ торговыми цѣлями, могли встрѣчаться случаи уже прямого призыва или приглашенія для обороны города и волости; а водворяясь съ послѣднею цѣлью, варяжскіе предводители скоро становились и управителями даннаго города, пригорода или колоніи, т. е. не только завѣдывали ихъ внѣшнею обороною, но являлись и мѣстными судьями-администраторами. Такое явленіе объясняется отчасти и высшей культурой варяжскихъ конунговъ; они обладали бо̀льшей опытностью, сильнѣе развитымъ чувствомъ права и дисциплины, чѣмъ и могли импонировать мѣстному населенію. Варяжскіе князья, какъ видимъ, въ этомъ отношеніи выдѣлялись отъ народа по тѣмъ же соціальнымъ причинамъ, какъ городовая старѣйшина, какъ тѣ купцы, которые, благодаря личному опыту, отвагѣ и предпріимчивости, стояли во главѣ городского населенія. Но разница между варягомъ и старѣйшиной была все-таки огромная; тогда

какъ послѣдняя выросла изъ самого народа и лишь въ силу естественнаго подбора, Варягъ-князь все еще, и надолго, оставался чужимъ, пришельцемъ, не связаннымъ съ городомъ, могущимъ во всякій день покинуть его навсегда, уводя съ собой и своихъ товарищей дружинниковъ. Между этими двумя элементами долго не могло установиться крѣпкой соціальной связи, они долго оставались чуждыми другъ другу; одни, чувствуя свое превосходство, цѣня и любя собственную свободу, т. е. именно ту вышеупомянутую возможность уйти во всякое время „куда глаза глядятъ“ и найти себѣ новое пристанище, другіе, пользуясь услугами первыхъ, лишь изъ эгоистическихъ видовъ, какъ наилучшими защитниками противъ внѣшнихъ враговъ.

Очевидно, что положеніе первыхъ было болѣе выгодное. Города принуждены были принимать услуги Варяговъ; ужъ не говоря о тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе водворялись собственной силой; даже при мирномъ и добровольномъ приглашеніи ихъ существовало извѣстное принужденіе, вытекавшее изъ факта необходимости имѣть „*лучшее*“ войско для защиты отъ сосѣдей. Волей-неволей приходилось иногда Славянамъ обращаться за помощью къ варяжскимъ князьямъ; сама жизнь связывала ихъ судьбу съ варяжскими пришельцами [1]).

---

[1]) Рядомъ съ этими общими причинами, побуждавшими Славянъ прибѣгать къ помощи Варяговъ, можно поставить и одну частную, хотя и менѣе доказанную научно, причину; мы имѣемъ въ виду паденіе хозарскаго покровительства, о которомъ говоритъ проф. Ключевскій (Боярская Дума, глава I); въ зависимость отъ этого явленія уважаемый авторъ ставитъ вооруженіе славянскихъ городовъ; хозарское покровительство служило Славянамъ болѣе или менѣе надежной защитой отъ степи; съ исчезновеніемъ его, славянскимъ племенамъ приходилось брать защиту, а слѣдовательно и военное дѣло, въ собственныя руки, откуда и проистекало вышеупомянутое явленіе превращенія города въ крѣпость и появленіе особой военной организаціи.

Но если у насъ имѣется достаточно данныхъ, чтобы принять этотъ взглядъ, мы не можемъ не сдѣлать и еще одного шага въ томъ же направленіи, и допустить, что здѣсь кроется также и одна изъ причинъ появленія варяжскихъ дружинъ среди славянскихъ городовъ; если послѣднимъ, съ паденіемъ хозарскаго покровительства,

Фактъ этотъ хорошо знакомъ и нашему лѣтописцу; уже не говоря объ извѣстныхъ случаяхъ княженія Рюрика, Олега, Аскольда и Дира, мы имѣемъ и другіе примѣры въ той же лѣтописи; вспомнимъ хотя бы Полоцкаго князя Рогволода, несомнѣнно не имѣвшаго никакихъ связей съ Рюриковой дружиной и бывшаго вполнѣ самостоятельнымъ военноначальникомъ [1]); или хотя бы Туровскаго князя Тура, по всей вѣроятности принадлежавшаго къ той же категоріи варяжскихъ предводителей.

Но Рюрикову роду посчастливилось болѣе, чѣмъ его предшественникамъ. Тогда какъ послѣдніе никогда не пускали глубокихъ корней въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ временно „сидѣли", потомство Рюрика, или вѣрнѣе Святослава [2]), благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, надолго укрѣпилось въ Славянской землѣ и сумѣло впослѣдствіи обратиться изъ пришельцевъ, варяжскихъ конунговъ, въ постоянныхъ и естественныхъ правителей славянскихъ волостей.

Но мы уже замѣтили, князь-Варягъ приходилъ не одинъ. За нимъ приходила и дружина его. Послѣдняя была однородна по своему составу; это были такіе же искатели приключеній, какъ и самъ князь, такіе же вооруженные купцы, странствовавшіе въ поискахъ богатства и наживы.

Первоначально дружина состояла изъ одноплеменниковъ князя, по всей вѣроятности, Норманновъ, изъ такихъ же чужестранцевъ, какимъ былъ и самъ ихъ предводитель; это тѣ

болѣе чѣмъ прежде, нужна была военная сила, то таковая именно и предлагалась имъ варяжскими находниками. Здѣсь мы имѣемъ, слѣдовательно, новую причину, еще одинъ поводъ обращенія Славянъ къ помощи варяжской дружины.

[1]) Мы совершенно отрицаемъ возможность признанія Рогволода „Рюриковымъ мужемъ"; на это нѣтъ въ лѣтописи *никакихъ* указаній.

[2]) Думается, Костомаровъ („Преданія лѣтописи", преданіе VII) вполнѣ правъ, когда говоритъ, что и Рюрикъ, и Олегъ личности миѳическія, никогда не существовавшія. Даже въ разсказѣ о рожденіи Святослава есть какое-то недоразумѣніе, которое даетъ поводъ сомнѣваться въ томъ, что Игорь былъ его отцомъ. Такимъ образомъ, безспорнымъ родоначальникомъ такъ называемыхъ Рюриковичей былъ собственно лишь Святославъ.

самые бродячіе элементы, которые съ оружіемъ въ рукахъ странствовали по славянскимъ городамъ и селеніямъ, собирая и вымогая дань себѣ на кормъ, а при случаѣ и торгуя, о которыхъ лѣтописецъ писалъ „по тѣмъ городамъ суть находници-Варязи“.

Но съ теченіемъ времени, когда странствованія по Славянской землѣ стали болѣе обыденнымъ явленіемъ, вокругъ варяжской дружины стали собираться и славянскіе элементы, тѣ Славяне, которымъ не сидѣлось на мѣстѣ, которыхъ увлекалъ примѣръ Варяговъ къ подобной же вольности, къ добычливости ихъ ремесла и безпечности ихъ жизни; къ варяжскимъ дружинамъ стали примыкать и славянскія молодыя силы, та предпріимчивая молодежь, которая въ Новгородѣ извѣстна была подъ характернымъ наименованіемъ „молодцовъ“. Ихъ привлекали къ этого рода жизни не только желаніе повоевать, но и простая страсть къ наживѣ; идя съ варяжской дружиной, можно было покормиться, пограбить, сколотить себѣ маленькій достатокъ; они-то и составили ту массу молодежи, которая называлась „вольными и гулящими“ людьми или „повольниками“, собиравшимися по зову разныхъ Васекъ Буслаевыхъ. У насъ имѣется, напр., не одно свидѣтельство о подвигахъ Новгородскихъ повольниковъ; о томъ, какъ они уходили и пропадали по нѣсколько лѣтъ и либо возвращались домой богатыми, либо такъ и исчезали безъ вѣсти. Можно предполагать, что заморская торговля и торговыя связи Новгорода были созданы именно этими молодцами, о чемъ говорятъ и скандинавскія саги и сказанія о подобныхъ поѣздкахъ Новгородцевъ въ Померанію и другіе чужіе города; къ этой области принадлежатъ и различныя сказанія о молодечествѣ такихъ повольниковъ, о ихъ силѣ и славѣ и другихъ доблестяхъ; вспомнимъ только разсказъ о братцахъ Васькѣ Буслаевѣ и Ѳомкѣ Ременниковѣ [1]); то же

[1]) См. Бѣляевъ. Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика. Временникъ И. Об-ва Ист. и Др. Росс. 1850 г. № 7—8, или его же Лекціи по исторіи русск. законодательства и Разсказы, томъ I, разсказъ первый.

самое повторяется и въ сказаніи объ Акундинѣ Акундиновичѣ; дѣятельность ихъ при этомъ распространялась не только на Сѣверъ и на Западъ, но и на Югъ и на далекій Востокъ, такъ какъ есть свидѣтельства о посѣщеніи Новгородцами и далекихъ Камскихъ Болгаръ. Во всѣхъ отношеніяхъ, дѣятельность и подвиги такихъ молодцовъ ничѣмъ не отличаются отъ способа жизни варяжской дружины; врядъ ли можно провести какое-либо различіе, развѣ только то, что Новгородцы считали себя немного болѣе нравственно связанными со своимъ роднымъ городомъ и чаще возвращались домой, чѣмъ варяжскіе дружинники; но въ способѣ ихъ жизни, повторяемъ, разницы не было; а послѣднее обстоятельство послужило естественной причиной тому, что эти два бродячихъ соціальныхъ элемента нашей древности очень скоро протянули другъ другу руку дружбы и стали общаться и дѣйствовать вмѣстѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ко времени знаменитаго призванія Рюрика варяжская дружина насчитывала въ своихъ рядахъ не одинъ десятокъ Славянъ, разныхъ Новгородскихъ и другихъ молодцовъ, что доказывается присутствіемъ въ Рюриковой дружинѣ многихъ чисто славянскихъ именъ [1]). Въ дружинахъ же Олега и Игоря присутствіе славянской вольницы уже внѣ сомнѣнія [2]). Къ этому времени стало быть подобное участіе въ княжеской дружинѣ, наравнѣ съ княжескими единоплеменниками, и Славянъ природныхъ, было обыденнымъ явленіемъ; оба разноплеменные элемента какъ бы слились, благодаря однороднымъ образу жизни и соціальному положенію; а послѣднее опредѣлялось отчужденностью отъ населенія того города, въ которомъ они кормились.

Такъ, по свидѣтельству лѣтописца, уже во времена перваго похода Олега на Кіевъ, онъ собралъ вокругъ себя „много добровольно присоединившейся вольницы", изъ Новгородцевъ,

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, томъ I, стр. 96. Ср. также съ превосходными доказательствами акад. Шахматова; Сказаніе о призваніи Варяговъ. Спб., 1904 г., стр. 40 и 58.

[2]) Ламбинъ, Журналъ М-ва Нар. Просв., 1874, томъ VI, стр. 233.

Кривичей, Чуди и др. племенъ. То же самое мы видимъ и въ походѣ Ольги на Древлянъ, когда она шла мстить имъ за убійство мужа, и въ походахъ Олега и Игоря на Царьградъ. Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, наравнѣ съ Варягами, собственно дружиной, участвовали и „вои"-молодцы [1]). Этимъ характернымъ именемъ „воевъ" лѣтописецъ и отличаетъ такихъ славянскихъ повольниковъ отъ собственно варяжской дружины. „Собравъ много воевъ, Варяговъ и Славянъ, — говоритъ лѣтопись о походѣ 1036 года, — пришелъ Ярославъ къ Кіеву"; подобное же явленіе мы встрѣчаемъ и въ походѣ Владиміра, когда онъ шелъ съ Новгородской вольницей на брата своего Ярополка Кіевскаго.

Чѣмъ дольше оставались варяжскіе князья и ихъ дружины среди славянскихъ племенъ, тѣмъ больше должно было становиться количество воевъ-Славянъ, составлявшихъ какъ бы дополненіе къ варяжской дружинѣ; появленіе среди послѣднихъ славянскихъ повольниковъ, встрѣчавшееся прежде только исключеніями, позднѣе стало общимъ правиломъ, а съ теченіемъ времени число молодцовъ даже превосходило число Варяговъ чистокровныхъ, составлявшихъ ядро дружины. Служить князю въ дружинѣ было, во-первыхъ, выгодно въ матеріальномъ отношеніи; каждый походъ приносилъ значительные прибытки, мирное же время доставляло дружиннику кормъ за счетъ мѣстныхъ жителей; во-вторыхъ, такого рода образъ жизни былъ „вольготенъ"; каждый дружинникъ служилъ покуда ему было выгодно, до тѣхъ поръ, пока ему князь нравился и поведеніе его было „любезно"; свобода дружинника ничѣмъ не была стѣснена, ничѣмъ не ограничивалась. Кромѣ того, дружинная служба влекла за собой и косвенныя выгоды; такъ, напр., она давала извѣстныя правовыя привилегіи, хотя бы напр. въ отношеніи подсудности; всѣ дружинники были подсудны лишь личному суду того князя, которому служили; этимъ вои-молодцы выдѣлялись отъ прочаго населенія, будучи поставлены на одно положеніе съ чужестранцами-Варягами.

---

[1]) Ср. акад. Шахматовъ, Сказаніе о призваніи Варяговъ, стр. 58.

Вполнѣ естественно, что число славянскихъ дружинниковъ съ каждымъ годомъ должно было значительно увеличиваться, что могло быть князю только выгодно. Такой притокъ посторонних силъ обезпечивалъ ему необходимое количество дружинниковъ, послѣднее же было для него безусловнымъ требованіемъ для возможности княженія.

Такимъ образомъ, при послѣдующихъ князьяхъ—Рюриковичахъ, общимъ правиломъ, славянская дружина была въ большинствѣ, Варяги же составляли ея центральное ядро; о присутствіи послѣднихъ въ болѣе позднее время у насъ сохранилось не мало свидѣтельствъ; такъ, напр., къ помощи Варяговъ прибѣгаетъ Владиміръ въ своей борьбѣ съ братьями; какъ извѣстно, онъ даже ѣздилъ „за море“ для вербовки Варяговъ-дружинниковъ, составившихъ тотъ центръ, вокругъ котораго Новгородцы, или, вѣрнѣе, ихъ „молодцы“, образовали Владимірово войско, предназначенное противъ Ярополка Кіевскаго.

Чѣмъ сильнѣе былъ князь, чѣмъ славнѣе его походы и могущественнѣе его положеніе, тѣмъ, конечно, больше долженъ былъ быть наплывъ къ нему, на его службу, повольниковъ и молодцовъ, стремившихся участвовать въ его походахъ и подвигахъ и покормиться его добычей и наградами.

Но такой фактъ все бо̀льшаго участія въ княжеской дружинѣ славянскихъ повольниковъ, влекъ за собой два важныхъ слѣдствія.

Съ одной стороны онъ значительно увеличивалъ военную силу, могущество и самостоятельность князя; чѣмъ больше была его дружина, тѣмъ шире было поле его дѣятельности, тѣмъ легче было ему подчинять себѣ отдѣльныя волости, города, пригороды, колоніи и т. п. Съ другой же стороны, это явленіе создавало для князя связь съ мѣстнымъ населеніемъ; княжескіе „вои“ легче могли общаться со своими одноплеменниками, чѣмъ чужестранцы Варяги, а тѣмъ самымъ должно было укрѣпляться положеніе самого князя среди населенія данной волости, создавая ему болѣе легкую возможность сношеній съ городомъ и волостью. Вслѣдствіе этого присутствіе славянской

вольницы было князю гораздо выгоднѣе службы безпокойныхъ Варяговъ, его прежнихъ товарищей; такъ, князь Владиміръ Святославичъ, напр., уже открыто отдавалъ предпочтеніе славянскимъ дружинникамъ передъ буйными Варягами, которыхъ старательно выпроваживалъ изъ Кіева.

Но здѣсь надо имѣть въ виду, что если славянская вольница облегчала князю сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ, то это еще не значитъ, что измѣнялось присутствіемъ въ княжеской дружинѣ славянскаго элемента и соціальное положеніе таковой среди волостного населенія.

Дружина попрежнему рѣзко отдѣлялась отъ прочаго населенія; между ними существовала огромная пропасть; дружина, благодаря ея кочевому образу жизни, ея „вольности" и независимости, и тѣмъ способамъ, которыми она обезпечивала себѣ средства существованія, не могла сливаться съ мѣстнымъ населеніемъ; для этого между дружиной и народомъ не было общихъ интересовъ, не было крѣпкихъ общественныхъ связей, существовало мало элементовъ единенія. Чрезвычайно долго, въ продолженіе, можетъ быть, двухъ вѣковъ, княжеская дружина не сливалась съ мѣстнымъ славянскимъ обществомъ, продолжая представлять собой отдѣльный, текучій соціальный классъ, стоявшій внѣ волости, внѣ ея государственной и общественной жизни.

Но если дружина стояла раздѣльно отъ городского населенія, какъ цѣлое, то этимъ еще не исключается возможность сношеній между ними, и отношеній, завязывавшихся между отдѣльными членами дружины и мѣстными жителями. Какъ уже сказано было, подобныя личныя сношенія облегчались тѣмъ фактомъ, что среди дружины съ теченіемъ времени сталъ господствовать славянскій элементъ; очевидно, что „молодцу" было легче завязывать сношенія съ городскими жителями, чѣмъ чужестранцу-Варягу. Черезъ посредство же славянскаго элемента и его связей стали возникать и болѣе прочныя отношенія князя къ волости; такія болѣе крѣпкія отношенія князя

были чрезвычайно выгодны ему, обезпечивая впослѣдствіи возможность спокойнаго „сидѣнія" въ данномъ городѣ.

Но при всѣхъ отмѣченныхъ явленіяхъ можно говорить лишь о сношеніяхъ, а не о единеніи; какъ княжеская власть, такъ и положеніе княжеской дружины представляли собой совершенно различныя отъ народа соціальныя силы; князь съ его дружиной были противопоставлены волости, съ ея городомъ, какъ два самостоятельные общественные элемента. Сносились же они между собой, какъ равные и независимые субъекты права, на основаніи договоровъ; съ одной стороны стоялъ городъ и народъ съ его вѣчемъ, съ другой же — князь и его дружина.

Таковы общія начала, обусловливавшія положеніе княжеской власти на зарѣ государственной жизни Славянъ. Резюмируя изложенное, мы скажемъ, что, во-первыхъ, волость, какъ общественная единица, представляла собой вполнѣ законченное соціальное цѣлое, съ ясными признаками государственности; во главѣ ея фактически стояла торговая аристократія, классъ городской старѣйшины; верховнымъ же органомъ было народное собраніе, всесильное вѣче, безконтрольно распоряжавшееся судьбами волости. Во-вторыхъ: ко времени ея образованія, когда первичные элементы государственности уже опредѣлились, когда она уже представляла собой законченное соціальное цѣлое, появляется князь со своей дружиной, при чемъ новаго „князя" здѣсь слѣдуетъ различать отъ прежнихъ представителей городской старѣйшины, разныхъ Гостомысловъ, Кіевъ, Маловъ, Ходотъ и т. п., также именуемыхъ источниками „князьями".

Первоначально этотъ новый князь не могъ занимать другого положенія, какъ придатка къ волости, какъ неестественнаго нароста. Сначала онъ собиралъ дань, торгуя и кормясь по славянскимъ городамъ, при случаѣ занимаясь и грабежомъ; впослѣдствіи, обживясь среди Славянъ, князь сталъ пріобрѣтать новыя функціи, постепенно превращаясь изъ военнаго защитника въ судью и управителя. Что же касается его дру-

жины, то первоначальный ея варяжскій, чужестранный составъ сталъ постепенно замѣняться славянскими воями-молодцами; присутствіе же въ дружинѣ славянской вольницы дало князю и самой дружинѣ болѣе легкую возможность обосноваться въ волости, завязать съ мѣстнымъ населеніемъ болѣе прочныя и крѣпкія отношенія.

Посмотримъ теперь, каковы были тѣ начала, на которыхъ строились взаимныя отношенія князя и волости, противопоставленныхъ другъ другу, какъ два самостоятельныхъ договаривающихся субъекта права.

IV.

Отношенія князя къ волости и вѣчу.

Итакъ, предшествовавшее изложеніе привело насъ къ признанію факта существованія договорныхъ отношеній между народомъ и княземъ; въ такомъ договорѣ участвовали два равноправныхъ и самостоятельныхъ субъекта права, съ одной стороны народъ, представленный своимъ верховнымъ органомъ, вѣчемъ, съ другой же князь, опиравшійся на свою дружину. Эти договаривавшіеся субъекты права были другъ отъ друга вполнѣ независимы и, слѣдовательно, до заключенія договора и самостоятельны; только случайныя соціальныя и экономическія причины заставили ихъ столкнуться на жизненномъ пути и прійти въ соприкосновеніе, вслѣдствіе чего отношенія ихъ съ самаго начала приняли форму договорную; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда князь приходилъ войной, послѣдующее его пребываніе въ волости и сборъ дани на кормъ дружины носили характеръ договора; народъ отплачивался данью за свое спокойствіе; а рядомъ съ этимъ, народъ, какъ мы видѣли, сталъ покупать этой же цѣной услуги князя въ дѣлѣ военной защиты волости, съ теченіемъ времени присоединяя и другія

услуги, какъ, напр., судьи и управителя, и наконецъ и представителя волостныхъ интересовъ въ переговорахъ съ сосѣдними волостями. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ добровольную уступку волостью исполненія извѣстныхъ административныхъ функцій, князю; этимъ, конечно, нисколько не затрагивался государственный характеръ самой волости; уступая извѣстныя функціи, она оставляла за собой право контроля, право верховнаго надзора; основной причиной подобной уступки была конечно ея выгодность для волости; мы уже видѣли, что присутствіе князя обезпечивало ей лучшую защиту отъ внѣшнихъ враговъ, а также предоставляло ей лучшій правительственный элементъ. Въ этой уступкѣ князю исполненія нѣкоторыхъ административныхъ функцій мы имѣемъ, слѣдовательно, примѣръ первой дифференціаціи власти въ нашемъ первобытномъ государствѣ; вслѣдствіе такой уступки ему власти, князь пріобрѣлъ положеніе государственнаго органа, ставши рядомъ съ первичнымъ органомъ, вѣчемъ, но будучи ему подчиненъ, сдѣлавшись органомъ, слѣдователно, зависимымъ, несамостоятельнымъ; несамостоятельность княжеской власти въ дѣлахъ волостного управленія усиливалась тѣмъ фактомъ, что соціально онъ не былъ связанъ съ волостью, представляя собой отдѣльную общественную силу. А такъ какъ волость, какъ мы знаемъ, къ этому времени уже сложилась и оформилась въ самостоятельную общественную единицу, то князь, какъ посторонній элементъ, не могъ не занять придаточнаго къ ней положенія, по крайней мѣрѣ до той поры, пока ему не удавалось сжиться съ волостью, войти во внутрь ея соціальной жизни и строя [1]).

Договоръ между волостью и княземъ носилъ явные при-

---

[1]) Напомнимъ читателю забавный взглядъ на данный вопросъ нашихъ первыхъ историковъ, изъ которыхъ, напр., Шлецеръ доказывалъ необходимое присутствіе князя въ волости, такъ какъ безъ него „держава не могла же существовать“, отсутствіе князя было бы „анархіей“; другіе же потратили много чернилъ на споръ о томъ княжили ли Олегъ и Ольга, или намѣстничали отъ имени малолѣтнихъ князей, опекаемаго и сына. Настолько считалась наличность князя-правителя необходимымъ атрибутомъ государственности, необходимымъ признакомъ „державности“ волости.

знаки публичнаго права; обѣ договаривающіяся стороны были субъектами публичнаго права, да и самое содержаніе договора носило публично-правовой характеръ. Эти признаки намъ важны потому, что ими поднимается интересующій насъ договоръ надъ уровнемъ частной сдѣлки; подобное положеніе договора вызывалось и его соціальной подкладкой, благодаря которой князь получалъ право участія въ политической жизни волости, неся извѣстныя административныя, публично-правовыя обязанности.

Главенствующимъ субъектомъ такого договора всегда оставалось народное собраніе, вѣче; отъ его воли зависѣло положеніе князя и санкція договора; народное согласіе требовалось во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, съ которыми на практикѣ могла столкнуться княжеская власть.

Чрезвычайно интересно отмѣтить отношеніе къ этому вопросу нашей исторической литературы. Благодаря тому, что, какъ фактъ законченности и кристаллизаціи государственныхъ элементовъ волости, такъ въ частности значеніе и роль, игранныя въ ту эпоху вѣчемъ, такъ долго оставались совершенно въ тѣни, все вниманіе изслѣдователей сосредоточивалось на князѣ, въ которомъ во что бы то ни стало желали видѣть монарха въ современномъ значеніи этого термина. Корни такого взгляда глубоко лежатъ въ нашемъ общественномъ строѣ XVIII и XIX столѣтій. Но и древній лѣтописецъ несетъ не малую вину въ такой постановкѣ вопроса. Еще И. И. Срезневскій отмѣтилъ пристрастіе лѣтописца, подъ вліяніемъ Византійскихъ понятій, къ монархическому принципу и нашимъ древнимъ князьямъ; такъ, напр., въ его повѣствованіяхъ не встрѣчается *ни единой* похвалы, не обращенной непосредственно къ князю (за исключеніемъ развѣ старика Яна [1])! Уже не говоря о научныхъ построеніяхъ Шлецера и Карам-

[1]) „Лѣтопись наша кратка, суха и скупа на картинныя изображенія личностей, говоритъ Лешковъ (Русскій народъ и государство, стр. 91), одни святые имѣютъ житія; для однихъ государей возможны біографіи“.

зина, и позднѣйшая историческая литература, середины XIX вѣка, построена на томъ же началѣ; взгляды Бѣляева и Соловьева, напр., основаны на необходимости признанія монархическаго элемента существенной составной частью нашей древней государственности.

Но на продолженіи XIX столѣтія отношенія исторической науки къ древнему князю постепенно мѣняются. Тогда какъ у Карамзина онъ является еще „главой" государства, его необходимѣйшимъ элементомъ, у Соловьева и Бѣляева выдвигается уже мысль о его нѣкоторой, правда слабой, зависимости отъ вѣча, хотя рядомъ съ этимъ все же отмѣчается необходимость его наличности вообще. Только подъ вліяніемъ работъ проф. Сергѣевича и Костомарова постепенно выступаютъ на первый планъ народное собраніе, вѣче, и та роль, которую оно играло въ нашей древности. Остается теперь сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи и признать, что князь вовсе не являлся въ тѣ времена „необходимымъ реквизитомъ государственности", что волость не только могла, но во многихъ случаяхъ и дѣйствительно существовала и безъ князя, представляя собой и безъ него вполнѣ законченное соціальное цѣлое, со всѣми необходимыми элементами государственности, что, слѣдовательно, князь являлся придаткомъ волости, что вмѣстѣ со своей дружиной онъ былъ постороннимъ и самостоятельнымъ соціальнымъ элементомъ, только случайно и далеко не прочно связаннымъ съ волостью.

Долгое время князь и волость стояли другъ противъ друга, какъ двѣ независимыя и самостоятельныя общественныя силы, заключая между собой лишь временные договоры; только на основаніи такихъ чисто договорныхъ отношеній и строилась ихъ взаимная связь.

Намъ необходимо теперь посмотрѣть, каковы же были эти договоры, что составляло ихъ элементы, каковы были ихъ форма и обязательная сила.

Основнымъ положеніемъ всякой первобытной исторіи всегда остается принципъ „la force prime le droit", положеніе, ко-

торое господствовало и среди славянской общественной жизни. Часты должны были бывать случаи насильственнаго водворенія князя въ волости, посредствомъ завоеванія, какъ послѣдствіе военной удачи; но этимъ, конечно, не измѣняется основа последующихъ взаимныхъ отношеній волости и князя. Пока длилась война, князь былъ только внѣшней силой, завоевателемъ, но съ заключеніемъ мира, если онъ желалъ оставаться въ завоеванной волости, онъ долженъ былъ входить въ извѣстныя отношенія къ волости или городу; въ виду же того, что оба, какъ волость, такъ и князь, были самостоятельными и независимыми субъектами права, такія отношенія и не могли быть иными, какъ только договорными, предоставляя обѣимъ сторонамъ извѣстныя правомочія, налагая на обѣихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстныя обязанности. Мирный же приходъ князя или гораздо рѣже встрѣчавшійся случай „призванія" его, сразу, eo ipso, ставили обѣ стороны въ договорныя отношенія, такъ какъ князь въ такихъ случаяхъ предлагалъ волости, на извѣстныхъ условіяхъ, свои услуги, либо какъ военный защитникъ ея, либо, кромѣ того, и какъ администраторъ, судья или управитель. За такія услуги князю давалась возможность отдохнуть отъ походовъ, покормиться съ дружиной, поторговать на перепутьи и т. д. Такъ княжили первые пришельцы князья и первые Рюриковичи, таковы приходы Аскольда и Дира, а позднѣе Олега и Игоря, когда Кіяне мирно ихъ принимали въ свою среду, предоставляя имъ извѣстныя административныя функціи въ Кіевской волости.

Изъ двухъ субъектовъ договорнаго права, вѣче несомнѣнно являлось главенствующимъ въ соціальномъ строѣ. Народъ „принималъ" или „призывалъ" князя на княженіе; не одинъ примѣръ, приводимый древнимъ лѣтописцемъ, свидѣтельствуетъ намъ объ этомъ фактѣ, который формулируется такъ: народъ говорилъ князю: „ты насъ защищай, а если кромѣ того можешь намъ завоевывать другія земли и блистать побѣдами, то тѣмъ лучше для насъ" (напр., дѣятельность Святослава); таково, напр., было обратное призваніе Святослава Кіянами, при на-

паденіи на нихъ Печенѣговъ [1]). Если въ нашей литературѣ, начиная съ Погодина [2]), ярко освѣщена зависимость князей отъ вѣча въ послѣдующій періодъ, такъ называемый удѣльный, то наоборотъ зависимость ихъ отъ народныхъ собраній въ древней волости, въ такъ называемый варяжскій періодъ славянской исторіи, какъ уже сказано, остается и по сей день въ тѣни, если не считать двухъ, трехъ историковъ, какъ, напр., проф. Костомарова и Сергѣевича, принявшихъ другую точку зрѣнія; даже въ трудахъ проф. Ключевскаго положеніе вѣча и зависимость отъ него первыхъ князей вовсе не оттѣнены.

Мы встрѣчаемъ въ лѣтописныхъ сказаніяхъ одинъ чрезвычайно интересный фактъ, подтверждающій наши мысли, а именно, что бывали случаи предварительныхъ переговоровъ народа съ княземъ. Еще до заключенія окончательнаго договора иногда случалось, что князья посылали въ данный городъ дружинныхъ мужей, для представленія вѣчу своихъ предложеній; другими словами, князья посылали народному собранію, черезъ своихъ представителей, свою программу или условія, на основаніи которыхъ имъ было бы желательно принять „столъ", вступить во княженіе. Такія предложенія обсуждались народомъ; если не подходили, не могла состояться и сдѣлка съ княземъ, если же подходили, князь могъ уже приступать къ заключенію окончательнаго договора. Примѣры подобныхъ предварительныхъ переговоровъ хорошо освѣщаютъ фактъ сознанія князьями того обстоятельства, что отношенія ихъ къ волости должны были быть основаны именно на договорѣ, что сами они являлись въ волости элементомъ постороннимъ, лишь договаривающейся стороной.

Первоначально появленіе князя въ волости было, какъ уже замѣчено выше, „приходомъ", появленіемъ по собственной

---

[1]) Бѣляевъ, Лекціи, стр. 27 и 28.

[2]) То, что Погодинъ говоритъ объ удѣльныхъ временахъ, вполнѣ примѣнимо и къ разбираемой эпохѣ; а именно, что зависимость князей отъ вѣча вызывала „зыбкость удѣльнаго строя" и „безпрерывное движеніе князей", прибавимъ мы *„по поверхности волости"*.

иниціативѣ, но съ теченіемъ времени, въ виду того, что присутствіе варяжскихъ дружинъ было Славянамъ выгодно, послѣдніе стали уже сами обращаться къ варягамъ, приглашая ихъ въ свои города; такимъ образомъ „призваніе“ князей, впослѣдствіи, стало постепенно замѣнять прежнюю форму прихода, съ которой легче соединялось насильное водвореніе князя въ волости.

Но, призывая князей, народъ обращалъ вниманіе и на дружины, на ихъ силу, боевыя качества, дисциплину и т. п.; качества дружины были волости такъ же важны, какъ качества самого князя; въ отношеніи внутренней жизни важно было, чтобы дружина считалась съ интересами волости, не грабила народъ, не ложилась бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ на населеніе, а рядомъ съ этимъ должна была приниматься въ расчетъ и необходимость защиты отъ внѣшнихъ враговъ, для чего дружина должна была обладать возможно лучшими боевыми качествами. Все это вызывало необходимость для волости, при заключеніи договоровъ съ князьями, обращать самое серьезное вниманіе и на ихъ дружины.

Перейдемъ теперь къ важному вопросу опредѣленія компетенціи князя, другими словами, какова же собственно была княжеская власть, изъ какихъ она состояла элементовъ.

Первобытные Славянскіе князья, или какъ ихъ вѣрнѣе называютъ, князьки, были лишь временными и мѣстными органами, должностными лицами, управлявшими по порученію вѣча извѣстной отраслью волостной администраціи; при этомъ иногда они могли выступать и представителями волости, какъ, напр., въ переговорахъ съ сосѣдями, другими племенами и т. п. Чужеземецъ же князь, безразлично, будь-то Погодинскій Варягъ-Норманъ или Гедеоновскій Балтіецъ, являлся среди Славянскихъ племенъ первоначально, какъ находникъ, собиратель и вымогатель дани; онъ и самъ наживался и кормился, наживалась и кормилась за его спиной и дружина его. Они вмѣстѣ кочевали, въ погонѣ за данью и добычей, вмѣстѣ воевали и

торговали, вмѣстѣ, наконецъ, стали во главѣ военной организаціи волости, завѣдывая ея внѣшней обороной.

Изъ этого способа добыванія средствъ къ существованію вытекли и первыя отношенія князя и его дружины къ Славянской волости. Первоначально они появились среди Славянскихъ племенъ и какъ торговцы, и какъ сборщики дани, на собственную пользу; собирая дань, кочевали они по различнымъ волостямъ; собирая дань, проживали по городамъ; первоначально князь долженъ былъ самъ ѣздить за данью; но съ теченіемъ времени, когда ему удавалось обжиться въ какомъ-нибудь одномъ городѣ и населеніе постепенно привыкало къ его присутствію, онъ могъ уже посылать въ пригороды, села и деревни своихъ мужей за сборомъ дани[1]); наконецъ, впослѣдствіи, когда положеніе его въ волости еще болѣе упрочивалось, когда сила его становилась болѣе значительной, сильнѣе чувствовалась и зависимость отъ него населенія данной волости; въ такихъ случаяхъ дань уже привозилась ему самимъ населеніемъ; то же самое мы находимъ и при завоеваніяхъ, когда князь, благодаря своему военному могуществу, силою подчинялъ себѣ какую-либо волость, колонію или городъ, заставляя ихъ выплачивать опредѣленную дань. Таковы различныя стадіи кормленія князя и его дружины. Но изъ подобнаго кормленія посредствомъ сбора дани, какъ мы уже замѣтили, съ теченіемъ времени стало вытекать и новое явленіе, болѣе сложныя отношенія князя къ волости. Пока онъ былъ лишь завоевателемъ, кормившимся „отъ населенія", въ лучшемъ случаѣ, военнымъ защитникомъ волости, охранителемъ ея границъ, предлагая за собираемую дань нѣкоторыя услуги военнаго характера, какъ видимъ, связь его съ волостью была чисто временная, внѣшняя и слабая; но, съ теченіемъ времени, рядомъ съ этими первичными обязанностями, стали появляться и новыя; князь сталъ понемногу превращаться въ судью и администратора; онъ уже подготовленъ былъ къ подобной дѣ-

[1]) Нѣчто подобное мы имѣемъ въ примѣрѣ „раздачи" пригородовъ Рюрикомъ своимъ мужамъ.

ятельности тѣмъ обстоятельствомъ, что въ средѣ своей собственной дружины, своихъ однокашниковъ и боевыхъ товарищей онъ и прежде былъ судьей и администраторомъ; такъ напр., дружинники судились лишь самимъ княземъ; послѣдній же обязанъ былъ заботиться о ихъ жизни, продовольствіи, кормѣ и т. д.; все это входило ipso jure въ положеніе и обязанности военноначальника; такимъ образомъ, эта административная и судебная дѣятельность князя хорошо подготовила его къ подобной же дѣятельности среди мѣстнаго населенія Славянскихъ городовъ; изъ этихъ дружинныхъ обязанностей князя впослѣдствіи выросли и его государственныя и административныя обязанности въ волости; и чѣмъ дольше онъ оставался среди Славянскаго населенія, чѣмъ болѣе онъ „обсиживался" въ какомъ-нибудь одномъ городѣ, тѣмъ шире и разнообразнѣе становились его административныя функціи; такъ Русская Правда свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что князья сами судили уголовныя дѣла; древніе источники даютъ намъ не одинъ примѣръ административной дѣятельности князей, несшихъ разнообразныя обязанности управленія, устанавливавшихъ „погосты и дани" (Ольга, напр., „устави по Мьстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани" [1]). Но князья судили и управляли не только лично, они поручали подобныя дѣла нерѣдко и своимъ мужамъ, назначая разныхъ судей, тіуновъ, сборщиковъ дани и др. должностныхъ лицъ, посылая ихъ въ различныя мѣстности, пригороды и деревни, судить и управлять „княжескимъ имепемъ". И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ шире развивалась княжеская дѣятельность; такъ къ сбору дани стали присоединяться сборы пошлинъ, судебныхъ, таможенныхъ; наконецъ, стали появляться зачатки и законодательной дѣятельности, о чемъ свидѣтельствуетъ намъ Русская Правда.

[1]) „Установленіе погостовъ" Ольгой не было, конечно, изобрѣтеніемъ чего-либо дотолѣ несуществовавшаго, а лишь перераспредѣленіемъ данныхъ и административныхъ округовъ; Ольга по всей вѣроятности воспользовалась для подобнаго перераспредѣленія уже существовавшими до нея началами обычнаго права, не создавая новыхъ нормъ права.

Но „законодательная“ дѣятельность князей принадлежитъ уже слѣдующему періоду русской исторіи; въ разсматриваемую эпоху общественная жизнь еще не нуждалась въ столь сложныхъ формахъ выработки правовыхъ нормъ.

Установивъ выше зависимость князя отъ вѣча, верховный контроль послѣдняго во всей области государственнаго управленія, мы этимъ еще не утверждаемъ, что князь, вслѣдствіе такой зависимости, являлся простымъ исполнителемъ вѣчевыхъ рѣшеній. Покойный Градовскій сдѣлалъ подобный упрекъ проф. Сергѣевичу [1]), говоря, что такое положеніе князя являлось бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ верховныхъ правъ вѣча, въ той формѣ, въ которой ихъ устанавливаетъ г. Сергѣевичъ; но упрекъ этотъ врядъ ли справедливъ; въ дѣлахъ административныхъ и судебныхъ князь пользовался самостоятельностью; то же самое можно сказать и относительно военнаго дѣла; только въ дѣлахъ и вопросахъ управленія верховнаго, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда затрагивались общіе интересы народа, долженъ былъ князь безусловно считаться съ народной волей, при чемъ однимъ изъ главныхъ практическихъ условій была обязанность „не обижать народа“; только въ этой области могло происходить столкновеніе съ народной волей; въ прочей же своей дѣятельности князь оставался самостоятельнымъ. Да и сама форма дѣятельности такого контролирующаго органа, какимъ было вѣче, не могла способствовать „постоянному и дѣятельному“ осуществленію правъ надзора.

А рядомъ съ этимъ надо поставить и обширнѣйшія права самоуправленія каждой общественной единицы, будь то деревня, село, пригородъ или городъ. Эта область самоуправленія также стояла подъ извѣстнымъ контролемъ вѣча, какъ представителя народной воли, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда затронуты были общіе интересы всего населенія волости; она также зависѣла отъ вѣча, какъ и княжеская власть, лишь въ вопросахъ общихъ, сохраняя за собой въ другихъ отношеніяхъ

---

[1]) См. Государственный строй древней Россіи, Журналъ М-ва Нар. Просв., 1868 года, X, стр. 120.

полную самостоятельность. Такъ было и съ отношеніями князя къ вѣчу; появленіе его никоимъ образомъ нельзя считать „реакціей противъ общиннаго быта“, какъ то думалъ Градовскій, такъ какъ княжеская власть не „замѣнила“ полностью государственную власть вѣча, а лишь дополнила ее. Князь явился среди Славянской общины какъ одинъ изъ первыхъ продуктовъ дифференціаціи власти, какъ новый органъ, созданный благодаря осложнившейся общественной жизни, не удовлетворяемой больше дѣятельностью одного народнаго собранія, вѣча; рядомъ съ послѣднимъ должна была стать теперь дѣятельность новаго органа, князя, на долю котораго пала военная и финансовая администрація, а съ теченіемъ времени и судебныя и административныя полномочія; такимъ образомъ новыя судебно-административныя функціи князя, постепенное превращеніе его въ новый государственный органъ, ставшій рядомъ съ вѣчемъ, вызывались процессомъ развитія общественности; чѣмъ дальше послѣдняя развивалась, тѣмъ большая требовалась дифференціація государственныхъ органовъ; въ данномъ случаѣ, въ князѣ волость уже имѣла органъ, хотя и второстепенный или придаточный; теперь, съ развитіемъ дифференціаціи, князь сталъ пріобрѣтать новое значеніе. Первичный органъ волости, вѣче, не удовлетворялъ больше новымъ, болѣе сложнымъ формамъ соціальной жизни; усложненіе послѣдней вызывало неизбѣжно дифференціацію государственной организаціи, которая и имѣла своимъ слѣдствіемъ ростъ княжеской компетенціи, пріобрѣтавшей все новыя функціи; выше мы видѣли какія именно функціи осуществлялись княземъ; сначала онъ былъ лишь защитникомъ волости, сборщикомъ дани; съ осложненіемъ послѣдняго дѣла и при постепенномъ переходѣ дани въ болѣе развитыя формы государственныхъ повинностей, завѣдываніе таковыми также сосредоточилось въ рукахъ князя; съ теченіемъ же времени сюда присоединились еще и обязанности судьи и администратора, выросшіе изъ того положенія, которое князь издревле занималъ въ средѣ собственной дружины.

Князь, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи представлялъ

собой дальнѣйшее развитіе государственности и дифференціаціи органовъ власти, вызываемой усложненіемъ соціальной жизни; онъ дополнилъ прежнюю дѣятельность вѣча, замѣнилъ ее, какъ органъ постоянный, для тѣхъ вопросовъ, при разрѣшеніи которыхъ неопредѣленная форма народныхъ собраній была уже недостаточной. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, князь все-таки оставался подъ верховнымъ контролемъ вѣча, зависимымъ отъ него во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда затрагивались общіе интересы волости. Съ другой же стороны стояли общины, съ ихъ независимымъ самоуправленіемъ, во внутреннюю жизнь которыхъ князь не могъ вмѣшиваться[1]).

Такова княжеская власть этого періода русской исторіи. Только что появившись въ Славянской волости, она необхо-

---

[1]) Важнымъ здѣсь представляется отмѣтить законодательную власть князей. Наша конструкція княжеской власти не даетъ намъ возможности признать за князьями этого періода русской исторіи законодательныхъ функцій; основой правовой жизни являлось лишь обычное право. Въ частности вопросъ этотъ касается Русской Правды; какъ чрезвычайно мѣтко замѣтилъ проф. Загоскинъ (Курсъ исторіи русскаго права, стр. 299; Ученыя записки Казанскаго Университета, октябрь, 1906 г.), „Русская Правда въ подавляющей части своего содержанія представляетъ собою лишь отраженіе древнѣйшаго обычнаго права славянства, вообще, и русскаго славянства въ особенности". Такимъ образомъ князь, въ данномъ случаѣ, напр., Ярославъ Владиміровичъ, могъ являться лишь собирателемъ или кодификаторомъ обычнаго права, а не создателемъ новыхъ правовыхъ нормъ, на подобіе современныхъ законовъ. Весьма сомнительно, чтобы князь, благодаря своему положенію, могъ создать какую-либо правовую норму, не существовавшую уже ранѣе въ правовомъ сознаніи народа (какъ, напр., „отмѣнить" кровную месть, посредствомъ лишь одного между—княжескаго соглашенія); положеніе его для того было слишкомъ обособлено отъ соціальнаго процесса развитія народной общественной жизни. Намъ приходится отрицать слѣдовательно не только Ярославово авторство подробной Русской Правды (что можно считать уже общимъ мнѣніемъ ученой литературы, признающей Правду сборникомъ; см. Загоскинъ, тамъ же, стр. 311), но и авторство его касательно „Краткой" правды. Князь тѣхъ временъ могъ быть только кодификаторомъ и собирателемъ обычнаго права; этимъ отрицается не „оффиціальное происхожденіе" этого памятника, а лишь возможность *созданія* Ярославомъ новыхъ правовыхъ нормъ. Для этого онъ не пользовался достаточнымъ участіемъ въ общественной жизни Славянскаго народа.

димо представляла еще власть некристаллизовавшуюся, границы компетенціи которой не успѣли еще вылиться въ опредѣленныя формы. Если же мы примемъ во вниманіе ту слабость соціальныхъ связей, которая отличала отношенія князя къ волости и которая столь продолжительное время ставила ихъ въ положеніе двухъ самостоятельныхъ договаривающихся общественныхъ силъ, мы не можемъ не согласиться съ Костомаровымъ въ опредѣленіи общей характеристики княжеской власти, какъ отличавшейся своимъ „*наѣздническимъ направленіемъ*“ [1]). Вплоть до Владиміра Св., князья *кочевали* среди славянскихъ племенъ, не чувствуя потребности къ осѣдлости. И положеніе это въ равной мѣрѣ относится и къ Святославу и къ Олегу, хотя особенно ярко такое наѣздническое направленіе выступаетъ именно при Святославѣ, которому вовсе не сидѣлось на мѣстѣ [2]). Не можетъ быть здѣсь и рѣчи, слѣдовательно, о какомъ-нибудь „расцвѣтѣ русскаго могущества“, какъ то желаетъ установить, напр., Забѣлинъ; можно говорить о могуществѣ Святославовой дружины, о его славныхъ подвигахъ, но никакъ не о „русскомъ могуществѣ“, да еще о разцвѣтѣ этого „государственнаго“ могущества. Князь еще не былъ связанъ съ волостью; онъ, продолжалъ еще быть придаточнымъ элементомъ, двигавшимся по ея поверхности, не чувствуя никакихъ препонъ, ни связей; отношенія же его къ волости носили, какъ сказано, характеръ договора личнаго найма; онъ продавалъ за дань и кормъ свои услуги военнаго защитника волости, а съ теченіемъ времени присоединилъ къ нимъ и услуги администратора и судьи. При такой постановкѣ вопроса, совершенно ясно, что одно условіе должно было всегда и необходимо отсутствовать въ подобныхъ договорахъ князя съ волостью, а именно, опредѣленіе времени, на которое князь

[1]) Начало единодержавія въ древней Руси, стр. 9.

[2]) Это еще замѣтилъ о Святославѣ К. Аксаковъ (Замѣчанія на лѣтопись Нестора, стр. 508, I томъ Сочиненій), указывая на предпочтеніе Святославомъ Переяславца Дунайскаго „яко ту вся благая сходятся“. „Это, по крайней мѣрѣ, говоритъ Аксаковъ, не показываетъ привязанности князя къ одному городу, княженію, землѣ“.

княжилъ. Ни волость, ни князь не были и не могли быть связаны какими-либо сроками. Въ любой моментъ каждая сторона могла порвать свои договорныя отношенія; князь могъ уйти, народъ могъ его выпроводить, сказать ему, что онъ больше „не угоденъ". У насъ много примѣровъ ухода князя; вспомнимъ хотя бы Олега, ушедшаго въ Кіевъ; немного позднѣе чуть было не ушелъ изъ Кіева Святославъ; этому князю, также какъ и Олегу, не сидѣлось на одномъ мѣстѣ, ему хотѣлось уйти къ Болгарамъ, въ Переяславецъ, гдѣ было вольготнѣе и ему и дружинѣ, и только случайныя обстоятельства заставили его вернуться въ Кіевъ, который онъ было покинулъ. Что касается выпроваживанія князя, то и на это есть не мало примѣровъ; вспомнимъ хотя бы случай изгнанія Варяговъ изъ Новгорода, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, какъ происшедшемъ до призванія Рюрика, въ первой половинѣ IX вѣка. Такимъ образомъ князь княжилъ пока ему было угодно, а волость держала его, пока онъ не становился ей „неугоденъ", или дѣятельность его не становилась вредной.

Обезпеченіемъ такого договора могла быть, конечно, лишь обоюдная польза его; если и существовали извѣстныя формы обезпеченія, въ видѣ жертвоприношеній, клятвы передъ идолами или свидѣтелями, то значеніе ихъ было минимальное; нарушить ихъ легко могла каждая сторона и, думается, часто и нарушала безъ особаго зазрѣнія совѣсти; при слабомъ развитіи правовыхъ понятій того времени не могло существовать другихъ мотивовъ обезпеченія договоровъ, кромѣ утилитарныхъ.

Что же касается внѣшней формы самого договора, то она была также чрезвычайно примитивна; съ одной стороны требовалось рѣшеніе народнаго собранія, вѣча, съ другой же — согласіе князя; оба условія выполнялись въ устной формѣ; по крайней мѣрѣ письменные договоры, если они и существовали, въ чемъ можно сомнѣваться, до насъ не дошли.

Никакихъ другихъ подробностей не установлялось.

Народу, собственно говоря, было безразлично, какъ княжилъ данный князь, лишь бы онъ „не обижалъ народа", пра-

вилъ бы судъ по справедливости и, главное, умѣлъ бы защищать волость отъ внѣшнихъ враговъ.

Но такая постановка вопроса, такое отношеніе князя къ волости не могло способствовать ихъ соціальному сближенію; они должны были оставаться двумя противоположными общественными силами, двумя противопоставленными другъ другу субъектами договорнаго права. Князь судилъ, рядилъ, управлялъ, защищалъ волость, а послѣдняя его и дружину его кормила, собирая въ ихъ пользу дань.

Князь и дружина были сами по себѣ, земщина сама по себѣ [1]) Когда требовалось общее дѣйствіе этихъ двухъ общественныхъ силъ, напр., въ случаѣ внѣшней опасности, необходима была и ихъ совмѣстная работа. Въ вопросѣ войны рѣзче всего выступаетъ такое отношеніе князей къ народу; первые были совершенно самостоятельны и независимы въ распоряженіи какъ самими собой, такъ и собственными силами и дружиной; но когда ихъ собственныхъ силъ не хватало, они обращались за помощью къ земщинѣ, для чего требовалось согласіе послѣдней, чѣмъ исключалась возможность насильственнаго ея привлеченія.

Наша лѣтопись знаетъ много примѣровъ какъ самостоятельной дѣятельности князей, т. е. случаевъ, когда они вели войну собственными силами (возьмемъ хотя бы походъ Олега на Кіевъ или походы Святослава), такъ и другой возможности, когда земщина шла на войну совмѣстно съ княземъ (какъ, напр., въ войнахъ съ Печенѣгами); такое различіе вытекало изъ различія поводовъ къ войнѣ; земщина вступала въ войну только когда затронутъ былъ интересъ всей волости, когда, напр., грозила ей внѣшняя опасность; наоборотъ, князь предпринималъ войны и походы по самымъ разнообразнымъ поводамъ, иногда въ цѣляхъ наживы, иногда въ видахъ завоевательныхъ, иногда благодаря просто тому, что ему „не сидѣлось", какъ то бывало со Святославомъ; встрѣчались также

[1]) Ср. Бѣляевъ. Разсказы изъ Русской Исторіи. Книга I, стр. 50 и слѣд.

случаи, когда надо было дать возможность поживиться и покормиться дружинѣ, такъ какъ война была главнымъ, если не единственнымъ, средствомъ для нея добывать себѣ богатство; такъ, мы знаемъ, что Игорева дружина стремилась въ походъ потому, что „обнищала“; тогда какъ Свенельдова дружина одѣлась оружіемъ и платьемъ, — говорили Игоревы дружинники,— „мы наги... пойди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудешь и мы“. Свенельдова же дружина была богата въ виду того, что ей отдана была дань съ Угличей (Уличичей) и Тиверцевъ [1]). Очевидно, что такихъ поводовъ для войны у земщины не могло существовать.

Но надо замѣтить, что главною цѣлью призыва князя въ ту эпоху была все-таки внѣшняя защита волости; управленіе и судъ, которые ему предоставлялись, являлись слѣдствіемъ первичной функціи военной защиты, появившись позднѣе.

Этимъ объясняется, что чрезвычайно долго рядомъ съ князьями продолжаютъ встрѣчаться выборные отъ народа, правители и судьи, разные старцы, посадники, старосты и др. И управленіе, и судъ предоставлялись князю, какъ временная и мѣстная привилегія, что также служитъ подтвержденіемъ нашей мысли о придаточной роли князя въ жизни первобытнаго государства-волости. Также смотрѣли на эту привилегію и самъ князь и его дружина; они видѣли въ ней выгодный источникъ дохода, но источникъ лишь временный, преходящій; какъ только представлялась лучшая возможность наживы, въ видѣ ли похода на сосѣда или на далекую окраину, къ морю или „въ Греки“, и князь и дружина съ легкимъ сердцемъ разставались со своимъ прежнимъ мѣстомъ жительства и управленія, не чувствуя, что этимъ порываются какія бы то ни было связи. Единеніе, другими словами, съ земщиной продолжало быть чисто внѣшнимъ, чисто договорнымъ пользованіемъ взаимными услугами. Разъединяли ихъ и цѣли и интересы жизни; тогда какъ дружина жила въ свое удовольствіе, стремясь лишь къ наживѣ,

---

[1]) Бѣляевъ, в. н. с., книга I, стр. 35 и 51.

земщина имѣла осѣдлые интересы, крѣпкую связь съ данной мѣстностью; интересы первой лежали въ движеніи, интересы второй въ мирной и осѣдлой жизни и въ развитіи мѣстной торговли и мѣстнаго же богатства.

Но съ теченіемъ времени интересы торговли стали расти, развиваться, а съ ними и внѣшняя жизнь волости; послѣдняя входила въ бо̀льшее соприкосновеніе съ сосѣдями; этимъ развивалась торговля городовъ, а за ними росла и расширялась торговля всей волости; наравнѣ съ Кіевомъ росъ, напр., Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, а за ними и ихъ волости: Кіевская, Новгородская, Полоцкая и Смоленская.

Среди прочихъ городовъ своимъ богатствомъ уже давно выдѣлялся Кіевъ, благодаря своему выгодному положенію на самомъ бойкомъ торговомъ пути; такое положеніе позволяло ему экономически главенствовать среди прочихъ городовъ южной Руси; къ нему сходились всѣ торговые пути Славянъ; къ нему стекалось самое большое количество товаровъ и торговцевъ—искателей богатства и приключеній; здѣсь, среди Кіевскихъ стѣнъ, однимъ словомъ, образовался самый большой экономическій и торговый центръ всей южной Руси. Само собой понятно, что экономическое превосходство предоставляло ему извѣстную гегемонію среди окружавшихъ его прочихъ городовъ и волостей; онъ сталъ скоро первенствовать между ними, благодаря своему богатству, славѣ и могуществу.

Этимъ экономическимъ превосходствомъ, и только имъ, объясняемъ мы фактъ пресловутаго „единства и могущества“ Руси IX и X вѣковъ, столь прославленный Карамзинымъ и воспѣтый вслѣдъ за нимъ его послѣдователями; всѣ они, за малыми исключеніями, говорятъ о *государственномъ* единствѣ Руси тѣхъ временъ, единствѣ, которое, между тѣмъ, никогда не существовало.

Мы уже видѣли, что появленіе среди Славянъ князя-Варяга произошло тогда, когда волость представляла собой вполнѣ законченную общественную единицу со всѣми необходимыми реквизитами государственности; присутствіе въ ней князя или

отсутствіе таковаго ничуть не мѣняло положенія веещй; волость продолжала оставаться государственнымъ единеніемъ; фактъ прихода или призыва князя не измѣнялъ ея внутренней структуры. Княжилъ ли князь, какъ управитель, или просто сидѣлъ въ городѣ, собирая дань и кормясь, но не чиня суда и расправы, вовсе ли отсутствовалъ, все это безразлично для опредѣленія государственнаго характера волости, разъ мы признаемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что князь былъ лишь придаткомъ волости. Съ одной стороны необходимо указать въ данномъ случаѣ, что и помимо князя волость обладала всѣми необходимыми элементами государственности; у нея была и своя опредѣленная территорія и свой народъ и самостоятельная верховная власть, осуществляемая независимымъ органомъ, вѣчемъ; съ другой же стороны, положеніе князя и княжеская власть въ волости нисколько не были похожи, какъ мы также видѣли, на положеніе правителя и на власть монарха. Еще Бѣляевъ замѣтилъ, что княжеская власть тѣхъ временъ „лежала только какъ бы на поверхности общественной жизни и не проникала въ глубь“ [1]). Вѣрно говоритъ названный историкъ, что князь былъ „самовластенъ и независимъ въ своихъ распоряженіяхъ и предпріятіяхъ только въ такомъ случаѣ, когда его распоряженія и предпріятія *не касались* земщины“; этимъ хорошо оттѣняется государственная самостоятельность волости и то придаточное положеніе, которое дѣйствительно и занималъ князь той эпохи.

Мы указывали выше на процессъ концентраціи волостей вокругъ экономическихъ центровъ; мы видѣли, какъ отдѣльныя области собирались вокругъ городовъ, какъ онѣ тянули водой и землей къ этимъ городамъ, какъ, благодаря этому процессу, образовались самостоятельныя волости-государства главнымъ образомъ вдоль торговыхъ путей, изъ которыхъ главный былъ „изъ Варягъ въ Греки и изъ Греки“. Князья, по своему происхожденію и положенію въ такихъ государствахъ-волостяхъ,

---

[1]) Лекціи, стр. 27.

не имѣли никакой возможности, ни средствъ вліять на развитіе государственности; они были посторонними, жили внѣ общественной жизни волостей; дѣятельность первыхъ князей, такимъ образомъ, только внѣшнимъ образомъ задѣвала волость, вліяла на нее только случайно; такъ, Новгородъ, напр., сохранялъ за собой всѣ признаки государственности и въ тѣ времена, когда у него вовсе не было князя-Варяга, и тогда, когда Рюрикъ сидѣлъ въ Ладогѣ, и наконецъ послѣ того, какъ онъ переселился въ самый Новгородъ. То же самое надо сказать и о Кіевѣ; волость Кіянъ существовала, какъ самостоятельное государство, и до и послѣ прихода Олега. Однимъ словомъ, появленіе среди Славянъ Варяговъ-князей, и въ частности Рюриковичей, не могло нарушить того общественнаго процесса, который зародился задолго до ихъ прихода, и шелъ къ обособленію волости, къ оформленію ея государственнаго характера. Послѣ ухода Олега на Югъ, Новгородъ попрежнему сохранялъ за собой всѣ признаки государственности. Какъ мы видѣли, Олегъ не былъ единственнымъ княземъ, княжившимъ среди Славянъ. Лѣтопись говоритъ и о Рогволодѣ, и о Турѣ, и о Ростовскихъ князьяхъ у Мери, и о многихъ другихъ „свѣтлыхъ князьяхъ“. Правда, военное могущество Олега, Игоря, Ольги и Святослава, и тотъ фактъ, что они княжили въ самомъ богатомъ, экономически главенствующемъ Кіевѣ, давали имъ возможность „имать дань“ съ сосѣдей, какихъ-нибудь Древлянъ, но фактъ сбора дани еще не установлялъ государственной зависимости Древлянъ, напр., отъ Кіева; совершенно наоборотъ, мы знаемъ, что Древляне и послѣ Игоревыхъ сборовъ дани и вплоть до покоренія ихъ волости Ольгой продолжали жить самостоятельной государственной жизнью, имѣя своего собственнаго князя Мала, такъ неудачно сватавшагося за Ольгу.

Одинъ лишь фактъ сбора дани еще не устанавливалъ государственной зависимости. Самый терминъ „дань“ можетъ повести къ нѣкоторому недоразумѣнію; исторія представляетъ намъ нѣсколько градацій въ этомъ понятіи, градацій, изъ ко-

торыхъ каждая имѣла свои особыя послѣдствія. Такъ, первичная форма сбора дани не устанавливала абсолютно никакихъ связей между отдѣльными волостями, такъ какъ производилась княземъ за свой счетъ и рискъ; таковы сборы дани первыхъ Варяговъ-находниковъ, приходившихъ къ Славянамъ до Рюрикова времени.

Затѣмъ второй стадіей былъ сборъ дани княземъ, уже обосновавшимся въ какой-либо волости, что уже придавало его дѣйствіямъ извѣстный характеръ государственности; онъ былъ уже органомъ волости, а не прежнимъ атаманомъ шайки грабителей; но подобная дань еще не устанавливала государственной зависимости покоренныхъ волостей отъ волости князя, ихъ покорившихъ; таковы примѣры сборовъ дани Олега, Ольги, Игоря, Святослава [1]); не существовало никакой „подчиненности" тѣхъ волостей или племенъ, съ которыхъ Кіевскій князь, благодаря своей хорошей дружинѣ, собиралъ дань; каждая изъ нихъ сохраняла свою полную государственную самостоятельность въ той же мѣрѣ, какъ какое-нибудь современное государство сохраняетъ свою самостоятельность и послѣ того, какъ на него наложена побѣдителемъ военная контрибуція.

Наконецъ, третьей стадіей сбора дани надо считать тѣ случаи, когда дань уже превращается въ государственную повинность; это бывало въ тѣхъ вышеотмѣченныхъ примѣрахъ, когда власть князя уже становилась болѣе прочной и населеніе само везло къ нему дань, обязанность, носившую характерное имя „возить повозы", въ отличіе отъ прежней формы „полюдья", когда князь самъ ѣздилъ за ея сборомъ. Въ этой формѣ дани мы уже имѣемъ зачатокъ государственной повинности и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно установить ея наличность, можно говорить и о существованіи государственной зависимости той мѣстности, которая обложена по-

---

[1]) Подъ эту категорію подходятъ и случаи обложенія данью Печенѣговъ, обложеніе, которое несомнѣнно не устанавливало государственной зависимости, „подчиненности" Печенѣговъ Кіевской волости.

добной формой дани, отъ той, въ пользу которой дань уплачивается или князь которой ее собираетъ.

Подъ однимъ и тѣмъ же терминомъ „дань", слѣдовательно, подразумѣваются весьма различныя формы повинностей, начиная отъ простой военной контрибуціи, временной и случайной, и кончая настоящей государственной повинностью, установлявшей и зависимость государственную одной волости отъ другой. Въ княженія Ольги и Святослава подобный примѣръ имѣется въ зависимости отъ Кіева Древлянъ, зависимости государственной, т. е. „подчиненности" Древлянской волости волости Кіевской; наоборотъ, Вятичи и Радимичи платили лишь дань въ видѣ военной контрибуціи, не будучи зависимы отъ Кіевской волости въ государственномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, позволительно спросить здѣсь, въ чемъ же, собственно, заключалось это пресловутое государственное единство древней Руси? Гдѣ, собственно, признаки наличія подобнаго единства? Въ фактѣ княженія Олега, Игоря, Ольги,—говорятъ намъ,—въ сборахъ дани „со всѣхъ Славянъ", и въ заключеніи извѣстныхъ договоровъ съ Греками „отъ имени всѣхъ Славянскихъ князей, подъ рукой Олега и Игоря сущихъ". Но, во-первыхъ, спрашивается, отъ всѣхъ ли Славянскихъ князей были заключены эти договоры, и во-вторыхъ, означаетъ ли „состоящіе подъ рукою", государственное подчиненіе власти Кіевскаго князя или простое риторическое выраженіе лѣтописца, какъ извѣстно, пристрастнаго не въ мѣру къ монархическому принципу, идеѣ не Славянской, а Византійской?

На первый вопросъ мы отвѣтимъ безусловно отрицательно: единства государственнаго въ тѣ времена на Руси не существовало, такъ какъ всякая волость была самостоятельнымъ государствомъ, и признаковъ такого единства въ русской исторіи не находится. По поводу же остальныхъ вопросовъ замѣтимъ, что рядомъ съ князьями, заключавшими и могущими заключать договоры съ Греками, совмѣстно съ Олегомъ и Игоремъ, несомнѣнно существовали и неучаствовавшіе въ заключеніи этихъ договоровъ, и князья и волости, а во-вторыхъ,

вышеприведенная фраза нисколько не свидѣтельствуетъ о государственной зависимости князей „подъ рукою сущихъ“, такъ какъ здѣсь могли имѣться въ виду и князья, просто платившіе Кіеву дань-контрибуцію.

Присмотримся ближе къ свидѣтельствамъ древней лѣтописи по интересующему насъ здѣсь вопросу. Начнемъ съ Новгорода, призвавшаго Рюрика; какъ лѣтопись, такъ и Скандинавскія саги не даютъ намъ никакой возможности установить фактъ распространенія княжеской власти Рюрика за предѣломъ не только волости, но даже тѣхъ городовъ, которые отведены были первоначально ему и братьямъ; и князь и мужи его могли распространять свою власть только на тотъ городъ или пригородъ, въ которомъ сидѣли, и на его непосредственную округу, не управляя даже всей Новгородской волостью.

Одинъ К. Аксаковъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ эту ограниченность княжеской власти первыхъ Рюриковичей; онъ не разъ въ своихъ трудахъ указывалъ на „самостоятельность отдѣльныхъ городовъ“ и на отсутствіе въ древней Руси единства (такъ, онъ пишетъ: въ удѣльное время не могло быть *раздѣла*, такъ какъ „цѣлаго и прежде не было; было *несоединеніе*“ [1]). Уже Аксаковъ указалъ, что рядомъ съ Олегомъ княжили князья въ другихъ самостоятельныхъ волостяхъ, не соединенныхъ и не объединенныхъ подъ властью Кіевскаго князя, разные Рогволоды, Малы и другіе. „Однимъ словомъ, — говоритъ онъ, — Русская земля не покорялась единому князю Рюрикова племени, по образовывалась изъ отдѣльныхъ городовъ и земель самостоятельныхъ, управлявшихся своими князьями точно такъ, какъ и впослѣдствіи, съ тою разницей, что князья эти вначалѣ не всѣ были Рюрикова племени“. Не было единства и позднѣе, во времена Владиміра Св., такъ какъ рядомъ съ нимъ сидѣли самостоятельные Полоцкій и Туровскій князья. Еще вѣрнѣе отмѣчаетъ это положеніе и взаимное отношеніе Славянскихъ волостей Костомаровъ въ своей статьѣ о

[1]) „Замѣчанія на лѣтопись Нестора“, стр. 505 и 511. Полное собраніе соч. К. С. Аксакова, томъ I, Москва, 1889 г.

„Федеративномъ началѣ въ древней Руси“ [1]), хотя и увлекшійся невѣрной идеей существованія „федераціи“ этихъ волостей. Костомаровъ хорошо оттѣнилъ различный характеръ подчиненія отдѣльныхъ волостей Кіеву, рядомъ съ существованіемъ и вполнѣ независимыхъ волостей.

Такъ весьма различно было отношеніе къ Кіеву, напримѣръ, Древлянъ и Сѣверянъ съ одной стороны, Угличей и Тиверцевъ, съ другой, или, наконецъ, Вятичей и Радимичей съ третьей. Зависимость въ этихъ трехъ примѣрахъ отдѣльныхъ племенъ и волостей отъ Кіева была весьма различная, постепенно уменьшаясь отъ довольно сильной, въ случаѣ съ Древлянами, до незначительной, въ примѣрѣ Вятичей и Радимичей. Кривичи же, напр., или Дреговичи были совершенно самостоятельны, такъ же какъ и Новгородцы (тѣ 300 гривенъ, которые Новгородъ платилъ Кіеву „мира дѣля“, конечно, нимало не устанавливали какой-либо государственной зависимости).

Въ связи съ этимъ вопросомъ всегда ставился прежде и другой, какова была власть Олега, былъ ли онъ „настоящимъ“ княземъ или лишь опекуномъ Игоря; въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ самый характерный случай старанія нашихъ прежнихъ историковъ установить, во-первыхъ, непоколебимость монархическаго принципа, во-вторыхъ же, непрерывность Рюрикова княжескаго рода, для чего и нужно было считать Олега опекуномъ молодого Игоря [2]). Для насъ Олегъ былъ такимъ же княземъ, предводителемъ дружины, а затѣмъ и управителемъ Кіевской волости, какъ и всякій другой Кіевскій князь, если допустить, что онъ вообще существовалъ, а не является, какъ думаетъ Костомаровъ, миѳической личностью. Какъ бы то ни было, мы не имѣемъ права говорить о владычествѣ Олега надъ

---

[1]) Книга 1, томъ I, Собр. соч. Спб., 1903 г.

[2]) Ср. академ. Шахматовъ, „Сказаніе о призваніи Варяговъ“, стр. 78, гдѣ доказаны тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ и древнему лѣтописцу необходимо было выставить Олега опекуномъ Игоря, а не самостоятельнымъ княземъ.

всей Русской землей, въ виду тѣхъ разнообразныхъ отношеній, въ которыхъ находились къ Кіеву различныя Славянскія волости; самъ лѣтописецъ говоритъ намъ: „и обладаетъ Олегъ Поляны и Древляны, Сѣверяны и Радимичи, а съ Ульци и Тивьрьци имать рать“; уже изъ этого слѣдуетъ, что отношенія первыхъ четырехъ были другія, чѣмъ послѣднихъ двухъ; но и между первыми, какъ мы видѣли, господствовали рѣзкія различія. Такимъ образомъ, не единство, а раздѣленіе на самостоятельныя государства было господствующимъ принципомъ нашей древности, принципомъ, выросшимъ изъ соціальнаго строя Славянскихъ племенъ, и потому вполнѣ соотвѣтствовавшаго общественному положенію отдѣльныхъ соціально-экономическихъ центровъ — городовъ. Русь древняя была раздѣлена на много самостоятельныхъ волостей-государствъ и дѣленіе это основано было на историческомъ процессѣ, а не явилось нововведеніемъ ни Владиміра Св., ни Ярослава, какъ то старались доказывать историки XIX столѣтія.

Походы, напр., Игоря на Древлянъ, показываютъ намъ ясно, что это было непріятельское нашествіе на Древлянскую землю, а никоимъ образомъ не послѣдствіе государственнаго единенія Древлянъ съ Полянами; результатомъ этихъ походовъ было первоначально не государственное подчиненіе первыхъ вторымъ, а лишь сборъ дани и грабежъ Игоревой дружины; только позднѣе, при Ольгѣ, были Древляне окончательно подчинены Кіевской волости. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ походахъ Игоря, и о походахъ Олега и Ольги; это былъ рядъ удачныхъ военныхъ грабежей, но не завоеванія; одни лишь Древляне были наконецъ завоеваны Ольгой, т. е. подчинены Кіевской волости. Предѣлы послѣдней даже въ княженіе Святослава не были еще обширны, какъ мы привыкли думать подъ вліяніемъ взглядовъ Карамзина; дѣти Святослава, напр., княжили только въ Кіевской волости и у Древлянъ, Полоцкъ же, Ростовъ, Новгородъ были всѣ совершенно самостоятельными волостями; по крайней мѣрѣ, ни у лѣтописца, ни въ другихъ источникахъ мы не находимъ *ни единаго ука-*

занія, изъ котораго можно бы заключить о ихъ государственной зависимости отъ Кіевской волости.

Очень характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ раздѣла Святославова наслѣдства; онъ передалъ своимъ сыновьямъ только Кіевскую и Древлянскую (Волынскую) волости, т. е. только то, что непосредственно находилось подъ властью Кіевскаго государства [1]). Новгородъ же самъ призвалъ къ себѣ третьяго его сына, Владиміра; характеренъ и отвѣтъ Новгородцамъ Святослава; „кто къ вамъ пойдетъ", спрашиваетъ онъ Новгородцевъ; уже одна эта фраза указываетъ намъ на самостоятельность Новгорода; но послы послѣдняго еще прибавили, что „аще не пойдетъ къ намъ, то мы налѣземъ князя себѣ"; не пожелалъ бы идти къ нимъ Владиміръ, Новгородцы внѣ сомнѣнія

[1]) Еще Погодинъ замѣтилъ, что у Святослава не было другихъ владѣній, кромѣ этихъ двухъ, но мысль эта, какъ у самого Погодина, такъ и у его послѣдователей, никогда не получила должнаго развитія и освѣщенія. Нѣкоторые же историки, въ томъ числѣ и Соловьевъ, прямо вооружаются противъ такого мнѣнія. Впрочемъ самъ Соловьевъ не въ состояніи строго проводить свой взглядъ, что и вызываетъ противорѣчія; такъ, устанавливая на стр. 155, I тома, единство Руси, на стр. 189 онъ принужденъ отрицать всеобъемлемость такого единства; названный авторъ не въ состояніи также объяснить, почему же собственно Святославъ не роздалъ сыновьямъ другихъ волостей, кромѣ Кіевской и Деревьской, если онъ ими дѣйствительно владѣлъ. Но мы знаемъ, что и Владиміръ не передалъ сыновьямъ своимъ всѣхъ Славянскихъ волостей; такъ, въ его наслѣдствѣ не находятся ни Переяславль, ни Черниговъ, ни волость Дреговичей; и не роздалъ онъ этихъ столовъ сыновьямъ именно и только потому, что не владѣлъ ими, не имѣлъ возможности ими распоряжаться. Факты эти вовсе не освѣщаются нашими историками, между тѣмъ значеніе ихъ огромно для даннаго вопроса. Что же касается Ярослава, то, правда, владѣя столами и Новгорода и Кіева одновременно, онъ былъ могущественнѣе своихъ предшественниковъ, власть его распространялась территоріально гораздо шире; но и онъ не владѣлъ всѣми волостями Славянъ; и его власти не были подчинены всѣ ихъ волости, такъ что и при немъ не было государственнаго единства Руси. Раздѣливъ же волости, въ которыхъ онъ княжилъ, между своими многочисленными сыновьями, онъ положилъ начало еще большему дробленію волостей, начало тому процессу, которымъ характеризуется весь послѣдующій, такъ называемый удѣльный періодъ Славянской исторіи. Сюда слѣдуетъ прибавить кромѣ того сомнѣніе въ томъ, могъ-ли вообще князь тѣхъ временъ раздавать или завѣщать столы; (см. ниже).

„налѣзли“ бы себѣ князя, какъ налѣзали раньше, призвавъ напр. Рюрика; о какой же зависимости Новгорода отъ Кіева можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ, а тѣмъ болѣе, о какомъ государственномъ единствѣ всѣхъ Славянскихъ земель? Почему, спрашивается, единая Русь не была раздѣлена между Святославичами, и Ярополкъ съ Олегомъ не получили, напр., Переяславльскаго, Черниговскаго или Полоцкаго столовъ? Да именно потому, что не во власти Святослава было распоряжаться этими столами и волостями, отъ Кіевской волости не зависѣвшими.

Повторяемъ, государственнаго единства древней Руси не было и не могло быть, а одинъ лишь фактъ сбора дани Кіевскими или какими-нибудь другими князьями съ сосѣдей, еще не устанавливаетъ государственной зависимости такихъ данью обложенныхъ земель; вѣдь нѣкоторые князья (напр., Олегъ, Святославъ) обкладывали данью и Печенѣговъ и др. степные народы; нельзя же и ихъ считать составной частью Кіевскаго государства. Не только Кривичи и Новгородцы не были подчинены Кіевской волости, но и цѣлая масса другихъ народцевъ; вспомнимъ хотя бы Дреговичей, Ростовъ и Суздальскую землю, заселенную вполнѣ самостоятельнымъ народомъ, Мерей, несомнѣнно имѣвшимъ своихъ собственныхъ князей [1]).

Какъ ни ясно это положеніе древней Руси, оно находило невѣрное освѣщеніе даже въ изслѣдованіяхъ такихъ видныхъ историковъ, какъ проф. Ключевскаго и Кавелина.

Изъ сказаннаго ясно, что для насъ не представляется возможности принять мнѣніе проф. Ключевскаго, приписывающаго въ своемъ трудѣ о боярской думѣ первымъ князьямъ стремленіе „политически объединить Русскую землю, опытъ, предпринятый вѣка за два до смерти Ярослава, но который, повидимому, оказался неудачнымъ при его преемникахъ“ [2]). По-

[1]) См. Щегловъ, Первыя страницы русской исторіи, § XVIII, Журн. М-ва Нар. Просв., 1876 года, Май мѣсяцъ.

[2]) Въ своемъ Курсѣ русской исторіи (изд. 1906 г.) проф. Ключевскій немного смягчаетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ, уже допуская, какъ основную черту нашей древности, государственную раздробленность Славянскихъ земель (въ частн. см. лекціи II и XII,

добнаго опыта первые Рюриковичи совершенно не въ силахъ были предпринять, да онъ и не соотвѣтствовалъ бы ни ихъ жизненнымъ идеаламъ, ни ихъ прямой выгодѣ. Образованіе и концентрація волостей происходили, какъ мы видѣли, помимо вліянія на этотъ процессъ княжеской власти, подъ давленіемъ общихъ экономическихъ и соціальныхъ факторовъ; роль, которую играли князья въ этомъ вопросѣ, была чрезвычайно второстепенная. Благодаря своему внѣшнему лишь отношенію къ волости, своему придаточному положенію, князья не могли оказывать какого-либо воздѣйствія на ходъ развитія общественной жизни Славянъ; она текла помимо ихъ власти и вліянія. Но, кромѣ того, и въ расчеты этихъ князей не могло входить „объединять" Славянскія земли; они довольствовались сборами дани, не будучи въ состояніи, въ большинствѣ случаевъ, устанавливать другой формы зависимости; они не управляли другими волостями, за исключеніемъ той, въ которой сами сидѣли; установленіе бо́льшей зависимости требовало и затраты бо́льшихъ военныхъ силъ и постояннаго поддержанія „покорности", что ложилось бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ на дѣятельность дружины; между тѣмъ выгодъ отъ подобной бо́льшей зависимости для князя бы не было; ихъ прямая практическая цѣль могла быть одна — сборъ дани, кормленіе себя и своей дружины за счетъ мѣстнаго населенія. Если принять во вниманіе то чрезвычайное разнообразіе взаимныхъ отношеній Кіевской волости къ ея сосѣдкамъ, гдѣ отъ полной зависимости, зависимости государственной, мы встрѣчаемъ десятки оттѣнковъ и ступеней къ отсутствію зависимости, въ случаяхъ однихъ годовыхъ сборовъ дани, скорѣе похожихъ на вымогательства и грабежи, а рядомъ съ этимъ поставить и вполнѣ самостоятельныя и независимыя волости, какъ, напр., волость Кривичей или Дреговичей, то дозволительно спросить, гдѣ же единство? Да кто изъ князей и задавался или могъ

первой части); но и въ данномъ трудѣ за князьями признается слишкомъ большая единяющая роль, по нашему глубокому убѣжденію, не отвѣчающая дѣйствительности.

задаться подобной цѣлью „объединенія“? На послѣдній вопросъ врядъ ли можно дать удовлетворительный отвѣтъ.

Никакой объединительной политики князей не существовало и не могло существовать, если только имѣть въ виду существо княжеской власти той эпохи. Она всегда была, и таковой и оставалась вплоть до Владиміра, „наѣзднической“, придаточной къ волости, и, конечно, не вносила въ общественную жизнь новаго элемента государственности; элементы эти появились и существовали въ волости помимо княжеской власти.

Еще рѣзче выступаетъ подобная конструкція у Кавелина; въ его трудахъ мы находимъ уже категорическое утвержденіе подобнаго единства Руси[1]). Во многихъ мѣстахъ, въ его изслѣдованіяхъ можно встрѣтить это мнѣніе о „первобытномъ единствѣ Руси“, временъ Олега, Игоря, Ольги, Святослава и Владиміра, но особенно оттѣняется имъ дѣятельность Ярослава, который по его словамъ „какъ чисто русскій князь задумалъ основать государственный бытъ Руси и утвердить ея политическое единство“; (спрашивается: не раздѣленіемъ ли своихъ владѣній между сыновьями устанавливалось подобное единство![2]) Какъ извѣстно, Ярославъ, раздѣливъ свои волости между сыновьями, первый нарушилъ единство даже тѣхъ владѣній, которыя непосредственно находились подъ его властью; стало быть, по отношенію къ нему меньше всего можно говорить объ установленіи единства Руси; вопросъ относительно роли Ярослава и его преемниковъ въ разбираемой эпохѣ совершенно ясенъ, и Кавелинъ является едва ли не единственнымъ авторомъ, приписывающимъ этому князю подобную объединительную дѣятельность. Что же касается предшественниковъ Ярослава, то недоразумѣніе, касательно ихъ политической власти возникло вслѣдствіе того, что изслѣдователями постоянно игнорировалось самое существо княжеской власти; если мы примемъ именно существо власти князей во вниманіе, мы въ состояніи

---

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, томъ I (Русская исторія), Спб. 1897. —

[2]) Тамъ-же. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, стр. 26.—

будемъ сразу-же убѣдиться въ томъ, что ни о какомъ государственномъ единствѣ, при томъ разнообразіи отношеній волостей различныхъ мѣстностей къ Кіевскимъ или какимъ бы то ни было другимъ князьямъ, не можетъ быть и рѣчи [1]).

Итакъ, государственнаго единства на Руси въ разсматриваемый періодъ русской исторіи не существовало; тѣмъ менѣе могли стремиться къ установленію такого единства первые князья; власть ихъ для этого была слишкомъ зависима, слишкомъ ограниченна тою средой, куда случайно занесла ихъ судьба.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы можемъ принять мнѣніе Костомарова, о существованіи на Руси федераціи. Названный авторъ вѣрно освѣтилъ ограниченность княжеской власти и его зависимое отъ вѣча положеніе; но онъ желалъ установить все-таки одно „общее" начало, единяющее всѣхъ отдѣльныхъ князей славянскихъ волостей. Какъ справедливо было указано Костомарову, для принятія его идеи федераціи, необходимо было предварительно доказать существованіе связывающихъ отдѣльныхъ князей той эпохи, договоровъ или вер-

---

[1]) Совершенно аналогичную Кавелинской ошибку дѣлаетъ и Б. Чичеринъ (см. его Опыты), также приписывая первымъ Рюриковичамъ какую-то объединительную дѣятельность. Причина ошибки и здѣсь та же; Чичеринъ не анализировалъ существа княжеской власти, не изслѣдовалъ того разнообразія отношеній, которыя существовали между Кіевомъ, напримѣръ, и сосѣдними волостями. Онъ впрочемъ идетъ даже дальше Кавелина, указывая, что дань, собираемая князьями, „означала *принадлежность* покоренныхъ земель побѣдителямъ" (стр. 65). Уже не говоря о томъ, что терминъ „принадлежность" самъ по себѣ ничего не значитъ, будучи слишкомъ неопредѣленнымъ, мы можемъ лишь повторить вышесказанное, что наложеніе дани само по себѣ вовсе еще не означало государственной зависимости и стало быть въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о правѣ собственности побѣдителя князя надъ побѣжденной волостью или землей, о которомъ говоритъ Чичеринъ; права собственности на волость у князя и дома-то не было, т. е. въ той волости, въ которой онъ княжилъ, такъ какъ положеніе его было совершенно зависимое и второстепенное, а среди „завоеванныхъ" народцевъ, т. е. тѣхъ волостей, которыя обложены были данью, правомочія его сборомъ дани и ограничивались; никакихъ другихъ „королевскихъ правъ" у князя не было и не могло быть.

ховнаго надъ ними органа, какъ неизбѣжный атрибутъ понятія федераціи. Между тѣмъ въ существованіи подобныхъ договоровъ можно сильно сомнѣваться; по крайней мѣрѣ источники намъ ихъ не сохранили ни одного; верховнаго же федеративнаго органа вовсе не имѣлось. Костомаровъ, а за нимъ и Бѣляевъ, думали найти подобный органъ, стоящій надъ властью отдѣльныхъ князей, въ положеніи великаго князя Кіевскаго. Но какъ въ настоящее время уже точно выяснено работами проф. Сергѣевича, власть великаго князя вовсе не имѣла признаковъ подобнаго юридическаго верховенства надъ прочими князьями, господствуя надъ послѣдними лишь фактически, да и то далеко не всегда; а кромѣ того, несомнѣнно существовали и вполнѣ самостоятельныя волости, отъ Кіева не зависящія, какъ, напр., Новгородъ или Полоцкъ. При существованіи верховной власти Кіевскаго великаго князя надъ всей Славянской землей невозможны были-бы случаи, подобные знаменитому рѣшенію Бѣлгородскаго вѣча, въ 997 году, о сдачѣ города Печенѣгамъ; да и въ самомъ Кіевѣ власть князя была слишкомъ зависима отъ вѣча, чтобы обладать необходимыми для Костомаровской теоріи атрибутами. Къ этой теоріи намъ, впрочемъ, придется еще разъ вернуться при изученіи второго, такъ называемаго, удѣльнаго періода русской исторіи [1]).

Итакъ въ разбираемый періодъ Славянской исторіи каждая волость была совершенно законченнымъ и самостоятельнымъ государствомъ, въ которомъ князь княжилъ въ силу договора съ народомъ; но „княженіе“ въ различныхъ волостяхъ складывалось изъ различныхъ правомочій; въ одной волости князь судилъ и управлялъ, въ другой являлся лишь ея защитникомъ, начальникомъ ея военныхъ силъ, въ третьихъ, наконецъ, лишь кормился, собирая дань съ мѣстнаго населенія, но не неся никакихъ административныхъ обязанностей.

Волость была сама по себѣ, князь же самъ по себѣ, оба

---

¹) См. ниже: III, II-ой главы.

входя во взаимныя отношенія лишь какъ самостоятельные и независимые субъекты договорнаго права. То обстоятельство, что Олегъ, Святославъ, Владиміръ и Ярославъ „княжили на пространствѣ обширной территоріи“ само по себѣ еще ничего не доказываетъ. Еще Эверсъ справедливо указалъ, что ихъ власти подчинялись далеко не всѣ славянскія волости, а тѣ, на которыя власть ихъ распространялась, зависимы были отъ нея въ весьма и весьма различной степени[1]).

Одного свидѣтельства лѣтописца о княженіи Олега или Владиміра „на всей Руси“ или о „Кіевѣ — матери русскихъ городовъ“, какъ видимъ, далеко не достаточно для признанія существованія государственнаго единства Руси тѣхъ временъ. Оно не существовало тогда, какъ не существовало и позже, вплоть до временъ возвышенія Москвы.

---

[1]) „Древнѣйшее русское право“, переводъ И. Платонова; Спб. 1835 г.; книга I, глава 6, стр. 93 и слѣд.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Второй періодъ исторіи Русскаго государства.

I.

Князь.

Колонизація русскихъ земель, равно какъ соціальный и торговый ростъ новыхъ колоній-общинъ продолжали развиваться независимо и самостоятельно отъ княжеской власти и послѣ прихода Варяговъ — Рюриковичей. Въ то время какъ земли Полянъ и Новгородцевъ уже представляли собой вполнѣ законченныя государства, сѣверныя колоніи Славянъ только начинали проявлять первые признаки государственности. Медленно, но неудержимо шло впередъ заселеніе Сѣвера; процессъ въ данномъ случаѣ былъ совершенно тождественъ тому, который вызвалъ къ жизни первыя Славянскія волости, совершенно аналогично тому, какъ возникали сначала Кіевская волость Полянъ, а затѣмъ Новгородская и другія Славянскія волости, такъ впослѣдствіи на продолженіи XI—XIII столѣтій заселялся Сѣверъ, образовывались волости заокскія и заволжскія. Но трудности и препятствія, географическія и климатическія, съ которыми встрѣчались колонисты при ихъ движеніи на Сѣверъ и Сѣверо-Востокъ, все увеличивались; дремучіе лѣса и непроходимыя болота этихъ мѣстностей предоставляли имъ мало свободнаго и подходящаго мѣста для постройки деревни и раздѣлыванія полей; приходилось путемъ огромныхъ усилій

расчищать мѣстность, выжигать лѣсъ, раскорчевывать пространства для будущихъ полей. Каждая новая колонія, выселокъ, починокъ отдѣлялись отъ села или города метрополіи огромнымъ разстояніемъ, дѣвственнымъ лѣсомъ, опаснымъ для прохода болотомъ, что неизбѣжно отрывало такую колонію отъ общественной жизни ея метрополіи; она должна была вести жизнь самостоятельную, полагаясь въ борьбѣ за существованіе лишь на собственныя силы. Такимъ образомъ невозможно было тѣсное общеніе отдѣльныхъ деревень, селъ и колоній, въ той мѣрѣ, какъ оно существовало, напримѣръ, въ Кіевской землѣ, а слѣдовательно невозможно было и образованіе государства тѣхъ же размѣровъ, какъ волость Кіевская или Полоцкая; отдѣльныя общественныя единицы были мельче, независимѣе отъ большихъ центровъ, будучи замкнуты самой природой въ тѣсный кругъ своихъ мѣстныхъ интересовъ. Если на Югѣ на помощь земледѣлію приходила торговля, а часто и успѣшно конкурировала съ нимъ, то на Сѣверѣ земледѣліе могло находить себѣ подспорье лишь въ промыслахъ, рыбномъ, бортномъ, звѣровомъ, лыкодерномъ и др. Эти своеобразности колонизаціи Сѣвера подготовляли хорошую почву для такъ называемаго удѣльнаго періода русской исторіи. Благодаря своей обособленности и тѣмъ географическимъ препятствіямъ, которыя не допускали тѣснаго общенія отдѣльныхъ колоній, каждая изъ нихъ самою жизнью замыкалась въ кругъ своихъ собственныхъ интересовъ и обособлялась отъ сосѣдокъ и метрополіи; этимъ съ большой легкостью утверждалась самостоятельность общественной жизни каждой новой колоніи; количество волостей на Сѣверѣ такимъ образомъ, съ движеніемъ колонизаціи въ глубь сѣверо-восточныхъ лѣсовъ, стало чрезвычайно увеличиваться. Но государственный характеръ такихъ новыхъ волостей ничѣмъ, кромѣ объема ихъ, не отличался отъ волостей—метрополій. Каждая изъ нихъ имѣла свою территорію, свое обособленное населеніе, со своими собственными общественными интересами; верховная-же власть находилась, такъ же какъ и въ метрополіяхъ, въ рукахъ народнаго собранія, вѣча.

Одновременно же съ этимъ колонизаторскимъ процессомъ на Сѣверѣ, шелъ другой процессъ на Югѣ и Юго-западѣ — процессъ дробленія прежнихъ большихъ волостей; параллельно съ ростомъ торговли и промышленности, росли и развивались прежніе небольшіе и второстепенные центры волости, разные пригороды, городки и села; чѣмъ больше становилась ихъ экономическая состоятельность, тѣмъ больше дѣлалась ихъ политическая самостоятельность, тѣмъ менѣе они зависѣли отъ главныхъ городовъ своей волости; этимъ процессомъ роста отдѣльныхъ поселеній подготовлялась возможность дробленія волости; разъ пригородъ могъ существовать своею самостоятельною жизнью, имѣлъ достаточно экономическаго, общественнаго и военнаго могущества, онъ могъ съ легкостью отдѣлиться отъ своей прежней метрополіи и утвердить этимъ свою государственную самостоятельность; вѣче подобнаго выросшаго пригорода, постепенно, все менѣе считалось съ волей вѣча городского, пока наконецъ не становилось вполнѣ самостоятельнымъ и не образовывало, такимъ образомъ, верховнаго органа для новой волости, для новаго государства. Если на Сѣверѣ, такимъ образомъ, процессъ образованія новыхъ волостей, болѣе мелкихъ, чѣмъ прежнія, обусловливался тяжелыми географическими и климатическими условіями, съ которыми сопряжена была колонизація новыхъ земель, на Югѣ образованіе новыхъ волостей происходило путемъ дробленія старыхъ, подъ давленіемъ все развивавшейся торговли и экономической состоятельности отдѣльныхъ пригородовъ, городковъ, селеній и т. п. На Сѣверѣ заселялись новыя земли, и образующіяся новыя государства должны были быть, въ силу естественныхъ препятствій, небольшого объема; на Югѣ дробились уже существовавшія волости, также образуя новыя меньшія государства.

И на Сѣверѣ и на Югѣ, на Сѣверо-Востокѣ и на Юго-Западѣ, другими словами, на всемъ пространствѣ славянскихъ земель, происходилъ одинъ и тотъ же процессъ мельчанія волости-государства

Но рядомъ съ этими естественными и природными побудительными причинами къ мельчанію волости, стояла и одна косвенная— непомѣрное размноженіе княжескаго рода Рюриковичей. Всякая новая колонія, всякій выросшій пригородъ или городокъ, съ легкостью могъ найти себѣ, въ средѣ многочисленныхъ Рюриковичей, кандидата на новый княжескій столъ; призывая князя, подобная новообразовавшаяся волость призывала и его дружину, а съ послѣдней она пріобрѣтала и физическую силу для своей внѣшней защиты.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ большее количество волостей находимъ мы среди славянскихъ племенъ; но внутреннее строеніе волости оставалось всегда одно и то же; князь являлся придаточнымъ органомъ, судившимъ, управлявшимъ по порученію народа, по „ряду" съ вѣчемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будучи и его военнымъ сторожемъ; вѣче, попрежнему было верховнымъ органомъ волости, верховнымъ распорядителемъ ея судьбами.

Этотъ періодъ русской исторіи, получившій совершенно неподходящее наименованіе „удѣльнаго" [1]), гораздо подробнѣе изслѣдованъ нашими историками, благодаря тому, что источники сохранили намъ гораздо больше данныхъ, гораздо подробнѣе изложенныя детали, чѣмъ о предшествовавшей эпохѣ.

Такимъ образомъ, напр., у насъ имѣется гораздо большее количество данныхъ и фактовъ, свидѣтельствующихъ о верховномъ положеніи и власти вѣча, о такъ называемыхъ „вѣчевыхъ порядкахъ" волостей удѣльнаго времени. На основаніи одного этого факта историки XIX вѣка строили свою теорію о положеніи, занимаемомъ въ нашей древности вѣчемъ; изслѣдователи Славянскаго прошлаго слишкомъ часто и настойчиво утверждали, что именно въ удѣльный періодъ возникаетъ зависимость князя отъ вѣча и огромная роль послѣдняго, основывая свою мысль,

---

[1]) Неудачность этого термина, неподходящаго подъ дѣйствительно существовавшій порядокъ вещей и не встрѣчающагося въ лѣтописяхъ, хорошо разобрана Соловьевымъ, въ его вступленіи къ „Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома". Москва, 1847.

какъ на указанномъ фактѣ бо̀льшаго количества данныхъ, сохраненныхъ намъ источниками, о господствующей роли вѣча, такъ и на отмѣченномъ выше процессѣ дробленія и мельчанія волости. Роль и значеніе вѣча однако оставались прежними; народное собраніе попрежнему являлось верховнымъ органомъ первобытнаго славянскаго государства-волости; по старому оно безконтрольно и безапеляціонно распоряжалось судьбами волости и „правило“ ею. Въ удѣльномъ періодѣ мы имѣемъ лишь продолженіе прежней эпохи, проявленіе лишь прежнихъ и старыхъ правомочій народныхъ вѣчевыхъ собраній.

Съ точки зрѣнія правовой, образованіе новыхъ волостей происходило совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ образованіе первыхъ славянскихъ волостей временъ VIII или IX столѣтій. Какъ и встарину, князь въ большинствѣ случаевъ стоялъ внѣ соціальнаго роста волости, внѣ процесса образованія новыхъ волостей, возникавшихъ съ одной стороны подъ давленіемъ все болѣе развивавшейся общественной и экономической жизни, съ другой же, какъ прямое слѣдствіе колонизаціи еще не занятыхъ Славянами земель.

Случайное обстоятельство непомѣрнаго размноженія Рюрикова рода позволило послѣднему замѣщать столы новообразующихся волостей, благодаря чему получилась нѣкоторая общая связь между отдѣльными князьями, родственное единеніе ихъ. Но этимъ нисколько не измѣнялось отношеніе князя къ волости; онъ попрежнему продолжалъ стоять внѣ процесса возникновенія новыхъ волостей, внѣ развитія общественныхъ силъ славянскихъ государствъ, лишь какъ придаточный къ нимъ элементъ. На процессъ образованія новыхъ волостей, какъ мы указали выше, вліялъ, и то косвенно, одинъ лишь фактъ большого количества свободныхъ кандидатовъ княжескаго рода. Въ остальномъ положеніе князя было прежнее; онъ являлся какъ придаточный элементъ волости, состоялъ съ послѣдней лишь въ договорныхъ отношеніяхъ. Народное собраніе, вѣче, призывало князя, рядилось съ нимъ, держало его пока онъ ему былъ угоденъ, и выпроваживало его безцеремонно въ случаяхъ

неудовольствія на него. Исключеніемъ изъ этого общаго правила былъ одинъ лишь случай завоеванія волости княземъ, когда власть послѣдняго, какъ завоевателя, водворялась силой и противъ воли народа.

Итакъ, верховнымъ органомъ волости попрежнему *оставалось* вѣче; князь же по-старому княжилъ въ волости лишь въ силу „призванія", т. е. согласія народа. Только сила могла измѣнить это основное начало; только въ случаѣ военнаго завоеванія могъ князь водвориться въ волости помимо согласія народа, не спрашиваясь его мнѣнія. Но тогда неизбѣжно возникалъ конфликтъ; народъ старался выживать подобнаго князя, въ чемъ часто и успѣвалъ; княжить насильно на долгое время было невозможно. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда за спиной князя стояли другіе князья и, стало быть, за ними была значительная военная сила, онъ предпочиталъ входить въ договорное отношеніе къ волости, а не водворяться силой, сознавая невыгодныя послѣдствія подобнаго водворенія.

Такъ въ 1169 году Мстиславъ Изяславичъ заключилъ договоръ съ Кіянами, при вступленіи на Кіевскій столъ, независимо отъ уже заключенныхъ договоровъ съ князьями родственниками. Таково же было призваніе Мономаха Кіянами въ 1113 году, внѣ семейной очереди и вопреки его собственной волѣ. Кіянами же избранъ былъ Изяславъ, а затѣмъ братъ его Ростиславъ. Въ 1212 году Ярославъ Всеволодовичъ, вступая по завѣщанію отца на Переяславскій столъ, заключилъ договоръ съ Переяславскимъ вѣчемъ и т. д. [1]). Одинаковое значеніе имѣло

---

[1]) Приводимъ главнѣйшіе случаи призванія и изгнанія князей

Случаи призванія:

1067 г. Всеслава—Полочанами,
1113 г. Мономаха—Кіянами,
1138 г. Вячеслава—Кіянами,
1139 г. Святослава—Смольнянами,
1151 г. Глѣбовича—Полочанами,
1159 г. Рогволода—Дрючанами,
1141 г. Всеволода—Звенигородцами,
1146 г. Игоря—Кіянами,

и согласіе народа на княженіе даннаго князя при завѣщательныхъ распоряженіяхъ князей; они не могли передавать княжеской власти своимъ дѣтямъ, не считаясь съ народной волей.

Роль и значеніе вѣча въ удѣльную эпоху слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы приходилось настаивать на ихъ разъясненіи. Принципъ, господствовавшій въ тѣ времена, совершенно ясенъ; „князь княжилъ съ согласія вѣча".

Мы знаемъ уже, что и Владиміръ и Ярославъ считали для себя обязательнымъ сближаться съ земщиной и вѣчемъ. Вспомнимъ хотя бы пиры Владиміра. То же самое существовало и при преемникахъ его; послѣдніе также принуждены были считаться съ волей народа; приведемъ хотя бы случай съ Изяславомъ Кіевскимъ въ 1067 году; Кіевляне, недовольные его неудачей въ войнѣ съ Половцами, прогнали его и избрали себѣ Всеволода Полоцкаго; не хотѣли они пустить къ себѣ

1146 г. Изяслава Мстиславича—Кіянами же,
1154 г. Изяслава Давыдовича,—Кіянами же,
1131 г. Василька Святославича—Полочанами,
1175 г. Ростислава—Смольнянами,
1175 г. Володаря—Галичанами,
1175 г. Ярополка—Владимірцами,
1176 г. Михалко—Суздальцами,

Случаи изгнанія:

1095 г. Олега—Смольнянами,
1151 г. Юрія—Бѣлгородцами,
1068 г. Изяслава—Кіянами,
1128 г. Давыда—Полочанами,
1131 г. Святополка Мстиславовича—Полочанами же,
1146 г. Игоря—Кіянами,
(въ 1147 году Игорь былъ убитъ Кіянами),
1151 г. Рогволода—Полочанами,
1159 г. Глѣба—Дрючанами,
1159 г. Ростислава—Полочанами,
1175 г. Ярополка—Смольнянами,
1175 г. Олега—Галичанами.
1175 г. Андрея Боголюбскаго—Суздальцами, Ростовцами и Владимірцами.

Кромѣ того можно упомянуть о вѣчахъ, „своевольно" поступавшихъ по отношенію къ князьямъ: 1067, Кіевское, 1097, Кіевское же, 1097, Владимірское, 1139, Черниговское, 1177, Владимірское, 1185, Смоленское, 1186, Полоцкое, 1177, Рязанское.

того же Изяслава и тогда, когда онъ вернулся къ нимъ съ большимъ польскимъ войскомъ. Другой аналогичный примѣръ мы имѣемъ въ переходѣ Черниговскаго вѣча въ 1078 году на сторону Олега Святославича, прогнавъ отъ себя Всеволода Ярославича. При такой обстановкѣ прямая выгода князя заключалась въ поддержаніи хорошихъ отношеній съ вѣчемъ, съ народомъ данной волости. За правомъ избранія князей, должно было слѣдовать неизбѣжно и право контроля надъ княжеской дѣятельностью; вѣче должно было быть знакомо съ общимъ направленіемъ управленія и суда даннаго князя; когда управленіе князя ему не нравилось, вѣче выживало его и искало себѣ новаго; иногда даже оно судило князя, какъ то было, напр., въ Ростово-Суздальской волости послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, когда Ростиславичи, избранные и призванные вѣчемъ, стали плохо управлять и были за то изгнаны и замѣнены Михаиломъ Юрьевичемъ, или, напр., въ Галицкой волости, когда въ 1173 году вѣче разбирало споръ Ярослава Осмомысла съ его женой, сожгло на площади его любовницу и заточило сына послѣдней Олега въ тюрьму. То же самое произошло въ 1151 году и въ Минскѣ, гдѣ Рогволодъ былъ заточенъ въ тюрьму и замѣненъ Святославомъ Черниговскимъ [1]).

Но лучшимъ примѣромъ въ этой области фактовъ является война Всеволода противъ Рязани [2]). Рязанцы долго упорствовали и, несмотря на многіе походы Всеволода, не желали считаться съ его волей; они также не поладили съ сыномъ его, Ярославомъ, посаженнымъ въ Рязани насильно, въ 1207 году, послѣ чего Рязанцы вновь подверглись грабежу и насилію Всеволодовой дружины, которая увела даже съ собой во Владиміръ мужей города Рязани. Даже послѣ этого, послѣ

---

[1]) Проф. Сергѣевичъ. „Рус. Юридич. Древности", томъ II, книга 3 и 4; И. Бѣляевъ, Разсказы, книга 1, его же „Судьбы земщины", стр. 38 и слѣд.; Соловьевъ, „Исторія России", томъ II; Ключевскій, „Боярская дума, глава II; Костомаровъ, „Начало единодержавія въ древней Руси„ стр. 28.

[2]) Ср. Бѣляевъ, Разсказы, книга I, стр. 331 и проф. Сергѣевичъ, „Рус. Юрид. Древности", томъ II, стр. 29 и 30.

того какъ Рязанцы уже много разъ подвергались грабежамъ, пожарамъ, опустошенію ихъ волости, они все-таки не смирились и Всеволоду такъ-таки и не удалось утвердить своей власти въ этой волости. Здѣсь мы имѣемъ уже прямое слѣдствіе несогласія народа на княженіе даннаго князя.

Итакъ, намъ приходится еще разъ отмѣтить зависимость князя отъ народной воли. Подобная зависимость, не являясь чѣмъ-либо новымъ, а лишь продолженіемъ прежняго порядка вещей, ярко освѣщаетъ намъ то внѣшнее, придаточное положеніе, которое князь все еще занималъ въ волости. Соціальная жизнь, процессъ общественнаго развитія волости, шли попрежнему помимо князя, зачастую оставляя его совершенно въ сторонѣ. Колонизація дѣлала все большіе успѣхи, деревни выростали въ села, села въ пригороды, пригороды все чаще завоевывали себѣ самостоятельность, становясь сами независимыми городами, центрами новыхъ волостей; торговля, промышленность, экономическая состоятельность, сношенія съ иностранными землями и государствами съ теченіемъ времени росли и развивались, а за ними росла и усложнялась и общественная жизнь. На ходъ подобнаго естественнаго процесса княжеская власть почти не могла вліять; у ней не было къ тому ни средствъ, ни желанія. Какъ на Сѣверѣ колонизація, такъ на Югѣ торговый и промышленный ростъ волости оставались безъ прямого участія князя; послѣдній появлялся какъ бы дополненіемъ и слѣдствіемъ уже образовавшихся новыхъ государственныхъ единицъ, новыхъ волостей. У князя не было, напр., никакихъ средствъ увлекать народъ къ дальнѣйшей колонизаціи, или способствовать росту села въ пригородъ или развитію пригорода въ самостоятельный городъ; подобный процессъ развитія общественной жизни шелъ впередъ своимъ собственнымъ, естественнымъ ходомъ, находясь внѣ вліянія княжеской власти.

Правда, исторія этого періода знаетъ нѣсколько примѣровъ сильныхъ личностей между князьями; вспомнимъ хотя бы Мономаха, Андрея Боголюбскаго, Всеволода Большое Гнѣздо. Но

они были, во-первыхъ, рѣдкими исключеніями въ средѣ прочихъ Рюриковичей, во-вторыхъ же, созданія ихъ рукъ оказывались жизненными лишь тогда, когда отвѣчали естественному ходу развитія славянской общественности и государственности; въ противномъ случаѣ результаты ихъ дѣятельности распадались въ прахъ въ моментъ ихъ исчезновенія со сцены общественной дѣятельности.

Но характернѣе всего выступаетъ эта дополнительная и второстепенная роль князя въ самостоятельности внутренней жизни волости, въ развитіи ея самоуправленія и независимости отдѣльныхъ общинъ, входящихъ въ ея составъ.

Самоуправленіе общинъ волости было попрежнему развито до полной самостоятельности въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и продолжало развиваться совершенно независимо отъ княжеской власти; отношеніе князя къ общинамъ выражалось только въ вопросахъ финансовомъ и денежныхъ повинностей.

Ни въ область самоуправленія, ни въ отношенія общинъ къ волости, селъ и пригородовъ къ городу, князь не вмѣшивался и не могъ вмѣшиваться; въ обоихъ случаяхъ господствовала полнѣйшая самостоятельность. Каждая община, село ли, деревня, простой ли починокъ или уже большой пригородъ, или даже самъ городъ, каждая община жила своею независимою общественною жизнью, завѣдывая своими мѣстными интересами вполнѣ самостоятельно. Такъ же независимо отъ князя складывались и взаимныя отношенія отдѣльныхъ общинъ и общинъ къ волости, т. е. вся внутренняя, соціальная структура волости; каждая община волости, каждая составная часть этого маленькаго государства продолжала попрежнему „тянуть водой и землей“ къ городу, и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ; городъ по-старому являлся центромъ общественной и экономической жизни волости, вокругъ котораго концентрировалась вся соціальная жизнь. Но разъ естественный ходъ развитія волости выдвигалъ посреди нея новый центръ, благодаря росту какого-нибудь пригорода, послѣдній образовывалъ новую государственную единицу, новую

волость, отдѣляясь и обособляясь отъ прежней своей метрополіи.

Подобный процессъ усложненія общественной жизни долженъ былъ расти и развиваться помимо князя; князь являлся лишь органомъ волостного управленія и притомъ органомъ зависимымъ. Построеніе это измѣняетъ, конечно, взглядъ на княжескую власть, въ сравненіи съ ученіями прошлаго столѣтія. Такъ, по теоріи Соловьева, напр., нашедшей себѣ самое рельефное выраженіе въ его „Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ (1847 года), образованіе новыхъ волостей происходило лишь однимъ путемъ — раздачей городовъ и пригородовъ отцомъ-княземъ своимъ сыновьямъ, вслѣдствіе чего каждая часть отцовскаго владѣнія становилась самостоятельной волостью, удѣломъ князя-сына. Но это и есть собственно созданіе „удѣловъ“, а не волостей, понятіе, противъ котораго такъ рѣзко возставалъ самъ Соловьевъ. Если принять во вниманіе вышеуказанный процессъ соціальнаго и колонизаціоннаго развитія волостей, то „раздача“ владѣній отцомъ своимъ сыновьямъ выступитъ совсѣмъ не произвольнымъ дѣленіемъ и удѣленіемъ волости. Князь, во-первыхъ, долженъ былъ считаться съ фактомъ экономическаго и соціальнаго роста отдѣльныхъ городскихъ центровъ [1]), а во-вторыхъ, онъ никогда не „раздавалъ“ своихъ владѣній, такъ какъ, какъ мы уже знаемъ, князья „призывались“, а не „сажались“; для княженія требовалось, слѣдовательно, чтобы городской центръ былъ бы уже достаточно великъ и самостоятеленъ для роли „города“, и чтобы народъ или вѣче этого города согласны были на княженіе даннаго князя. По свидѣтельству лѣтописца,

---

[1]) Уже Пассекъ въ своихъ трудахъ указывалъ на эту мысль, что раздробленіе волостей и дѣленіе княжескихъ „владѣній“ имѣло своей побудительной причиной не столько дѣятельность князей, сколько процессъ обособленія городскихъ центровъ, подъ давленіемъ экономическихъ и соціальныхъ факторовъ. Но, какъ и у Костомарова, принимающаго положенія Пассека, такъ и у послѣдняго, мысль эта не оттѣняется въ достаточной мѣрѣ; оба автора еще связаны остатками прежнихъ ученій о монархическомъ принципѣ нашей древности.

въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ князь не „сажался" на столъ, а долженъ былъ его „добывать" себѣ, при чемъ воля или завѣщательныя распоряженія князя-отца играли весьма второстепенную роль [1]).

То обстоятельство, что въ разсматриваемый періодъ было такое большое количество кандидатовъ на княжескіе столы одного и того же рода Рюриковичей, служило не въ пользу отдѣльныхъ князей; благодаря ему у городовъ и новообразующихся волостей была лучшая возможность выбора и „призыва" князей; не шелъ одинъ князь или не нравился народу, легко можно было подыскать новаго кандидата. Этимъ особенно сильно выдвигалась роль, играемая, въ фактѣ призванія, вѣчемъ, роль уже отмѣченная исторической литературой, выставляемая ею обыкновенно какъ своеволіе, противленіе княжеской власти и т. п., между тѣмъ какъ на дѣлѣ мы имѣемъ здѣсь лишь осуществленіе исконнаго права, выросшаго изъ самой жизни.

Изъ такого факта наличія многихъ кандидатовъ на княжескіе столы и все растущей, благодаря ему, конкуренціи

---

[1]) Главное различіе нашего взгляда на положеніе княжеской власти этого періода русской исторіи, отъ теоріи почти безраздѣльно господствовавшей въ нашей исторической литературѣ XIX вѣка, заключается, слѣдовательно, въ томъ, что, тогда какъ старая школа, съ Соловьевымъ и Бѣляевымъ во главѣ, утверждала, что именно въ данную эпоху „возникла" зависимость князя отъ вѣча, вслѣдствіе чего княжеская власть „пала", умалилась въ удѣльное время, земщина же „непомѣрно" усилилась въ своей независимости, мы утверждаемъ, что вѣче сохраняло свое *прежнее* положеніе, свои *старыя, исторически развившіяся правомочія* по отношенію ко княжеской власти; вслѣдствіе этого мы не можемъ говорить о „паденіи власти" удѣльныхъ князей, остававшихся въ прежнемъ положеніи *зависимыхъ отъ вѣча органовъ* древне-славянскаго государства-волости. Профессоръ Загоскинъ, въ недавно начатомъ изданіемъ „Курсѣ исторіи русскаго права" (стр. 135), намѣчаетъ уже „генетическую связь удѣльнаго періода съ общественными распорядками, господствовавшими у восточныхъ Славянъ еще до образованія русскаго государства" но мысль эта, по нашему крайнему разумѣнію, не достаточно выпукла у названнаго автора, а скорѣе только лишь намѣчается (Ученыя записки Казанскаго университета, Сентябрь 1906 года, годъ LXXIII, книга 9).

между князьями проистекало стремленіе уже сидѣвшаго въ волости князя лучше обезпечить себѣ и своимъ ближайшимъ наслѣдникамъ возможность продолженія княженія; для этого князю надо было входить въ болѣе близкія отношенія къ земщинѣ, обезпечивать себѣ благоволеніе вѣча; при внукахъ и правнукахъ Ярослава мы дѣйствительно замѣчаемъ подобное явленіе; если и прежде, какъ намъ уже пришлось отмѣтить, князья заискивали у земщины, и между ними находились даже такіе на видъ могущественные князья, какъ Владиміръ Красное Солнышко, то теперь это явленіе должно было пріобрѣсти еще большее значеніе, и дѣйствительно, по свидѣтельству лѣтописца, князья старались больше прежняго обезпечивать себѣ благоволеніе жителей той волости, гдѣ судьба довела имъ княжить.

Съ другой стороны, и народу было пріятнѣе имѣть у себя уже извѣстнаго населенію князя, чѣмъ призывать новаго, который могъ бы оказаться дурнымъ правителемъ. Подобное положеніе дѣлъ вело къ установленію нѣкоторой новой, пока еще некрѣпкой, связи между княземъ и волостью. Здѣсь, стало быть, мы имѣемъ первый признакъ стремленія князя къ осѣдлости, одну изъ первыхъ причинъ, заставившихъ его отказаться отъ прежней свободы передвиженія и кочевой жизни.

Такова исторія въ частности Галицкихъ и Суздальскихъ князей, желавшихъ связать свой родъ съ названными волостями.

То же можно замѣтить и относительно князей Черниговскихъ, желавшихъ удержать за собой Черниговскую волость и послѣ того, какъ они заняли Кіевскій столъ [1]).

Но это явленіе въ свою очередь влекло за собой неожиданное слѣдствіе; стремленіе волости удержать у себя семью даннаго князя и выгодность для князя закрѣпленія за собой

---

[1]) Напр., Всеволодъ Ольговичъ и Изяславъ Мстиславичъ. Въ особенности послѣдній изъ названныхъ двухъ князей чаще другихъ обращался за совѣтомъ и помощью къ земщинѣ и старался всѣми силами жить въ ладу съ народомъ.

даннаго стола, начали понемногу втягивать волость въ участіе въ княжескихъ усобицахъ; прежде споры между князьями, разъ они не касались интересовъ волости, разрѣшались наличными силами самихъ князей; теперь же въ подобные споры были замѣшаны уже и интересы волости; разъ послѣдняя заинтересована была удерживать у себя данную княжескую семью, ей необходимо было защищать ее отъ посягательствъ другихъ князей, т. е. нести такія обязательства, которыя прежде лежали исключительно на самихъ князьяхъ.

Намъ придется ниже вернуться къ болѣе подробному разсмотрѣнію вопроса объ участіи земщины въ княжескихъ войнахъ, отмѣтимъ здѣсь лишь фактъ увеличенія числа случаевъ такого участія; тогда какъ прежде подобное участіе земщины вызывалось лишь однимъ обстоятельствомъ — войной, которую вела волость для собственной ли защиты или въ цѣляхъ завоевательныхъ, теперь прибавилось новое — участіе волости и въ княжескихъ спорахъ, даже тогда, когда они носили чисто личный характеръ; таковы, напр., войны Юрія Суздальскаго, Ростислава Смоленскаго и Ярополка, или Игоря и Святослава Ольговичей.

Итакъ, въ только что разобранныхъ фактахъ мы имѣемъ первыя черты новыхъ связей, первое появленіе новыхъ отношеній князя къ волости. Но, конечно, общая картина взаимныхъ отношеній князя и волости не сразу измѣнилась; они продолжали еще стоять другъ противъ друга, какъ двѣ самостоятельныя договаривающіяся стороны.

Вѣче попрежнему оставалось верховнымъ органомъ волости, общественное развитіе которой по старому шло помимо князя.

Что же касается административныхъ и судебныхъ отраслей волостного управленія, то интересы самоуправлявшихся общинъ такъ же по-старому находились въ рукахъ выборныхъ сотскихъ, старостъ, судей; тѣ же отрасли управленія, которыя подлежали компетенціи центральной власти, въ лицѣ князя, завѣдывались или имъ непосредственно, какъ, напр., въ слу-

чаяхъ наиболѣе важныхъ судебныхъ разбирательствъ по дѣламъ убійства, разбоя и т. п., или его представителями, княжескими тіунами, воеводами, боярами и др. „мужами".

То же самое можно сказать и о военномъ управленіи; и тутъ мы видимъ существованіе параллельныхъ органовъ земщины и представителей княжеской власти; такъ, рядомъ съ земскимъ тысяцкимъ стоялъ княжескій воевода или бояринъ и, тогда какъ первый начальствовалъ надъ земской ратью, второй предводительствовалъ въ княжеской дружинѣ.

Компетенція этихъ различныхъ органовъ была чрезвычайно тѣсно переплетена, такъ что съ трудомъ можно провести между ними границы различія; легче всего разграничивать компетенцію отдѣльныхъ административныхъ органовъ въ вопросахъ финансоваго обложенія; такъ, княжескій тіунъ собиралъ денежныя повинности отъ имени князя, въ его казну, одновременно кормясь этими же сборами; представитель же волостного управленія собиралъ подати въ пользу города или земскаго войска, а сельскій староста завѣдывалъ сборомъ сельскихъ общественныхъ суммъ. Но надо замѣтить, что, хотя каждый изъ этихъ органовъ отвѣчалъ передъ посылавшимъ его, передъ представляемою имъ властью, общій надзоръ за сборомъ всѣхъ денежныхъ повинностей оставался все-таки за земщиной, т. е. за самимъ народомъ, что слѣдуетъ изъ того факта, что при всякомъ сборѣ, кѣмъ бы онъ ни производился, всегда присутствовалъ выборный представитель общины, въ средѣ которой происходилъ данный сборъ. Кромѣ того, самая раскладка повинности между членами всякой общины производилась самой общиной.

Подобный порядокъ взиманія налоговъ и податей можетъ служить намъ лишнимъ свидѣтельствомъ той самостоятельности общественной жизни, о которой мы говорили выше; князь княжилъ, судилъ, управлялъ, собиралъ подати, но всѣ эти функціи не затрогивали внутренней жизни общины, ея соціальной структуры, развивавшихся помимо вліянія княжеской власти.

Жизнь земщины, общественное бытіе волости, текли своимъ чередомъ, княжеская власть развивалась своей дорогой, приходя въ соприкосновеніе пока лишь внѣшнимъ образомъ. Если и встрѣчаются въ данномъ періодѣ нѣкоторыя сильныя личности на княжескомъ престолѣ, то роль, играемая ими въ волости, была всегда преходящая, временная; руководительство земской жизнью, вліяніе на рѣшенія народныхъ собраній, распоряженія интересами волости помимо согласія вѣча, несомнѣнно встрѣчавшіяся и въ разбираемой эпохѣ, должны быть разсматриваемы какъ исключенія, вызываемыя какой-нибудь особой причиной, чаще всего значительной военной силой князя, въ тѣхъ случаяхъ, напр., когда онъ являлся въ волости завоевателемъ. Общимъ же правиломъ князь оставался зависимымъ отъ воли народной и верховнаго органа волости — вѣча; только въ согласіи съ земщиной могъ онъ находить миръ своему княженію, только благоволеніе народа могло обезпечивать столъ его наслѣдникамъ [1]).

Компетенція князя въ разбираемый второй періодъ исторіи русской государственности въ общихъ своихъ чертахъ схожа съ компетенціей княжеской власти конца перваго періода [2]). Но развиваясь и разростаясь, она должна была понемногу выходить изъ прежнихъ узкихъ рамокъ; такъ, все большее количество дѣлъ и болѣе обширный кругъ людей подчинялись компетенціи княжескаго суда; такъ-же должна была расширяться

[1]) Здѣсь необходимо сдѣлать одно замѣчаніе. Наша точка зрѣнія не даетъ возможности признавать за терминами „смута" и „междоусобіе" того значенія, которое имъ приписывало большинство историковъ прошлаго вѣка, подразумѣвая ими „возмущеніе, противленіе княжеской власти", или „непокорное и своевольное" отношеніе народа или вѣча ко князю, въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ либо вѣче предпринималъ что-нибудь противъ княжеской воли. Въ подобныхъ примѣрахъ „противленія" князю мы имѣемъ не „непокорность и своеволіе", а лишь осуществленіе вѣчемъ своего исторически установившагося права. „Преклоненіе" вѣча передъ княземъ было вызываемо всегда насиліемъ послѣдняго, такъ какъ *нормальныя* отношенія были построены, какъ мы видѣли, на обратномъ началѣ, на зависимости князя отъ вѣча, а не наоборотъ.

[2]) См. выше: VI, I главы.

и его административная компетенція; но, въ общемъ, съ юридической точки зрѣнія, характеръ княжеской власти въ этихъ областяхъ оставался прежній; она разросталась только количественно; только въ одной области получила княжеская власть новыя функціи, измѣнившія ея правовое положеніе; мы имѣемъ въ виду область законодательную; прежде ея не существовало; правовая жизнь древнихъ Славянъ нормировалась исключительно обычнымъ правомъ; теперь-же съ развитіемъ общественной жизни, съ ростомъ государственности, пришедшемъ ко вполнѣ опредѣленнымъ формамъ, возникла потребность и въ болѣе опредѣленныхъ правовыхъ нормахъ, чѣмъ то могло дать право обычное; отсюда — появленіе законовъ; князь, какъ одинъ изъ высшихъ органовъ государства - волости, и притомъ, органъ постоянный, а не періодическій, долженъ былъ неизбѣжно получить участіе въ осуществленіи законодательной власти; и дѣйствительно, мы видимъ, теперь князья начинаютъ играть выдающуюся, если не главенствующую, роль въ созданіи законодательныхъ актовъ, принадлежащихъ разбираемой эпохѣ; возьмемъ для примѣра Русскую Правду; если въ первоначальномъ своемъ видѣ она представляла собой лишь кодификацію обычнаго права, то наоборотъ въ удѣльное время она является уже какъ законодательный актъ, вводящій въ жизнь *новыя* правовыя нормы, многія изъ которыхъ уже не кодифицированы, а *созданы* князьями (ср. напр. „Уставъ вел. князя Владиміра Всеволодовича Мономаха“ [1]).

Интересно отмѣтить здѣсь, что Русская Правда, этотъ первый русскій законодательный сборникъ, отразила на себѣ не только Славянское обычное право, но и Византійское право, черезъ посредство церковнаго законодательства [2]); князья при составленіи правды являлись, такимъ образомъ, прежде въ боль-

---

[1]) См. проф. Н. Загоскинъ, „Курсъ исторіи русскаго права“, стр. 303 и слѣд. въ октябрьской книжкѣ ученыхъ записокъ Казанскаго университета, 1906 года (годъ LXXIII).

[2]) Ср. проф. Ключевскій, „Курсъ русской исторіи“, Москва 1906 года часть 1, стр. 260 и 268—270.

шинствѣ случаевъ кодификаторами, собирателями нормъ обычнаго права и только съ теченіемъ времени получили они возможность создавать новыя нормы. Совершенно аналогичное явленіе встрѣчаемъ мы и въ области церковнаго законодательства; и тамъ основой было обычное право, развивавшееся на почвѣ Византійскихъ правовыхъ понятій, но и тамъ постепенно стала выдѣляться дѣятельность князей, какъ законодателей, т. е. созидателей новыхъ правовыхъ нормъ. Такимъ образомъ рядомъ съ прежними функціями князя, военной защитой волости, завѣдываніемъ финансовыми повинностями ея, а равно судомъ и администраціей, теперь стала новая—осуществленіе законодательной власти, выросшая изъ потребности болѣе сложнаго соціальнаго строя въ болѣе опредѣленныхъ правовыхъ нормахъ[1]).

II.

Дружина.

Если отношеніе вѣча ко князю и послѣдняго къ волости оставались въ общемъ прежними, то, наоборотъ, въ положеніи княжеской дружины и совѣтниковъ князя произошли нѣкоторыя важныя измѣненія. Дѣло въ томъ, что постепенно и незамѣтно, шагъ за шагомъ, жизнь сближала княжескую дружину съ населеніемъ волости. Здѣсь еще не было, конечно, признаковъ какого-либо крѣпкаго единенія, но не существовало и прежней разрозненности; эти два элемента не стояли больше какъ два противуположныхъ, иногда и враждебныхъ другъ другу контрагента.

[1]) Интересно привести здѣсь, въ параллель со сказаннымъ, мнѣніе Калачова, о компетенціи княжеской власти. Князья, согласно назв. автору, во первыхъ, „водворяли христіанство“, во вторыхъ, „установляли стольные города, какъ новые центры областного управленія“ и въ третьихъ, „распоряжались объ общей пользѣ управляемой страны“.

Проистекало подобное сближеніе главнымъ образомъ изъ-за той перемѣны состава дружины, которую мы отмѣтили выше; первоначальную княжескую дружину составляли преимущественно варяжскіе наемники, число которыхъ дополняла славянская вольница; безразлично при этомъ, были ли эти варяжскіе дружинники ближайшими сотрудниками князя, можетъ быть, пришедшіе съ нимъ одновременно, или нанятые имъ позднѣе; вспомнимъ хотя-бы Новгородскій варяжскій гарнизонъ; рядомъ съ ними городу служили и собственные славянскіе „молодцы", та молодежь, которой юная кровь не давала возможности сидѣть дома.

Но, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ росло первобытное славянское государство, какъ росла торговля, а за ней развивалась и общественная жизнь волости, увеличивалась и нужда послѣдней въ бо̀льшемъ войскѣ; варяжскія дружины оказывались недостаточными; къ тому же элементъ этотъ былъ не изъ особенно надежныхъ; Варяги, свободолюбивые, жадные къ наживѣ, предпріимчивые воители, не любили долго оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ; какъ скоро князь „обсиживался" въ волости, обживался и укрѣплялся, его варяжская дружина начинала поговаривать о новыхъ походахъ, а если князю походы не были выгодны, то подумывала объ уходѣ и жизни „за собственный счетъ", другими словами подумывала объ *отъѣздѣ*.

Такимъ образомъ, мы видимъ нѣкоторое столкновеніе интересовъ; тогда какъ князю было выгоднѣе укрѣпляться въ одной какой нибудь волости, варяжской дружинѣ всегда казалось болѣе заманчивымъ находиться въ движеніе, проводить жизнь въ постоянныхъ походахъ. Изъ этого столкновенія интересовъ должно было проистекать одно важное слѣдствіе—предпочтеніе князьями славянскихъ элементовъ въ дружинѣ своимъ прежнимъ соратникамъ, варяжскимъ дружинникамъ. Славянскіе молодцы, благодаря своему племенному единству, легче обживались съ мѣстнымъ населеніемъ волости; способствовало тому же и то обстоятельство, что по природѣ своей варяжскіе дру-

жинники были элементомъ весьма безпокойнымъ и далеко не мирнымъ [1]). Все это должно было способствовать предпочтенію князьями славянскаго элемента варяжскому, при составленіи своихъ дружинъ. И дѣйствительно, въ теченіе XI и XII столѣтій мы замѣчаемъ постепенную замѣну варяжскихъ дружинниковъ славянской вольницей; первые понемногу исчезаютъ изъ состава княжескихъ дружинъ. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и можно еще встрѣтить примѣры участія въ княжескихъ походахъ варяжскихъ наемниковъ, но роль, играемая ими, была уже далеко не прежняя; они уже не являлись ближайшими совѣтниками князя, его соратниками съ малолѣтства, а лишь особымъ полкомъ наемниковъ, находившимся подъ начальствомъ княжескихъ мужей и бывшимъ простымъ вспомогательнымъ отрядомъ въ княжескомъ войскѣ.

Еще въ первый періодъ исторіи русской государственности, начиная съ того времени, когда ростъ волости и ея торговыхъ и общественныхъ интересовъ вызвалъ, отмѣченное выше, увеличеніе княжеской дружины и усиленіе средствъ военной защиты волости, уже тогда сталъ проявляться въ средѣ дружины процессъ нѣкоторой дифференціаціи, дѣленія на дружину старшую и младшую. Подобное явленіе ранѣе было невозможно. Въ немногочисленной кучкѣ соратниковъ нашихъ первыхъ князей всѣ были равны; самъ князь былъ только primus inter pares, отличаясь только личными качествами и заслугами. Позднѣе, когда дружина стала увеличиваться, пополняясь славянской вольницей, начала замѣчаться и указанная дифференціація ея состава, стало проводиться дѣленіе между старшими, старыми, заслуженными дружинниками, и новопринимаемою молодежью; первыхъ лѣтописецъ называетъ „мужами", „боярами", „думцами" (совѣтниками князя), вторыхъ же „боярцами", „боярами молодыми", „отроками"; это дѣленіе на „мужей" и остальную дружину хорошо извѣстно нашимъ древнимъ памятникамъ,

---

[1]) Вспомнимъ хотя бы Варяговъ, изгнанныхъ изъ Кіева Ярославомъ за ихъ „безпокойный духъ".

лѣтописямъ, Слову о полку Игоревѣ и др.; о немъ-же свидѣтельствуетъ и случай, имѣвшій мѣсто при Владимірѣ Мстиславичѣ, „пригрозившемъ своимъ несговорчивымъ боярамъ возвести въ званіе бояръ своихъ отроковъ, людей младшей дружины“ [1]).

Съ соціальной точки зрѣнія мы имѣемъ здѣсь характерный примѣръ образованія новаго общественнаго класса; варяжская дружина, горсть соратниковъ князя, постепенно преобразовывалась въ классъ „бояръ“, выдѣляясь изъ среды мѣстнаго населенія своимъ особымъ положеніемъ и привилегіями; продолжая расти и развиваться, этотъ классъ сталъ самъ диффеpенцироваться, образуя въ своей средѣ новыя наслоенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, неизбѣжно должно было мѣняться и положеніе дружины среди прочаго населенія. Прежняя оторванность или обособленность была теперь уже невозможна. Уже самый фактъ увеличенія славянскаго элемента дружины, за счетъ чужеземцевъ-Варяговъ, облегчалъ общеніе дружины съ волостнымъ населеніемъ. Славянской вольницѣ легче было сходиться съ прочими классами, чѣмъ Варягамъ, выходцамъ чужой страны; первымъ требовалось скорѣе *сохраненіе* ихъ связей съ народомъ, тогда какъ вторымъ нужно было *созданіе* этихъ связей. Одно это обстоятельство должно было сближать дружину съ народомъ. Но рядомъ съ нимъ существовали другіе поводы къ сближенію. Чѣмъ больше росла дружина, пополняясь мѣстными „молодцами“, тѣмъ больше было данныхъ къ такому сближенію; каждый новый членъ дружины приносилъ съ собой отношенія своей семьи, родичей и родственниковъ.

Въ томъ-же направленіи вліяло другое обстоятельство; сближенію дружины съ мѣстнымъ населеніемъ способствовало увеличеніе числа должностныхъ лицъ, назначаемыхъ княземъ изъ среды его дружинниковъ; чѣмъ шире распространялась территорія волости, чѣмъ значительнѣе становилась ея торговля, чѣмъ интенсивнѣе дѣлалась общественная жизнь, тѣмъ большая

---

[1]) Ключевскій, „Боярская дума“, стр. 53.

была потребность въ новыхъ должностныхъ лицахъ, бо́льшая нужда въ болѣе сложной системѣ администраціи, въ большей дифференціаціи отдѣльныхъ отраслей мѣстнаго управленія. Князю, съ теченіемъ времени, приходилось замѣщать гораздо большее количество должностей, назначать большее число судей, тіуновъ и управителей; а такъ какъ таковые брались имъ изъ дружины, то послѣдней давалась этимъ самымъ большая возможность, черезъ посредство такихъ представителей, входить въ соприкосновеніе съ мѣстнымъ населеніемъ.

Незамѣтно выростали, такимъ образомъ, соціальныя связи между этими прежде разрозненными общественными элементами, дружиной и народомъ-земщиной, подготовляя почву болѣе тѣсному общенію княжескихъ бояръ съ мѣстнымъ населеніемъ, общенію, которое ранѣе было совершенно невозможно.

Затѣмъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ новомъ явленіи разбираемаго историческаго періода, именно объ участіи въ княжескихъ предпріятіяхъ земскаго войска, о помощи, оказываемой князю со стороны земщины, напр., въ княжескихъ усобицахъ.

Съ теченіемъ времени, когда Рюриковъ родъ уже обжился среди славянскихъ волостей, примѣры участія земскаго войска въ княжескихъ предпріятіяхъ встрѣчаются гораздо чаще. Земщина неизбѣжно стала втягиваться въ княжескія которы, т. е. въ такую область, которая прежде была вовсе чужда интересамъ земщины. Вслѣдствіе этого земское войско все чаще выступаетъ на войну на ряду съ дружиной, а это въ свою очередь должно было сближать послѣднюю съ первымъ. Если же мы вспомнимъ, что земское войско представляло собой, собственно говоря, саму земщину, т. е. все населеніе волости, вооружившееся ad hoc, то яснымъ станетъ, что подобный фактъ сближенія его съ дружиной сближалъ послѣднюю и со всѣмъ народомъ.

Земское войско выступало на войну, когда затронуты были общеволостные интересы, когда, слѣдовательно, на войну поднималась сама волость; но, конечно, различные случаи требовали

и различныхъ силъ; такъ могла возникать потребность въ незначительной лишь помощи князю, когда на войну шелъ одинъ городъ, можетъ быть, даже одинъ какой-нибудь пригородъ, но могли быть случаи, когда опасность угрожала всей волости и тогда все ея населеніе поднималось поголовно, какъ то бывало, напр., въ южныхъ волостяхъ, при нападеніи какихъ-нибудь Печенѣговъ, Торковъ или Половцевъ; въ такихъ случаяхъ въ земскомъ войскѣ участвовало все населеніе волости, какъ городское, такъ и сельское [1]); и первое, и второе, и горожане, и сельчане, въ равной мѣрѣ были заинтересованы и въ равной же мѣрѣ, слѣдовательно, должны были нести и тяготы военнаго похода.

При такихъ походахъ сближеніе дружины съ земщиной получало новыя возможности для своего укрѣпленія.

Но и предварительныя дѣйствія, до выступленія въ походъ, также могли иногда сближать дружину съ земщиной; такъ, напр., предпринимая общій походъ, князь могъ созывать вѣче для обсужденія этого вопроса. И вѣче „думало“ наряду съ дружиной и совмѣстно съ ней. Въ XII столѣтіи, напр., мы находимъ не одинъ случай совмѣстнаго обсужденія вѣчемъ съ дружиной подобныхъ вопросовъ.

Такъ въ 1147 году Изяславъ Кіевскій созывалъ совмѣстную думу вѣча и дружины, предпринимая походъ противъ брата своего Юрія; то же самое мы видимъ и въ 1187 году, когда Ярославъ Осмомыслъ Галицкій передъ смертью прощался съ Галицкою волостью и просилъ народъ признать княземъ его сына; или въ 1212 году, въ Суздальской волости, когда Всеволодъ желалъ укрѣпить столъ за сыномъ Юріемъ.

Чѣмъ больше заинтересовывалась волость княженіемъ даннаго князя и его рода, а явленіе это, какъ указано, участилось въ XII вѣкѣ, тѣмъ чаще бывали случаи совмѣстной думы князя и его дружины съ одной стороны и вѣча, съ другой. Такая совмѣстная дума, т. е. появленіе князя съ дружинни-

[1]) Ср. съ примѣрами, приведенными изъ лѣтописи у г. Иловайскаго, въ его полемикѣ по вопросу о Варяго-Гуннахъ.

ками или боярами на вѣчевыхъ собраніяхъ, несомнѣнно должна была служить факторомъ сближенія дружины съ народомъ.

Но необходимо предупредить читателя отъ возможной ошибки. Сближаясь, эти два соціальныхъ элемента нашей древности продолжали оставаться розными; они стали входить въ сношенія другъ съ другомъ, перестали быть двумя противоположными лагерями, такъ какъ жизнь зачастую заставляла ихъ дѣйствовать совмѣстно, но слiянія отъ такого сближенія еще не проистекало; помогая другъ другу, идя иногда рука объ руку, видя свою выгоду въ совмѣстной дѣятельности, оба элемента продолжали составлять двѣ различныя соціальныя группы.

Происходило же это вслѣдствіе того, что у каждой изъ нихъ были свои самостоятельные и обособленные другъ отъ друга интересы; цѣли жизни у каждой изъ нихъ были разныя. Вслѣдствіе этого и общеніе между этими двумя соціальными элементами еще не могло влечь за собой слiянія. Особенной же преградой между ними были тѣ публично-правовыя привилегіи, которыми облеклось боярство, старшая княжеская дружина; привилегіи эти не могли не служить къ обособленію боярства отъ прочаго населенія и затруднять завязывавшееся ею общеніе съ земщиной [1]).

Основнымъ принципомъ жизни дружины попрежнему оставалась ея вольность, ея свобода и независимость. Дружинникъ изстари былъ свободнымъ слугой своего князя; хотѣлъ — служилъ ему, не хотѣлъ — уходилъ, отъѣзжалъ, переходилъ къ другому, совершенно исчезалъ изъ предѣловъ даннаго общественнаго міра. Это былъ типъ воина-наемника, предлагавшаго свои услуги за возможно большее вознагражденіе, но не бравшаго на себя никакихъ другихъ обязательствъ, старавшагося ничѣмъ не связывать своей свободы.

И Варягъ-выходецъ, и Славянинъ-молодецъ, оба служили князю на равномъ основаніи; цѣлью ихъ жизни была одна и

---

¹) Подробнѣе объ этомъ см. ниже, стр. 128. и слѣд.

та же погоня за наживой, желаніе поживиться военнымъ дѣломъ и покормиться у княжеской должности. Собственно здѣсь даже непримѣнимо слово „служба“, такъ какъ оба вида дружинниковъ служили только себѣ самимъ, князя же признавали военноначальникомъ, предводителемъ, атаманомъ, который вслѣдствіе этого и являлся равнымъ имъ; онъ былъ лишь primus inter pares. Въ дѣйствительности, князь больше нуждался въ дружинѣ, чѣмъ она въ немъ; безъ нея онъ былъ какъ безъ рукъ; она же легко могла найти себѣ новаго атамана; ни одна волость не приняла бы князя безъ дружины, такъ какъ онъ являлся для нея, какъ мы уже знаемъ, главнымъ образомъ военнымъ защитникомъ. Наоборотъ, дружинники безъ князя легко могли найти себѣ новаго предводителя, безъ затрудненія могли подыскать себѣ новаго начальника въ той или другой волости, лишь бы имѣлся случай поживиться.

Изъ этого вытекала зависимость князя отъ дружины. Безъ ея одобренія онъ не могъ предпринимать ни малѣйшаго дѣла, безъ ея согласія онъ не могъ ни править волостью, ни задумывать военнаго похода; и въ управленіи волостью дружина была заинтересована, такъ какъ среди ея членовъ распредѣлялись главнѣйшія должности судей, намѣстниковъ, мужей, воеводъ и пр. и пр. [1]). Для успѣха княжескаго предпріятія

[1]) Означенный нашъ взглядъ расходится немного съ точкой зрѣнія проф. Сергѣевича („Юрид. Древн.“, томъ II, книга 5, глава I). Мы, конечно, далеки отъ мысли видѣть въ княжеской думѣ постоянное учрежденіе, на подобіе думы проф. Ключевскаго и принимаемъ въ общемъ теорію В. И. Сергѣевича; мы, такъ же какъ и онъ, отрицательно отвѣчаемъ на поставленный имъ вопросъ „обязанъ ли былъ князь имѣть совѣтниковъ“ (стр. 339), но затрудняемся видѣть въ призывѣ княземъ совѣтниковъ только соображенія удобства, какъ это дѣлаетъ уважаемый авторъ. Этимъ упускается изъ виду, что совѣтники были одновременно и дружинниками, а дружина *всегда* была при князѣ. Мы не знаемъ ни единаго случая призванія князя безъ дружины. Въ этомъ фактѣ, конечно, еще нельзя видѣть юридической обязанности; это было лишь фактическое принужденіе. Князь не былъ обязанъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было, но принужденъ былъ имѣть дружину, а независимое положеніе этой послѣдней и заставляло князя съ нею совѣтоваться, спрашиваться ея согласія, даже если онъ и сознавалъ самъ, что юридически онъ былъ свободенъ и

необходимо было полнѣйшее согласіе и единеніе князя съ дружиной. Отсюда, собственно, и произошла княжеская дума, т. е. совѣтъ дружины, съ которымъ князь былъ соединенъ самымъ тѣснымъ образомъ. Вся жизнь князя была связана съ дружиной; обѣ стороны хорошо это сознавали и всегда старались всѣми силами способствовать процвѣтанію самыхъ тѣсныхъ взаимныхъ отношеній.

„не обязанъ" этого дѣлать. Не было и не могло быть какой-либо опредѣленной компетенціи, вѣдомства, такой думы; и здѣсь все зависѣло отъ воли князя, но нѣкоторые вопросы онъ все-таки принужденъ былъ (хотя опять-таки не юридически!) ставить на ея обсужденіе. Эта огромная фактическая зависимость князя отъ дружины, по нашему мнѣнію, хорошо объясняетъ то недоразумѣніе, которое возникло въ нашей литературѣ со временъ Неволина и съ которымъ связаны такъ тѣсно имена профессоровъ Загоскина и Ключевскаго остановившее вниманіе и В. И. Сергѣевича, справедливо возставшаго противъ него. Дѣло въ томъ, что названные авторы хорошо усвоили себѣ этотъ фактъ зависимости князя, но сдѣлали изъ него неправильный выводъ, что зависимость эта была юридической, что дума была постояннымъ учрежденіемъ, на обсужденіе которой князь „обязанъ" былъ ставить извѣстные вопросы. Проф. Сергѣевичъ правильно разбилъ эту точку зрѣнія, ясно доказавъ, что не можетъ быть и рѣчи о какой-либо юридической обязанности князя передъ его думой; но за то у послѣдняго автора остается въ тѣни фактическая сторона дѣла, та несомнѣнная фактическая зависимость князя отъ дружины, которая заставляла его такъ сильно считаться со своими совѣтниками; (разсужденія автора, изложенныя на стр. 348 и 349 недостаточно выпукло выдѣляютъ это обстоятельство). Выборъ личностей, съ которыми можно бы было совѣтоваться, конечно, принадлежалъ князю, какъ справедливо и указано проф. Сергѣевичемъ (стр. 342); князь могъ совѣтоваться съ однимъ, двумя, тремя, кучкой дружинниковъ, наконецъ и со всей дружиной, что не мѣняло ни характера совѣта, ни характера рѣшенія. Не противорѣчитъ нашей точкѣ зрѣнія и то обстоятельство, что князь могъ спрашивать совѣта и помимо дружины, напр., у духовенства въ вопросахъ церковныхъ, или у вѣча и градскихъ старцевъ, на что мы указывали выше Но, повторяемъ, рѣчь здѣсь можетъ идти, конечно, только о лицахъ, а не объ учрежденіи, какъ то допускаетъ проф. Ключевскій. Это были только *личные* совѣты дружины и *личныя* порученія князя. Итакъ, князь былъ чрезвычайно связанъ своими отношеніями къ дружинѣ и боярамъ и долженъ былъ считаться съ ихъ мнѣніемъ, хотя при этомъ не существовало юридической обязанности, принуждавшей его спрашивать подобныхъ совѣтовъ. Интересно отмѣтить, что еще Бѣловъ („Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конна XVII вѣка", „Журналъ М-ва Нар. Просв.", 1886 г., Январь) указывалъ на за-

Не вылившись, такимъ образомъ, въ какія-либо опредѣленныя юридическія формы, взаимныя отношенія князя и дружины тѣмъ не менѣе получили опредѣленную окраску зависимости князя отъ его дружинниковъ, явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся какъ въ первобытную эпоху первыхъ Варяговъ-князей, такъ и на протяженіи XI и XII вѣковъ. Положеніе князя должно было ухудшиться съ ростомъ дружины; чѣмъ больше она становилась, тѣмъ труднѣе было князю съ ней ладить, тѣмъ затруднительнѣе было согласовать мнѣніе отдѣльныхъ ея членовъ; кромѣ того, какъ мы видѣли, съ теченіемъ времени, стали расходиться и интересы князя и дружины; тогда какъ первому выгоднѣе было оставаться въ одной какой-либо волости, чѣмъ обезпечивались въ бо́льшей мѣрѣ интересы личные и семейные, откуда проистекало стремленіе „обживаться“ въ волости и сближаться съ земщиной, у второй попрежнему на первомъ планѣ была всегда собственная свобода и вольность; дружина по-старому зорко слѣдила за сохраненіемъ своего историческаго преимущества — права отъѣзда, перехода со службы на службу, изъ волости въ волость; слѣдовательно, князю необходимо было предоставлять дружинѣ особыя льготы, спеціальныя выгоды, дабы удерживать ее у себя, соблазняя ее новыми выгодами и преимуществами.

Положеніе князя было трудное; въ особенности боярство,

висимость князя отъ дружины; но у этого автора князь и дружина— это и есть волость; у него о народѣ не говорится ни слова; авторъ этотъ вообще отрицаетъ всякое значеніе вѣча, кромѣ Новгородскаго, и не считается съ данными Славянской общественной жизни.

Изложенная выше точка зрѣнія на происхожденіе и существо зависимости князя отъ его дружины не даетъ намъ также возможности принять и теорію Костомарова, утверждающаго, что зависимость эта была перенесена на Русь изъ Польско-Литовскаго государственнаго строя („Монографіи“, томъ I, стр. 107; изд. 1872 г.); какъ мы видѣли, русскій государственный строй развивался въ этомъ отношеніи совершенно самостоятельно.

На зависимость князя отъ дружины также указываетъ и профессоръ Владимірскій-Будановъ въ рецензіи трудовъ проф. Загоскина и Ключевскаго, о Боярской Думѣ („Сборникъ Государ. Знаній“, томъ VIII).

старшая дружина, становилось очень требовательнымъ, избалованнымъ, своевольнымъ и крикливымъ, подчиняясь княжеской власти только постолько, посколько это влекло за собой прямыя выгоды и матеріальныя преимущества [1]).

Подобная зависимость князя отъ дружины не могла остаться безъ вліянія и на междукняжескія отношенія. Дружина вмѣшивалась самымъ дѣятельнымъ образомъ во всѣ княжескія дѣла, въ томъ числѣ, очевидно, и въ его отношенія къ другимъ князьямъ.

Недаромъ лѣтописецъ останавливаетъ свое вниманіе на „боярскихъ совѣтахъ", на совѣтахъ „добрыхъ" или „злыхъ" дружинниковъ, смотря по тому, къ какому результату приводили подобные совѣты. Вліяніе дружины въ этомъ отношеніи могло быть значительное; въ особенности ярко это выступаетъ наружу, если принять во вниманіе, что дружина, собственно, и составляла физическую силу князя. Много княжескихъ споровъ и усобицъ, такимъ образомъ, имѣли своей подкладкой вліяніе на князей ихъ дружинниковъ, интригъ и козней послѣднихъ, которымъ часто могло быть выгодно, вызывая княжескую смуту, половить рыбу въ мутной водѣ. Таковы: распря первыхъ Святославичей, Олега и Ярополка, изъ-за убійства Свенельдова сына и жажды мести этого вліятельнаго дружинника, роль, игранная дружиной Владиміра Св. въ его предпріятіяхъ, извѣтное ослѣпленіе Василька, явившееся также слѣдствіемъ дружинныхъ интригъ, многіе споры Кіевскихъ великихъ князей съ прочими Рюриковичами изъ-за старшинства и т. д. и т. д. [2]).

Въ особенности ярко выступаетъ такое вліяніе на княжескую власть со стороны дружины въ тѣхъ случаяхъ, когда на княжескій столъ попадалъ князь малолѣтній. Послѣдній, оче-

[1]) Къ этой категоріи выгодъ относятся и публично-правовыя привилегіи дружины, возникшія именно этимъ путемъ, и столь выдѣлившія дружинниковъ изъ среды прочаго населенія волости.

[2]) Ср. съ примѣрами, приводимыми проф. Загоскинымъ, въ его Очеркахъ организаціи и происхожденія служилаго сословія въ допетровской Руси; Казань, 1875 г.; стр. 43 и слѣд.

видно, не былъ въ состояніи „управлять“ волостью, вслѣдствіе чего и судъ, и администрація, и военное начальство, и сборы дани, однимъ словомъ, всѣ функціи князя переходили въ руки боярства, старшей его дружины.

Древняя лѣтопись знаетъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ.

Такъ, напр., въ Новгородѣ былъ посаженъ Всеволодомъ младенецъ Святославъ-Гавріилъ, въ Переяславлѣ — Ярославъ-Өедоръ, также малолѣтній; въ этихъ случаяхъ, при такихъ малолѣтнихъ князьяхъ обыкновенно являются бояре-пѣстуны или кормильцы, на обязанности которыхъ лежали какъ забота о воспитаніи князя, такъ и осуществленіе правительственныхъ его функцій. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, зависимость князей отъ ихъ дружинниковъ выступаетъ наиболѣе яркимъ образомъ.

Итакъ, положеніе князя было чрезвычайно трудное; онъ не только долженъ былъ считаться съ волей народа и призывавшимъ его вѣчемъ, но былъ фактически зависимъ и отъ своихъ совѣтниковъ-дружинниковъ.

Но въ разсматриваемый историческій періодъ на помощь князю неожиданно пришло одно новое явленіе, облегчившее его положеніе Мы имѣемъ въ виду институтъ земельной собственности. Еслибы старшая дружина князя, боярство, оставалось прежней вольницей, предпочитавшей всему на свѣтѣ свою собственную свободу и движимою одной страстью къ наживѣ, благодаря которымъ ей невыгодно было обзаводиться такими формами собственности, могущими въ какой-либо мѣрѣ стѣснять ея безграничную свободу передвиженій, не князь правилъ бы волостью, не онъ распоряжался бы судьбами княжескаго рода, а его дружина, которая стояла бы, благодаря этому, во главѣ всѣхъ государственныхъ функцій волости.

Но на счастье князей, у боярства въ XII вѣкѣ появляется земельная собственность.

Какъ темной, несокрушимой силой опутывается боярство этимъ новымъ для него достояніемъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ посте-

пенно, но неизбѣжно уменьшается его свобода, исчезаетъ его вольность. Вѣдь никуда не уйдешь, когда за спиной недвижимость; ею нельзя распоряжаться съ тою же легкостью, какъ деньгами, нельзя увозить съ собой при переходахъ, нельзя хоронить и прятать до поры, до времени. Разъ есть имѣніе, живи, значитъ, въ той мѣстности, гдѣ оно расположено, служи, значитъ, именно тому князю, въ предѣлахъ княженія котораго оно находится, милъ онъ тебѣ или нѣтъ.

Вотъ откуда произошла та существенная разница, отмѣченная еще лѣтописцемъ, которая отличаетъ прежнюю вольницу, Новгородскихъ молодцовъ X вѣка, отъ боярства XII столѣтія.

Если послѣднее еще вольно, если оно можетъ еще переходить отъ князя къ князю и не стѣснено какими-либо обязанностями, то свобода его все-таки уже не равна свободѣ прежнихъ „молодцовъ", свободѣ безграничной, въ полномъ смыслѣ этого слова. Боярская свобода потерпѣла, хотя еще незначительное въ своемъ размѣрѣ, но все-таки нѣкоторое ограниченіе, вызванное появленіемъ у бояръ новой формы собственности; свобода послѣднихъ была ограничена теперь экономически; политическія и юридическія ограниченія были еще впереди.

Появленіе земельной собственности у княжескихъ дружинниковъ составляетъ, такимъ образомъ, эпоху въ исторіи нашего древняго государства. Самый же фактъ ея появленія объясняется именно тѣми связями, о которыхъ мы говорили выше, которыя постепенно складывались между дружиной и волостью.

Сначала, по всей вѣроятности, стали появляться у отдѣльныхъ дружинниковъ избы и дворы; затѣмъ послѣдніе выростали въ бо̀льшее число построекъ, обростали разными огородами и пашнями, которые въ свою очередь расширялись постепенно въ цѣлыя имѣнія; постепенно и незамѣтно образовывались у болѣе богатыхъ дружинниковъ подобныя земельныя угодья, а вмѣстѣ съ тѣмъ эта же форма собственности стала приносить матеріальныя выгоды и всей дружинѣ. Но совер-

шенно очевидно, что пріобрѣтавшій подобную собственность бояринъ первоначально не могъ сознавать и чувствовать невыгодныхъ и стѣснительныхъ сторонъ этого вида владѣнія, которыя могли выступать наружу лишь впослѣдствіи, напр., при возникновеніи вопроса объ отъѣздѣ [1]).

Слѣдствіемъ же такого явленія должно было быть дальнѣйшее укрѣпленіе тѣхъ связей, которыя, какъ мы видѣли, уже завязывались между боярствомъ и земщиной. Вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно сглаживалась одна изъ основныхъ чертъ прежней дружинной жизни, ея подвижность и неосѣдлость. Если прежде дружинники не чувствовали никакихъ связей съ данной мѣстностью, и вслѣдствіе этого пользовались безграничной свободой передвиженія, то теперь, наоборотъ, стали появляться признаки нѣкоторой зависимости ихъ отъ данной волости, въ предѣлахъ которой находилась ихъ недвижимость.

Но уже съ первыхъ моментовъ появленія земельной собственности боярства, отношенія послѣдняго къ мѣстнымъ жителямъ получили характерную одностороннюю окраску; они спервоначала приняли форму отношеній властныхъ; бояре стали по отношенію къ сельскимъ жителямъ въ положеніе властителей, осуществлявшихъ и право суда и право управленія. Подобное явленіе довольно понятно; его вызывало прежнее соціальное положеніе боярства; самыя первыя отношенія княжескихъ дружинниковъ къ волостному населенію были построены на этомъ началѣ; уже изстари дружинники получали отъ князя разныя должности, являясь среди народа въ качествѣ судей и администраторовъ, главнымъ же образомъ, сборщиками дани, за счетъ которой кормились и сами. Изъ этихъ отношеній выросли первыя публично-правовыя привилегіи дружины. Возьмемъ хотя бы нормы Русской Правды; сколь большую разницу она проводитъ между правомочіями и охраной личности бояр-

[1]) Рамки нашего изслѣдованія не позволяютъ намъ, къ несчастью, останавливаться на этомъ чрезвычайно интересномъ вопросѣ русской древности, о томъ, какъ именно, путемъ какихъ воздѣйствій, экономическихъ ли или соціальныхъ факторовъ, или обоихъ одновременно появилась земельная собственность боярства.

ства, княжеской дружины, съ одной стороны, и прочимъ населеніемъ съ другой; личность дружинника охранена и бо̀льшимъ штрафомъ за посягательства на нее, и бо̀льшими преимуществами, въ сравненіи, напр., съ личностью смерда, уже не говоря о рабахъ и холопахъ. Большая правовая охрана дружины выдѣляла ее замѣтнымъ образомъ изъ среды прочаго волостного населенія и создавала ей, другими словами всему классу боярства, особо привилегированное положеніе; благодаря же этому привилегированію, создавалась и новая причина, препятствовавшая этому классу отождествляться съ прочими общественными элементами волости, создавалась новая преграда между боярствомъ и прочимъ населеніемъ [1]), а, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же привилегіи и публично-правовыя преимущества накладывали на боярство неизгладимую печать властителей, которая, конечно, должна была только усиливаться съ момента пріобрѣтенія боярствомъ земельной собственности; уже съ перваго момента появленія боярскихъ имѣній, ихъ владѣльцы неизбѣжно должны были стать по отношенію къ мѣстнымъ жителямъ въ положеніе правителей, ихъ собственность же земельная вслѣдствіе этого съ самаго начала получила характеръ владѣнія вотчиннаго, съ правомъ суда и управленія, въ предѣлахъ имѣнія, т. е. владѣнія съ публично-правовымъ элементомъ.

Такъ появились въ XII столѣтіи первые примѣры вотчиннаго владѣнія на Руси [2]). Можно съ полной увѣренностью

¹) См. выше, стр. 121.

²) Подъ терминомъ „вотчина“ мы, такимъ образомъ, предполагаемъ право собственности на землю, съ публично-правовой окраской; въ вотчинномъ правѣ имѣется не только элементъ частнаго права, владѣніе и распоряженіе землей или имѣніемъ, но и публично-правовые элементы, право властвованія надъ населеніемъ, живущимъ на территоріи даннаго имѣнія, выражающееся въ правѣ суда и управленія надъ населеніемъ; источники, напр., никогда не упоминаютъ о вотчинахъ сельчанъ, именно потому, что ихъ земельная собственность, которая несомнѣнно существовала, не носила публично-правового характера, будучи основана лишь на началахъ частнаго права; у сельчанъ не было права суда и управленія надъ другими сельчанами, не было слѣдовательно и вотчиннаго права; наоборотъ, у боярства, а впослѣдствіи и у князей, уже съ первыхъ моментовъ

сказать, что до этого времени вотчиннаго права не существовало [1]).

Только съ середины XII вѣка находимъ мы, и то еще не частыя упоминанія въ источникахъ о „селахъ боярскихъ", о „вотчинахъ" дружины княжеской. Древнюю дружину земельная собственность могла только стѣснять; у Варяга - воина никогда не могло явиться и мысли связывать свою свободу подобной формой собственности; для этого ему была слишкомъ дорога

появленія у нихъ права земельной собственности, послѣдняя получила, какъ мы видѣли, публично-правовой придатокъ, т. е. именно вотчинный характеръ. Таковъ главнѣйшій отличительный признакъ, отдѣляющій понятіе „вотчины" отъ простого имѣнія, отъ простой, частно-правовой земельной собственности. Наше опредѣленіе кардинальнымъ образомъ расходится съ толкованіемъ термина „вотчина" г. Чичеринымъ, который все свое вниманіе посвятилъ выясненію частно-правового характера вотчиннаго владѣнія; что вотчинное право составляетъ форму права собственности, т. е. права частнаго, въ этомъ конечно нѣтъ сомнѣнія; но этимъ не проводится *никакого* различія отъ права на земельную собственность вообще, которымъ обладали, напр. прочіе граждане древне-русскаго государства. Стрѣлы критики Чичерина были направлены противъ старой школы, видѣвшей въ вотчинномъ правѣ лишь публично-правовой институтъ. Но разбивъ эту теорію, и разбивъ, надо сказать, безпощадно и окончательно, Чичеринъ вдался въ другую крайность, красной нитью проходящую черезъ всѣ его труды — стремленіе видѣть въ нашей древности существованіе однихъ частно-правовыхъ началъ. Между тѣмъ именно въ опредѣленіи термина „вотчина" односторонность такого построенія выступаетъ всего яснѣе. (Ср. Чичеринъ, Курсъ государств. науки, часть I, стр. 111 и слѣд.). Но рядомъ съ публично-правовымъ элементомъ въ вотчинномъ правѣ стоитъ и частноправовой. Имъ напр. обусловливается начало наслѣдственности. Упуская изъ виду публично-правовой элементъ вотчиннаго права, наши цивилисты видѣли основной признакъ этой формы земельной собственности именно въ правѣ наслѣдованія, „отчинности" „старинности", „родственности" и т. п. (ср. напр. Неволинъ, Исторія Росс. Гражданскихъ Законовъ, томъ II, глава III, о вотчинахъ, стр. 124 и слѣд.; Спб. 1851). Но такой признакъ еще не выдѣляетъ вотчинное право изъ общей группы наслѣдственныхъ частныхъ правъ на земельную собственность.

[1]) Градовскій держится обратнаго положенія, хотя и не доказываетъ его (Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, томъ II, собр. соч. 1899; стр. 125).

его подвижность и вольность. Только съ того момента, когда въ дружинѣ сталъ преобладать элементъ славянской вольницы, могъ появиться и вопросъ о земельной собственности вообще, да и то только тогда, когда и эта вольница стала уже обживаться въ волости, когда у нея завязались нѣкоторыя сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. Только съ теченіемъ времени, и, какъ свидѣтельствуютъ источники, именно въ XII столѣтіи, стало появляться это право, а за нимъ сталъ образовываться, какъ необходимое слѣдствіе, классъ земскаго боярства, землевладѣльческой аристократіи. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ необходимости утверждать, что молчаніе лѣтописей о боярской земельной собственности до XII столѣтія обусловлено тѣмъ, что ее тогда не существовало и не могло существовать.

При разсмотрѣніи этого важнаго вопроса нашей древности нужно всегда имѣть въ виду отмѣченную выше отличительную черту такого боярскаго права, что уже съ перваго момента своего появленія оно приняло публично-правовой характеръ. „Всѣ люди, говоритъ Градовскій[1]), сидѣвшіе на землѣ, подчинялись суду и платили дань тому лицу, кто владѣлъ удѣломъ“ или имѣніемъ. Это же право утверждаютъ за вотчинниками и жалованныя граматы, которыми впослѣдствіи были закрѣплены за ними ихъ вотчинныя права.

Но подобное властное отношеніе дружинниковъ къ мѣстному населенію должно было имѣть одно важное слѣдствіе; оно прибавило новую причину къ тѣмъ факторамъ, которые создавали соціальное различіе между боярствомъ и прочимъ волостнымъ населеніемъ; благодаря такой публично-правовой привилегированности создавалась неприступная стѣна между высшимъ классомъ вотчинниковъ и смердами, крестьянами и прочими волостными жителями; вслѣдствіе подобныхъ взаимныхъ отношеній, построенныхъ на дѣленіи населенія на правителей и управляемыхъ, оба общественные элемента, боярство и народъ, продолжали оставаться, несмотря на возникшее между

¹) Тамъ же, стр. 126.

ними болѣе тѣсное общеніе, соціально противоположными классами, которымъ никогда не дано было слиться воедино [1]).

Резюмируя изложенное, скажемъ слѣдовательно, что боярство, дружинники князя, въ эту эпоху русской исторіи экономически было ограничено въ его прежней свободѣ, политически же, наоборотъ, оно получило новыя правомочія, ставъ по отношенію къ жителямъ, населявшимъ его имѣнія, въ положеніе правителей-вотчинниковъ; соціально же между боярствомъ и народомъ-земщиной, продолжала существовать раздѣляющая ихъ пропасть. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ на первый взглядъ странный фактъ, что и въ эту эпоху, несмотря на замѣтное сближеніе боярства съ земщиной, продолжала существовать между ними соціальная рознь. Дружина, напр., никогда не могла занять того положенія, которое прежде занимала городская старѣйшина, градскіе старцы; тогда какъ послѣдніе выросли изъ народа, оставаясь съ нимъ тѣсно связанными, первая продолжала стоять отдѣльно отъ народа, не имѣя возможности съ нимъ соціально слиться; соціальное разстояніе было огромно между дружинникомъ бояриномъ и сельчаниномъ, и съ появленіемъ вотчиннаго права только увеличилось; если еще въ X вѣкѣ разстояніе, отдѣлявшее старца отъ дружинника, было не такъ велико и возможенъ былъ переходъ изъ одного класса въ другой, дружинникъ могъ покинуть княжескую службу и стать, какъ говоритъ проф. Сергѣевичъ [2]), торговымъ аристократомъ, и наоборотъ, то теперь

---

[1]) См. выше, стр. 121 и 128.

[2]) Ср. Рус. Юридич. Древности, томъ II, стр. 434.

Надо замѣтить здѣсь, что у городской старѣйшины, такъ же какъ и у прочихъ классовъ волостного населенія, могли быть имѣнія, т. е. земельная собственность, но у нихъ не было *вотчиннаго права*, у нихъ не было права властвованія надъ прочимъ населеніемъ; молчаніе лѣтописей въ этомъ отношеніи для насъ имѣетъ огромное значеніе; оно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что подобнаго права до XII столѣтія не существовало, а когда оно появилось, то появилось у одного боярства, у однихъ дружинниковъ, а не у какого-либо другого соціальнаго класса; такимъ образомъ, если весьма вѣроятно, что городская старѣйшина, въ особенности съ теченіемъ времени и

съ XII столѣтія подобный переходъ уже былъ почти невозможенъ; бояринъ уже не могъ больше развязаться съ тѣми экономическими путами, которые его связывали, а эти же путы, какъ мы видѣли, выдѣляли его изъ среды прочаго населенія, облекая его правовое положеніе публично-правовымъ элементомъ; бояринъ могъ уйти со службы князя, но не превращался этимъ въ торговаго аристократа, а оставался прежнимъ бояриномъ, въ имѣніи котораго населеніе „тянуло къ нему по водѣ и землѣ“; соціально боярство никогда не могло слиться съ народомъ.

Но подобное новое положеніе боярства не могло не вліять и на его отношенія ко княжеской власти. Со времени исчезновенія прежней свободы передвиженія дружинниковъ, которые теперь были связаны своими имѣніями, возникла и необходимость для нихъ считаться съ личностью князя; они были болѣе связаны съ даннымъ княземъ, такъ какъ уходъ, отъѣздъ, былъ болѣе затруднителенъ; прямымъ слѣдствіемъ было противленіе боярства переходамъ самихъ князей; появленіе въ волости новаго князя было для землевладѣльцевъ всегда опасно; новый князь могъ „заѣзжать“ ихъ, притѣсняя, обижая и отдавая предпочтеніе своимъ собственнымъ боярамъ и дружинникамъ; мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ нѣсколько примѣровъ подобнаго противленія боярства и ненависти ко князьямъ-пришельцамъ; вспомнимъ хотя бы отношеніе бояръ ко Всеволоду Кіевскому, пришедшему изъ Переяславля и Чернигова, также недружелюбную встрѣчу, оказанную „старыми боярами“ Изяславу, и т. п. примѣры. Такое явленіе можно считать прямымъ слѣдствіемъ новаго права земельной собственности боярства, не

осложненіемъ общественной жизни, владѣла недвижимостью, не только домами въ городахъ, но и имѣніями въ волости, то внѣ сомнѣнія, что подобное владѣніе было частно-правовое; вотчиннаго права у городской старѣйшины не было; такое явленіе способствовало болѣе близкимъ отношеніямъ старѣйшины къ прочему населенію, чѣмъ аналогичныя отношенія боярства, а вмѣстѣ съ тѣмъ отличало старѣйшину и отъ боярства, какъ два различныхъ соціальныхъ класса, изъ которыхъ первый стоялъ близко къ народу, второй же отдѣленъ былъ отъ него своимъ вотчиннымъ правомъ.

позволявшаго ему передвигаться съ прежней легкостью и связывавшаго его съ данной волостью.

Таковы тѣ новыя и болѣе сложныя отношенія, которыя стали складываться между дружиной и княземъ во второй періодъ исторіи русской государственности. Оцѣнивая ихъ, мы должны охарактеризовать ту степень зависимости князя отъ дружины, которую они образовали. Съ тѣхъ поръ какъ княжеская дружина такъ значительно выросла, стало въ болѣе рѣзкой формѣ проявляться различіе между отношеніями князя къ отдѣльной личности, къ отдѣльному дружиннику, и отношеніями его ко всей дружинѣ in corpore.

При маленькой дружинѣ подобное различіе было едва замѣтно; все, что касалось одного дружинника, интересовало и всю дружину и, наоборотъ, интересы всей дружины принимались близко къ сердцу всѣми дружинниками; но съ ея ростомъ и дифференціацiей, съ возникновеніемъ ея дѣленія на старшую и младшую, все болѣе стало выдѣляться и вышеозначенное различіе. Дѣло въ томъ, что отношеніе князя ко всей дружинѣ и къ отдѣльнымъ личностямъ, входящимъ въ ея составъ, становилось весьма разное; если по отношенію къ первой продолжала существовать прежняя полная зависимость князя отъ воли дружины, in corpore, то, наоборотъ, по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ князь сталъ эмансипироваться и сталъ получать бо̀льшее вліяніе на ихъ положеніе; но при этомъ, конечно, всякій дружинникъ продолжалъ сохранять за собой полнѣйшую свободу юридическую; онъ не былъ связанъ, какъ мы видѣли, политическими или правовыми узами, будучи ограниченъ въ своей свободѣ лишь экономической обстановкой его жизни. Князь могъ вліять на положеніе отдѣльнаго лица, раздавая различныя должности, поручая отдѣльные пути волостного управленія, устанавливая извѣстныя преимущества, или наоборотъ, обязанности для отдѣльныхъ дружинниковъ, князь могъ, наконецъ, отказывать дружиннику въ службѣ; исторія свидѣтельствуетъ намъ о нѣсколькихъ подобныхъ примѣрахъ, когда „изгонялся“ княземъ дружинникъ или

бояринъ. А рядомъ съ этимъ, за дружинникомъ или бояриномъ оставалось всегда его исконное право отъѣзда. Но если по отношенію къ отдѣльной личности князь былъ теперь самостоятельнѣе, благодаря произошедшей дифференціаціи состава дружины и вслѣдствіе ея значительнаго увеличенія, то, наоборотъ, in corpore, дружина сохраняла за собой свое прежнее вліятельное положеніе, вполнѣ связывавшее князя въ его дѣйствіяхъ, распоряжаясь не только своими собственными интересами, но руководя зачастую и княжеской политикой.

Если въ разбираемомъ періодѣ появились, какъ мы видѣли, обстоятельства, связывавшія жизнь боярина съ одной какой-нибудь волостью, то и по отношенію къ князю произошло, какъ мы уже указывали, нѣчто подобное; онъ также теперь сталъ стремиться къ „утвержденію" своей власти и положенія, старался „осѣдать" въ волости, не переходить со стола на столъ, обезпечивая такимъ образомъ „наслѣдство" своимъ сыновьямъ.

Подобное стремленіе нашло себѣ впослѣдствіи поддержку въ томъ фактѣ, что и у князя, съ теченіемъ времени, стала также появляться земельная собственность, свои собственныя вотчины. Но замѣтимъ здѣсь же, у боярства земельная собственность появилась *раньше*, чѣмъ у князя. Въ тѣ времена, когда у боярства, хотя еще исключеніями, уже появляются имѣнія, князь еще не былъ связанъ этимъ громоздкимъ видомъ имущественной собственности; но съ теченіемъ времени, когда земельная собственность боярства уже составляла общее правило, тогда только стали появляться и княжескія имѣнія (т. е. къ концу лишь XII вѣка).

Но, устанавливая подобный фактъ, мы, конечно, совершенно отрицаемъ возможность появленія земельной собственности у боярства посредствомъ княжескихъ пожалованій, теорію, проводимую Б. Н. Чичеринымъ. Его взглядъ на данный вопросъ основанъ на томъ, что волость и ея земля принадлежали князю на правѣ собственности, благодаря завоеванію; между тѣмъ, какъ мы знаемъ, въ подавляющемъ числѣ слу-

чаевъ, князь княжилъ не какъ завоеватель, а по призванію волости, по ряду съ вѣчемъ; во всякомъ случаѣ у него не было никакихъ правъ по отношенію къ землѣ, не было до XII вѣка и права земельной собственности, не было, другими словами, имѣній, вслѣдствіе чего онъ не могъ никого ими „жаловать"; къ тому же, мы знаемъ, что до XII вѣка подобная собственность была бы только невыгодной и чрезвычайно стѣснительной какъ для дружины, такъ и для князя, препятствуя ихъ свободѣ передвиженій, которая была имъ такъ дорога и составляла основу ихъ жизни [1]).

Князья, такимъ образомъ, не имѣли никакой возможности раздавать имѣнія, жаловать ими кого бы то ни было, такъ какъ не имѣли права собственности на землю волости, въ которой княжили [2]). Они раздавали должности, судебныя и административныя, раздавали дружинникамъ „кормы", т. е. право на сборъ въ свою пользу въ извѣстной мѣстности дани, что и

[1]) Недаромъ лѣтописецъ говоритъ о старинѣ слѣд. образомъ: „ти бо (древніе князья) *не сбираху много имѣнія*, не творимыхъ виръ, ни продажь въскладаху на люди; но оже будяше правая вира, и ту возма, даяша дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны" („Полн. Собр. Рус. Лѣт.", томъ V, стр. 87).

[2]) См. статью Б. Н. Чичерина „Еще о сельской общинѣ", отвѣтъ Бѣляеву, стр. 59 „Опытовъ по исторіи русскаго права", Москва, 1858, въ которой названный авторъ старается доказать право собственности князя на землю волости; уже Бѣляевъ въ достаточной мѣрѣ опровергъ построеніе Чичерина, послѣдующіе же труды проф. Градовскаго, Сергѣевича, Костомарова доказали, что источники, какъ и весь строй нашей древности, не даютъ намъ никакого права предполагать подобное положеніе князя. „До Св. Владиміра наши князья не крѣпки землѣ русской, — говоритъ проф. Лешковъ, — не имѣютъ къ ней постоянныхъ отношеній и довольствуются доходами, движимымъ, которое ossibus inhaeret, и сопутствуетъ владѣльцу всегда и повсюду"; („Русскій народъ и государство; исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка"; Москва, 1858). Нельзя болѣе ярко освѣтить интересующій насъ вопросъ! Но страннымъ образомъ труды проф. Лешкова оставались во второй половинѣ XIX вѣка совершенно въ тѣни. Эту же мысль отмѣчаетъ и Бестужевъ-Рюминъ въ своей Исторіи Россіи (томъ I, стр. 435 и слѣд.).

Предшественникомъ же Чичерина былъ Лакіеръ („О вотчинахъ и помѣстьяхъ", Спб., 1848), отъ котораго Чичеринъ заимствовалъ свое главное положеніе о княжеской собственности на земли волости.

составляло вознагражденіе дружинника за его услуги воина; земельная же собственность появилась у послѣдняго помимо князя, путемъ частнаго пріобрѣтенія, безразлично, покупкой ли, наслѣдствомъ, или отнятіемъ насильнымъ у мѣстныхъ жителей, какъ послѣдствіе завоеванія волости; раздача же имѣній, въ видѣ пожалованія отъ князя, появилась значительно позднѣе.

Трудно сказать, по недостатку свѣдѣній, какими, собственно, способами пріобрѣтали князья свои первыя имѣнія; были ли то заимка или занятіе пустопорожнихъ мѣстъ волости (какъ предполагаетъ Блюменфельдъ), или земель, не входящихъ ни въ верви, ни въ погосты данной округи, какъ то думаетъ Лешковъ [1]), или болѣе вѣроятнымъ способомъ частнаго пріобрѣтенія, покупкой, вымѣниваніемъ земель у сельчанъ за деньги или другія услуги, или, наконецъ, полученіемъ нѣкоторыхъ земельныхъ участковъ, съ ихъ угодьями или путями, въ силу договора, по ряду князя съ вѣчемъ, напр., отведеніемъ ему охотничьихъ угодій, какъ предполагаютъ другіе изслѣдователи [2]), или даже пріобрѣтеніемъ выморочныхъ вотчинъ дружинниковъ, сказать при современномъ состояніи науки пока невозможно. Намъ приходится только констатировать, что къ концу XII вѣка у князей появляется и земельная собственность, свои собственныя вотчины. Но и въ данномъ случаѣ можно установить нѣкоторыя переходныя стадіи въ составѣ княжескаго имущества. Первые князья не любили и не могли стѣснять себя слишкомъ громоздкимъ имуществомъ; при той подвижности, которою должна была отличаться ихъ жизнь, ихъ имущественная собственность должна была такъ же легко переноситься, вслѣдъ за ними, изъ мѣстности въ мѣстность, изъ города въ городъ. Но по мѣрѣ того какъ князь сталъ „осѣдать“, обсиживаться и обживаться въ какой-нибудь волости, у него должны были появляться и новыя формы имуществен-

¹) „Русскій народъ и государство“, стр. 284.

²) Ср., напр., съ терминами „мѣста“, „села“, „ловища“, „перевѣсища“, о которыхъ говоритъ Рожковъ (Городъ и деревня въ русской исторіи; стр. 13).

наго владѣнія. Такъ, начиная съ Владиміра Св., мы встрѣчаемъ въ перечисленіяхъ княжескихъ имуществъ „дворы добрѣ“, „дворы красные“, съ разнаго рода „готовизной“; стало быть, обживаясь въ данномъ городѣ, князь одновременно обстраивался, строилъ себѣ дворы, хоромы, новыя избы и т. п., а рядомъ съ ними все въ большемъ количествѣ встрѣчаются рабы, прислужники, холопы.

И наконецъ, послѣдней стадіей такого развитія княжеской имущественной собственности было появленіе и имѣній, вотчинъ, совершенно аналогичныхъ вотчинамъ боярскимъ [1]).

Итакъ, ни первые пришельцы, князья варяжскіе, ни послѣдующіе князья Рюриковичи, не оказывали и не могли оказывать вліянія на развитіе понятія земельной собственности вообще, благодаря вышеразобранному ихъ соціальному положенію, которое держало ихъ внѣ общественнаго процесса; не могли они и сами пріобрѣтать подобной собственности, въ виду того стѣсненія, которое она неизбѣжно бы влекла за собой въ ихъ житейскихъ предпріятій [2]).

Когда же, въ XIII вѣкѣ, вотчинное владѣніе князя стало уже общимъ правиломъ, и они владѣли имѣніями наравнѣ съ боярствомъ, тогда стали встрѣчаться и случаи „пожалованія“

---

[1]) Отъ теоріи появленія у князей земельной собственности Погодина (Изслѣдов., замѣчанія и пр., томъ IV и VII) и Лешкова (Русскій народъ), наше мнѣніе отличается, слѣдовательно, утвержденіемъ, что вотчины появились первоначально у боярства, а затѣмъ только и у князей, а не наоборотъ, какъ то думаютъ названные два ученые. Однимъ изъ объясняющихъ подобное явленіе факторовъ, думается, можно считать болѣе зависимое положеніе князя въ волости; бояре княжескіе были свободнѣе самихъ князей; послѣднихъ опутывала цѣлая сѣть правовыхъ нормъ договорнаго и обычнаго права. Весьма вѣроятно, что вотчины представляютъ собой дальнѣйшее развитіе „людскихъ“ деревень, которыя являются какъ бы прообразомъ ихъ. Ср. А. Лаппо-Данилевскій, организація прямого обложенія, стр. 1.

[2]) Communis opinio нашей науки уже давно утверждаетъ, что не существовало у князей права собственности на всю землю волости, въ силу завоеванія, какъ то думали Полевой („Исторія Рус. народа“, томъ I) или Чичеринъ („Опыты“). Ср. Неволинъ, „Исторія Росс. Гражд. Законовъ“, томъ II, стр. 126 и слѣд.

иміэніями княжескихъ слугъ; подобныя жалованія выдѣлялись изъ состава княжескихъ вотчинъ.

Только значительно позднѣе, во времена Московскія, когда Москва не только возвысилась, но и измѣнила въ значительной мѣрѣ существо княжеской власти, стала проводиться въ жизнь новая правовая норма, устанавливавшая за княземъ такъ называемое jus eminens на всѣ территоріальныя владѣнія государства, изъ состава которыхъ и производились пожалованія боярству.

Если мы примемъ во вниманіе, что у Монголовъ существовало jus eminens, и что ханъ считался собственникомъ всѣхъ земель, покоряемыхъ силою монгольскаго оружія [1]), то можемъ допустить, что понятіе это было заимствовано московскими князьями именно изъ монгольскаго права; но утвердиться въ русскомъ государствѣ оно могло только тогда, когда выросла и окрѣпла княжеская власть, т. е. уже въ такъ называемый Московскій періодъ русской исторіи; понятіе jus eminens появилось, такимъ образомъ, очень поздно въ русскомъ государствѣ.

Въ древности, по вѣрному замѣчанію Неволина, „всѣ вообще свободныя лица могли владѣть поземельной собственностью", но ни князю ни боярину не было дано возможности и не было также и выгоды, при ихъ образѣ жизни, обзаводиться земельной собственностью, которая появилась лишь тогда, когда и дружина и князь настолько обжились въ волости, что у нихъ образовались уже извѣстныя связи съ мѣстнымъ населеніемъ.

Какъ припомнимъ, и князья и боярство, а въ особенности послѣднее, еще долго пользовались своимъ правомъ свободы передвиженія. Но теперь, когда за ними числилась земельная собственность, подобные переходы, или, какъ они стали называться по отношенію къ боярству, „отъѣзды", должны были вызывать массу осложненій. Что касается князя, то вопросъ этотъ разрѣшался тѣмъ, что народъ, составляя съ нимъ рядъ, прямо оговаривалъ, что князь не могъ пріобрѣтать имѣній и

[1]) Ср. Неволинъ, в. н. с., томъ II, стр. 136, а такъ же цит. имъ „Histoire des Mongols", par D'Hoson, La Haye.

владѣть ими въ предѣлахъ другихъ княжествъ, что давало бы ему возможность вмѣшиваться въ дѣла своихъ сосѣдей; князь могъ владѣть имѣніями лишь въ той волости, въ которой княжилъ; хотя, очевидно, практика знала много исключеній подобному общему правилу, исключеній, которыя зачастую могли вызывать крупныя недоразумѣнія, до войны включительно. Но если было еще относительно легко разрѣшать случаи владѣнія земельными угодьями самими князьями, и главнымъ образомъ потому, что имъ самимъ было выгодно идти въ данномъ случаѣ навстрѣчу мирному разрѣшенію спорныхъ вопросовъ и не входить въ лишнія столкновенія съ народомъ своей волости, то, наоборотъ, гораздо труднѣе должно было быть разрѣшеніе случаевъ боярскаго владѣнія, при ихъ переходахъ и отъѣздахъ; очень часто должны были встрѣчаться на практикѣ примѣры владѣнія бояриномъ и дружинникомъ имѣніемъ въ одной волости, при службѣ его, вслѣдствіе отъѣзда, въ другой. Очевидно, что подобные случаи, если мы вспомнимъ, что вотчинное право носило яркую публично-правовую окраску, должны были вызывать недоразумѣнія и столкновенія разныхъ публичныхъ правомочій на одной и той же территоріи. Вслѣдствіе этого и возникли запрещенія боярству владѣть имѣніями за предѣлами той волости, въ которой они состояли на службѣ, запрещенія, которыя уже въ XIII вѣкѣ встрѣчаются довольно часто, а въ XIV составляютъ общее условіе вотчиннаго владѣнія, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно часто нарушаемыя отъѣзжающими боярами; послѣдніе мало стѣснялись подобными запрещеніями, когда находили выгоднымъ для себя пользоваться своимъ исконнымъ правомъ свободы передвиженія и отъѣзжали на службу новаго князя, даже несмотря на то, что за прежнимъ ихъ княземъ всегда сохранялась грозная возможность пойти на оставленную позади вотчину съ огнемъ и мечомъ.

Таковы тѣ начала, которыя регулировали вновь появившееся въ русскомъ государствѣ вотчинное право, право князей и боярства на земельную собственность, сопряженное съ публично-правовыми привилегіями.

III.

Взаимныя отношенія князей.

Отличительной чертой второго періода исторіи русской государственности было дробленіе и мельчаніе волостей-государствъ. Процессъ мельчанія волости, какъ мы видѣли, на Сѣверѣ вызывался географическими и естественными препятствіями почвы и климата, на Югѣ же — торгово-промышленнымъ ростомъ волостей, постоянно выдѣлявшимъ все новые города и экономическіе центры.

Рядомъ съ такимъ процессомъ мельчанія волости слѣдуетъ поставить вышеотмѣченное появленіе и постепенный ростъ княжескихъ имѣній, развитіе ихъ поземельной собственности. Интересно отмѣтить, что ярче всего такое явленіе увеличенія княжескихъ имѣній выступаетъ именно на Сѣверѣ, гдѣ сама природа препятствовала образованію крупныхъ волостей; такимъ образомъ, именно въ этихъ глухихъ мѣстностяхъ часто случалось, что княжеская вотчина стала занимать бо̀льшую часть территоріи волости, что вызвало со стороны ученыхъ изслѣдователей не одну попытку отождествленія такой маленькой волости съ княжеской вотчиной [1]).

Въ теченіе XIV и XV столѣтій этотъ процессъ мельчанія волостей на Сѣверѣ вызвалъ появленіе на свѣтъ тѣхъ мельчайшихъ удѣловъ, разныхъ мелкихъ княжествъ, каковыми были, напр., княжества: Кемское, Андожское, Ухтомское, Сицкое, Кубенское, Бахтюжское, Вадбольское или т. п. [2]), внѣшній видъ которыхъ былъ весьма похожъ на частно-правовыя владѣнія мелкихъ феодаловъ, русскихъ вотчинниковъ. Но если къ нимъ присмотрѣться ближе, то нельзя не замѣтить въ нихъ

[1]) Подобное отождествленіе волости и княжеской вотчины находимъ мы и у проф. Ключевскаго (ср. „Боярская Дума", главы III и IV), но, какъ указалъ еще проф. Сергѣевичъ („Рус. Юридич. Древности", томъ II, стр. 435), понятія эти вовсе не совпадаютъ и не покрываютъ другъ друга, волостная территорія существенно отличаясь отъ княжеской вотчины.

[2]) Ср. Ключевскій, „Боярская Дума", глава IV.

двойственнаго элемента. Рядомъ съ княжеской собственностью, съ его вотчиннымъ правомъ владѣнія даннымъ имѣніемъ, имѣлся и публично-правовой элементъ, благодаря которому князь и въ такой крошечной волости являлся правителемъ, осуществляя государственныя функціи, а не свое частное право. Его административныя полномочія при этомъ пространственно были шире вотчиннаго права; даже въ самыхъ мельчайшихъ волостяхъ княжеская вотчина не покрывала всей волости и потому не можетъ съ нею отождествляться. И въ этихъ крошечныхъ сѣверныхъ волостяхъ государственные и соціальные элементы, ихъ общественная жизнь, росли и развивались помимо князя; князь могъ управлять и хозяйничать въ волости и вотчинѣ, но въ общественную жизнь, въ самое существо соціальнаго строя онъ не могъ входить; и здѣсь, и въ этихъ маленькихъ и новообразующихся колоніяхъ-государствахъ оставался князь придаточнымъ органомъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлъ въ предѣлахъ территоріи волости крупнѣйшей вотчиной.

Процессъ появленія и роста княжеской земельной собственности долженъ былъ неизбѣжно вызывать одно важное для насъ слѣдствіе, укрѣпленіе связей даннаго князя, ставшаго теперь вотчинникомъ, съ интересами волости, въ предѣлахъ которой расположено было его имѣніе. Какъ мы уже указывали, въ этомъ направленіи вліяли и другія обстоятельства, также удерживавшія князя въ одной какой-либо волости, на одномъ какомъ-либо столѣ. Къ нимъ, слѣдовательно, теперь прибавился новый факторъ и притомъ, какъ видно, далеко немалозначащій. Но если мы ближе присмотримся къ разбираемой эпохѣ, мы легко найдемъ и еще одно явленіе, направленное къ укрѣпленію осѣдлости князя и противъ его свободы передвиженія—мы имѣемъ въ виду черезвычайное размноженіе княжескаго рода Рюриковичей; это послѣднее обстоятельство не могло не усложнять положенія князя въ волости, вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ и новую обязанность для него, необходимость считаться со своими сородичами, другими князьями—Рюриковичами.

Посмотримъ же, какъ складывались взаимныя отношенія Рюриковичей и каковы были тѣ новыя тяготы, которыя созданы были такими родственными отношеніями.

Большое множество князей, одного и того же рода, родственниковъ и конкурентовъ другъ другу, вызывало необходимость установленія извѣстнаго порядка взаимныхъ отношеній, взаимнаго обезпеченія княжескихъ правъ. Первоначально, при маломъ количествѣ князей — Рюриковичей, и при бо́льшей географической, равно какъ и экономической обособленности отдѣльныхъ волостей, взаимныя отношенія князей должны были быть проще, такъ какъ существовало гораздо меньше поводовъ къ столкновенію. Но съ теченіемъ времени обстоятельства измѣнились и принесли князьямъ новыя заботы.

Приступая къ разсмотрѣнію послѣднихъ, мы должны имѣть въ виду двѣ категоріи фактовъ, во-первыхъ, уменьшеніе размѣровъ и увеличеніе количества волостей; этотъ вышеотмѣченный процессъ мельчанія Славянскихъ государствъ шелъ параллельно съ дальнѣйшей колонизацiей еще не занятыхъ земель, вслѣдствіе чего территоріи отдѣльныхъ волостей стали соприкасаться; во-вторыхъ же, мы должны считаться въ нашемъ изслѣдованіи съ послѣдствіями факта замѣщенія волостныхъ столовъ представителями одной семьи, одного Рюрикова рода.

Первая категорія фактовъ влекла за собой дальнѣйшее обособленіе волости въ государственномъ отношеніи. То, что прежде понималось само собой, въ виду отсутствія территоріальнаго соприкасательства, теперь должно было быть опредѣляемо особыми актами государственной власти. Отсюда проистекала необходимость для князей заботиться о внѣшней неприкосновенности волости, обособленности ея территоріальныхъ владѣній, о болѣе точномъ опредѣленіи границъ волостныхъ земель и внѣшней безопасности не только отъ враговъ, степныхъ варваровъ, но и отъ сосѣдокъ волостей, отъ посягательствъ сосѣдняго народонаселенія. Во вторую категорію фактовъ мы включимъ тѣ положенія, на основаніи которыхъ регулировались

взаимныя отношенія князей—Рюриковичей, какъ-то, выработанный обычаемъ порядокъ наслѣдованія, понятіе братства князей, власть и положеніе старшаго князя, если таковой вообще имѣлся, и наконецъ ихъ добровольныя соглашенія, договоры, союзы, съѣзды, постановленія, третейскіе суды и т. п.

Источникомъ первой группы фактовъ была основная необходимость государственнаго существованія волости, утвержденіе ея самостоятельности и обособленности отъ прочихъ волостей. Каждая волость, представляя собой государственную, а не только соціальную единицу, должна была ограждать свою самостоятельность, исключая вмѣшательство какой-либо другой волости въ ея внутреннія дѣла; на этомъ основаніи не могъ вмѣшиваться въ управленіе волости и чужой князь, начало, которое, какъ мы видѣли, проводилось строго, напр., хотя бы въ вопросѣ вотчиннаго владѣнія; князю именно по этой причинѣ воспрещалось владѣть имѣніемъ въ чужой волости, такъ какъ подобное владѣніе могло вызывать возможность его вмѣшательства въ дѣла этой волости.

Этимъ конечно не исключалась возможность насилія, вмѣшательства въ дѣла сосѣдней волости, какъ послѣдствіе войны или т. п.; но такимъ вмѣшательствомъ, посредствомъ силы, а не права, нарушался и государственный характеръ волости, которая напримѣръ завоевывалась. Мы уже видѣли, какъ съ теченіемъ времени дифференціировалось государственное строеніе волости, какъ во главѣ ея, рядомъ съ верховнымъ и первичнымъ органомъ — вѣчемъ, сталъ новый органъ, князь, и какъ къ послѣднему постепенно стали переходить одна за другой отдѣльныя государственныя функціи; мы видѣли также, что основной обязанностью князя было охраненіе внѣшней самостоятельности волости; вполнѣ естественно, что въ данную эпоху назрѣвшая новая потребность волостной жизни, забота объ урегулированіи ея отношеній къ сосѣдкамъ-волостямъ выпала на долю князя; вѣче было для подобной функціи слишкомъ грузнымъ и неподвижнымъ органомъ, другихъ же высшихъ органовъ, кромѣ князя, не существовало. Онъ же, наоборотъ,

по всему складу своей должности вполнѣ отвѣчалъ такой новой потребности. Не удивительно поэтому, что именно на него и возложена была эта новая задача. Къ тому же въ основѣ своей она не представляла собой ничего новаго; князь спервоначала былъ военнымъ сторожемъ волости; эти-же сторожевыя и охранительныя обязанности онъ несъ и теперь; произошло только количественное увеличеніе заботъ, входящихъ въ одну и ту-же категорію съ прежними его заботами по охранѣ внѣшней цѣлостности волостныхъ владѣній. Князь такимъ образомъ по прежнему долженъ былъ стоять на стражѣ внѣшней безопасности волости.

Итакъ, главною обязанностью князя оставалась прежняя забота обереженія цѣлости волости, но рядомъ со старымъ способомъ такого обереженія военной силой сталъ новый способъ, правовой; волость оберегалась теперь не только физической силой, но и силой нравственной; съ развитіемъ общественности послѣдняя сила выступала все яснѣе; такъ, согласіе и миръ между отдѣльными волостями стали охраняться не только подъ давленіемъ физическихъ угрозъ, но и договорами. Вполнѣ естественно, что и заключеніе такихъ договоровъ отъ имени волости должно было выпасть на долю князя; онъ сталъ выступать въ подобныхъ случаяхъ, какъ представитель государства-волости, заключая договоры съ сосѣдомъ-княземъ не только о ненарушимости волостныхъ владѣній, но и обезпечивая себѣ помощь сосѣда „отъ враждебныхъ посягательствъ третьихъ лицъ“. Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣ случаи заключенія подобныхъ договоровъ: они слишкомъ хорошо извѣстны[1]). Однимъ изъ основныхъ принциповъ такихъ договоровъ было стремленіе оградить возможно лучшимъ образомъ государственную самостоятельность волости. Таковы, напримѣръ, первыя договорныя отношенія Рюриковичей-Святославичей въ X вѣкѣ, или постановленія Любецкаго договора

[1]) См. проф. Сергѣевичъ, „Рус. Юрид. Древности“, томъ II, стр. 131 и слѣд.

XI вѣка и многочисленные примѣры подобныхъ ему договоровъ XII столѣтія.

Конечно, часты бывали и случаи нарушенія договорныхъ постановленій; многіе договоры существовали весьма короткое время и нарушались при первой выгодной возможности. Но такія нарушенія не подрываютъ уже основы „договорныхъ“ отношеній князей. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ князья дѣйствовали какъ представители и уполномоченные волости, вполнѣ равноправные взаимно. Послѣднее же начало, „равноправность“ князей, служило основаніемъ другому принципу — „братству“ князей. Затрудненія, съ которыми въ данномъ случаѣ встрѣтилась княжеская власть, вытекали главнымъ образомъ изъ ихъ личныхъ отношеній другъ къ другу, изъ-за ихъ собственныхъ „которъ“ и усобицъ. Что же такое могло значить „братство“ князей-Рюриковичей, о которомъ говорятъ многіе историки?

Вѣрно подмѣтилъ проф. Сергѣевичъ одну общую черту многихъ княжескихъ договоровъ, благодаря которой ясно, что терминъ этотъ имѣлъ значеніе для князей, что они съ нимъ считались, придавая ему опредѣленное содержаніе [1]), но по нашему мнѣнію, не совсѣмъ вѣрно толкуетъ уважаемый авторъ значеніе даннаго термина. „Братство“ князей могло заключаться лишь въ юридическомъ равенствѣ, хотя и имѣющемъ нѣкоторый нравственный оттѣнокъ; послѣдній выступаетъ наружу въ приводимой авторомъ фразѣ, что князья обязываются „держать своихъ союзниковъ въ братствѣ, во чти, безъ обиды“. Оно значитъ въ данномъ случаѣ и любовь, и хорошія отношенія, и доброжелательство и т. п. Но мы не можемъ придать этому термину еще и другого значенія, какъ то дѣлаетъ проф. Сергѣевичъ, указывая, что рядомъ съ равенствомъ, братство является также признакомъ общаго происхожденія князей, ихъ родственности. „Князья никогда не подданные другого князя, а равные ему“, говоритъ онъ. Но этому противорѣчитъ его же собственное заявленіе, что князья съ этимъ началомъ не считались, не

---

[1]) В. н. с., томъ II, стр. 150 и слѣд.

„уважая княжеское происхожденіе слабыхъ“; противорѣчитъ этому и положеніе служебныхъ князей, такъ хорошо обрисованное имъ же самимъ.

Термины „братъ“, „братье“, устанавливали лишь одно юридическое равенство, при которомъ предполагалось доброжелательное, а не коварное отношеніе другъ къ другу; послѣднее обстоятельство объясняетъ намъ, напр., обращеніе Изяслава Мстиславича ко Всеволоду, въ которомъ онъ называетъ его „братомъ“, тогда какъ по родству Всеволодъ былъ ему дядя (Сергѣевичъ, II том., стр. 151). Совершенно аналогичное, нравственное значеніе имѣлъ и терминъ „отче“, хотя и употребляемый гораздо рѣже; и въ этомъ случаѣ мы не имѣемъ вовсе указанія на родственныя связи, а лишь на доброжелательныя, нравственныя, хорошія взаимныя отношенія [1]).

Но подобное юридическое равенство князей далеко еще не значило равенство фактическое. Наоборотъ, между князьями существовало открыто признанное неравенство; послѣднее вызывалось, во-первыхъ, семейными счетами, тѣмъ положеніемъ, которое князь занималъ въ родовой лѣствицѣ, во-вторыхъ, его личнымъ могуществомъ, тѣми силами и качествами, которыми онъ располагалъ въ борьбѣ за существованіе, и наконецъ, въ третьихъ, на этотъ вопросъ оказывало вліяніе и положеніе города, въ которомъ князь княжилъ, среди прочихъ славянскихъ городовъ и волостей.

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ хорошо извѣстное дѣленіе князей на старшихъ и младшихъ, на великихъ и удѣльныхъ, дѣленіе, основанное на родовомъ счетѣ; такъ отецъ былъ старше сына, старшій братъ старше младшаго, дядя старше племянника и т. д. Но подобное старшинство не давало пользовавшемуся этимъ титуломъ князю никакихъ особыхъ юридическихъ преимуществъ; положеніе его и въ этомъ случаѣ было совершенно равное прочимъ князьямъ, и тѣ выгоды, которыми пользовались

[1]) Значеніе термина „отче“ было выяснено еще Погодинымъ (см. его I томъ Исторіи) и Бѣляевымъ (см. его Лекціи). Такъ же объясняютъ названные авторы и терминъ „брате“.

нѣкоторые, и то далеко не всѣ старшіе князья, были чисто фактическими, личными и временными. Старѣйшинство не давало такимъ образомъ никакихъ юридическихъ преимуществъ [1]).

Рядомъ со старшинствомъ семейнымъ и родовымъ, выдѣлявшимъ одного князя изъ среды прочихъ, слѣдуетъ поставить и личныя качества отдѣльныхъ князей, благодаря которымъ нѣкоторые изъ нихъ сумѣли соединить въ своихъ рукахъ такое физическое могущество, которое несомнѣнно такъ же выдѣляло ихъ изъ всей семьи Рюриковичей; вспомнимъ только возвышеніе Суздальскихъ, а впослѣдствіи и Московскихъ князей, возвышеніе, которое было создано дѣятельностью и энергіей отдѣльныхъ личностей, завоевавшихъ себѣ такимъ образомъ старѣйшинство помимо родового счета, благодаря лишь личнымъ своимъ качествамъ; и въ такихъ случаяхъ, какъ, напр., княженіи Боголюбскаго, Всеволода Большого Гнѣзда, потомковъ Ивана Калиты, мы имѣемъ примѣры фактическаго неравенства, господ-

[1]) Не всегда такъ разрѣшался вопросъ о старѣйшинствѣ князей въ нашей литературѣ. Соловьевъ, а за нимъ и Кавелинъ, устанавливали самую строгую іерархію княжескаго рода и приписывали старшему князю положеніе патріарха въ семьѣ Рюриковичей и сюзереннаго короля въ Русской землѣ; а Кавелинъ рядомъ съ этимъ проводилъ и еще болѣе казусное, іерархическое старшинство всѣхъ русскихъ городовъ; такъ, великій князь былъ старшимъ въ родѣ Рюриковичей, а Кіевъ старшимъ городомъ славянскихъ земель; Владиміръ Мономахъ оказался старѣйшимъ надъ прочими князьями, въ той же мѣрѣ, какъ Кіевъ былъ старше Переяславля, Рязань старше Пронска и т. д. Но разъ мы принимаемъ за основу роста отдѣльныхъ городскихъ центровъ ихъ соціальное и экономическое развитіе и общественное развитіе всей волости, то этимъ самымъ исключаемъ и всякую, возможность установленія общей для всей Русской земли іерархіи городовъ; каждая волость, какъ мы видѣли, развивалась совершенно самостоятельно и независимо. Что же касается іерархическаго старшинства княжескаго рода, то въ настоящее время уже достаточно ясно доказано, что таковаго никогда не существовало, что столъ великаго князя „добывался“ наравнѣ съ прочими столами, и что юридически онъ не давалъ рѣшительно никакихъ преимуществъ; великій князь не отличался въ своемъ правовомъ положеніи отъ прочихъ князей и только иногда, благодаря своимъ личнымъ качествамъ или другимъ случайнымъ обстоятельствамъ, могъ главенствовать надъ другими сородичами; къ тому же, слишкомъ часто нарушалось старшинство родовое и великимъ княземъ становился не старшій по

ства одного князя надъ многими другими; но опять-таки и въ этой второй категоріи случаевъ главенства или старшинства, преимущества были не юридическими, а чисто фактическими.

Наконецъ третьей причиной неравенства было „старшинство" нѣкоторыхъ городовъ, какъ, напр., Кіева, среди прочихъ волостей; князь, который княжилъ въ такомъ „старшемъ" городѣ, получалъ вслѣдъ за нимъ и самъ положеніе старшаго или великаго; такъ, долгое время князь, княжившій въ Кіевѣ, считался старшимъ или великимъ въ семьѣ Рюриковичей; вспомнимъ хотя бы Владиміра Мономаха, получившаго титулъ великаго князя не по родовому старшинству, а только благодаря своему призванію на Кіевскій столъ. Основой неравенства въ данномъ случаѣ было главенство, экономическое и общественное, одного какого-нибудь города, какъ, напр., Кіева или впослѣдствіи Владиміра и Суздаля, надъ сосѣдними городами, главенство, которое не могло не влечь за собой и извѣстной гегемоніи въ общественной жизни Руси; такая гегемонія города

семейному счету князь (ср. съ трудами проф. Костомарова „Начало единодержавія въ древней Руси", и проф. Сергѣевича „Рус. юридич. древности", томъ II; въ частности: дополнит. глава къ IV книгѣ, посвященная возраженіямъ противъ родовой теоріи нашихъ ученыхъ XIX вѣка). Возраженія, сдѣланныя г. Сергѣевичу Градовскимъ („Гос. строй древней Россіи", стр. 113—118) для насъ не убѣдительны. Градовскій вѣрно указываетъ, что „*между князьями*" былъ извѣстный порядокъ наслѣдованія и старшинства, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія; но порядокъ этотъ существовалъ *только* „между князьями"; а такъ какъ княженіе ихъ основано было, какъ признаетъ и самъ Градовскій, на призваніи народомъ, то очевидно семейный порядокъ наслѣдованія долженъ былъ сильно стушевываться; разъ принимается начало, что княжескіе столы *добывались, а не наслѣдовались*, то этимъ самымъ отрицается и Соловьевская теорія „лѣствичнаго восхожденія", которая по свидѣтельству и самого ея создателя, Соловьева, постоянно нарушалась; и дѣйствительно, лѣтописецъ даетъ намъ чрезвычайно малое число примѣровъ „восхожденія" князей по порядку старшинства. Въ настоящее время теоріи лѣствичнаго восхожденія держится проф. Ключевскій (ср. „Курсъ русской исторіи", часть I, лекція XI), хотя назв. авторъ самъ сильно подрываетъ ея значеніе, замѣчая, что порядокъ этотъ „дѣйствовалъ всегда и никогда—всегда отчасти и никогда вполнѣ". Теорія проф. Ключевскаго вытекаетъ изъ того обстоятельства, что имъ оставляется совершенно въ тѣни роль вѣча и значеніе народной воли въ нашей древности.

не могла не отражаться также и на положеніи князя этой волости, которому предоставлялись болѣе могущественныя средства, какъ военныя, такъ и экономически-соціальныя, въ его борьбѣ со своими сородичами.

Но разъ существовало неравенство, хотя бы только фактически, то должны были существовать и споры и усобицы за преобладаніе или старшинство; такъ было и между князьями; вся исторія этой эпохи представляетъ собою безконечное повѣствованіе о княжескихъ „которахъ", о ихъ борьбѣ и спорахъ за старшинство родовое или семейное, равно какъ и за „добычу" себѣ стола и обезпеченіе своего наслѣдства потомкамъ. Большинство споровъ разрѣшалось силой, лишь меньшая ихъ часть находила себѣ мирное разрѣшеніе посредствомъ договоровъ и соглашеній, и чѣмъ многочисленнѣе становился Рюриковъ родъ, тѣмъ больше должно было возникать поводовъ къ спорамъ и усобицамъ изъ-за старшинства, тѣмъ запутаннѣе становилось разрѣшеніе отдѣльныхъ претензій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнѣе должна была выступать потребность князей обезпеченія своего положенія и стола посредствомъ договора.

Въ этомъ факторѣ мы имѣемъ, слѣдовательно, одну изъ причинъ того огромнаго увеличенія числа междукняжескихъ договоровъ, о которомъ свидѣтельствуютъ намъ источники; до XII вѣка въ нихъ не было такой необходимости.

Чрезвычайно многочисленные примѣры княжескихъ споровъ изъ-за старшинства освѣщаютъ намъ съ очень некрасивой стороны дѣятельность князей этого періода; всѣ подобные споры и которы, были постоянными и хорошими предлогами къ войнѣ, къ насильственному захвату лучшаго стола; если только какой-либо князь чувствовалъ за собой силу и предполагалъ возможной успѣшную войну со старшимъ, онъ безъ зазрѣнія совѣсти поднималъ вопросъ о старшинствѣ и затѣмъ прибѣгалъ къ разрѣшенію его силой, полагаясь на военную удачу. Князья, такимъ образомъ, какъ чрезвычайно вѣрно замѣтилъ проф. Сергѣевичъ (стр. 282), занимали столы, не въ силу какого-

либо принципа, напр., старѣйшинства, а лишь въ силу „умѣнья занять столъ и удержать его за собой“.

Итакъ положеніе старѣйшаго, великаго князя, вплоть до Московскаго періода, было лишь фактическимъ преимуществомъ, обладаніемъ большей силой, а не бо́льшими правами; старшимъ былъ сильнѣйшій, а не болѣе привилегированный; и начало это, самымъ тѣснымъ образомъ связанное съ другимъ основнымъ началомъ той эпохи, съ началомъ „добыванія“ столовъ, должно было существовать пока существовалъ и такой порядокъ преемства княженій, также основанный лишь на силѣ. Какъ вѣрно замѣтилъ покойный Градовскій [1]), „іерархія между князьями и городами была фактическая, а слѣдовательно и всѣ отношенія между ними были построены или на соглашеніи, или на силѣ. Не было порядка, опредѣлявшаго, хотя бы въ идеѣ, отношенія между князьями: отсюда добываніе столовъ, съ одной стороны, и княжескіе съѣзды и договоры, съ другой“. Окончательнымъ же выясненіемъ этого основного начала разбираемой эпохи мы обязаны проф. Сергѣевичу.

Но если такъ часто нарушались права старшинства, какъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ намъ лѣтописецъ, то это еще не значитъ, что князьями вовсе отрицалось наслѣдственное преемство столовъ. Наоборотъ, въ средѣ княжеской семьи, еще со времени Святослава, не могло не признаваться начало родового и семейнаго старшинства; но начало это, въ силу того положенія, которое занималъ князь въ волости, обречено было на очень второстепенную роль. Князья могли считаться и дѣйствительно считались со своимъ старшинствомъ и съ порядкомъ „лѣствичнаго восхожденія“, но мало считался съ этимъ принципомъ народъ, призывавшій князя; народу до него было мало дѣла, такъ какъ главное вниманіе его поглощалось личными качествами князя и силой его дружины, а не его семейными правами; лучшимъ подтвержденіемъ этому положенію могутъ служить примѣры призванія князей „до живота своего“,

---

[1]) Государственный строй древней Россіи, стр. 132.

когда ему уступался, слѣдовательно, княжескій столъ, безъ какого-либо наслѣдственнаго притязанія для его семьи [1]).

Но, какъ мы уже видѣли, съ теченіемъ времени, для волости стало выгоднымъ удерживать у себя князя и его семью. Призваніе новаго князя всегда сопряжено было съ большимъ рискомъ; въ выборѣ новаго можно было легко напасть на худшаго князя, получить болѣе безпокойную и сварливую личность и болѣе требовательную дружину; а кромѣ того волость могла быть втянута, какъ новымъ княземъ, такъ и самимъ фактомъ призванія новаго кандидата, въ княжескія усобицы, другими словами, въ войну съ другой волостью; всякій фактъ призванія могъ вызывать случаи мести, усобицы, гнѣвъ сильнѣйшаго сосѣда и т. д. и т. д.

Вполнѣ естественно поэтому, что волость часто не протестовала противъ княженія наслѣдниковъ князя, если дѣятельность послѣдняго ихъ удовлетворяла. Что же касается самого князя, то, какъ мы уже сказали, въ его интересахъ было прочнее укрѣпиться въ данной волости; ему уже невыгодны были его прежніе переходы и свобода передвиженія изъ волости въ волость. Когда съ теченіемъ времени князьямъ стало значительно труднѣе занимать столы и обезпечивать княженіе своему потомству, все яснѣе становилась необходимость для нихъ связывать свою жизнь и свои интересы съ одной какой-либо волостью. Въ особенности важно было, въ такихъ случаяхъ, обезпечивать себѣ благоволеніе народа для подготовки возможности наслѣдственнаго княженія дѣтямъ. Постепенно и незамѣтно, все усиливаясь, развивался этотъ процессъ созданія новыхъ связей, болѣе прочныхъ сравнительно съ прежними, между княземъ и волостью. На этихъ вновь создаваемыхъ жизнью связяхъ князя съ народомъ, основывалась и возможность наслѣдственнаго преемства стола, такъ наз. начало отчины; въ нихъ крылась для князя возможность „распоря-

---

[1]) Ср. съ примѣрами, приводимыми г. Сергѣевичемъ изъ исторіи Кіевской и Ростовской волостей („Р. Юр. Древн.“, томъ II, книга 3, стр. 76 и слѣд.).

жаться“ своимъ столомъ и наслѣдствомъ; только они, эти связи, могли обезпечивать исполненіе завѣщательныхъ распоряженій князя, но, надо сказать, обезпеченіе было еще очень слабое; рядомъ съ правомъ завѣщательнымъ стоялъ стражъ народной воли, заключавшійся въ необходимости наличія согласія вѣча на княжеское „распоряженіе“ или завѣщаніе; часто право завѣщанія князя признавалось tacitu consensu; въ особенности, если князь былъ любимъ своимъ народомъ, но этимъ, конечно, нисколько не подрывается указанное соотношеніе этихъ двухъ сталкивающихся силъ, княжеской власти и народной воли; первая была подчинена второй и зависима отъ нея. Только этимъ можно объяснить, по нашему крайнему разумѣнію, то обстоятельство, что несмотря на указанное выше стремленіе князей утвердить за собой завѣщательное право, стремленіе, которое находило себѣ опору, какъ мы видѣли, въ появленіи новыхъ связей между княземъ и народомъ, начало отчины все еще было чрезвычайно шатко, подвергалось постояннымъ колебаніямъ и нарушеніямъ и долго еще не могло стать общеустановленнымъ правовымъ началомъ.

Наслѣдственное право князей на занимаемые ими столы такъ и не могло укрѣпиться въ данной эпохѣ; оно постоянно оспаривалось, постоянно нарушалось, какъ народомъ, такъ и самими князьями. Отсюда только увеличивались безчисленные споры братьевъ между собой, дядей съ племянниками, отсюда и торжество принципа сильнѣйшаго, болѣе приспособленнаго къ борьбѣ за существованіе. Недаромъ г. Сергѣевичъ называетъ начало отчины „голой идеей“ (стр. 243, II тома). И дѣйствительно, оно было въ большинствѣ случаевъ лишь предлогомъ къ которамъ или войнѣ; вспомнимъ лишь тѣ безконечные усобицы князей, отличавшія XII и XIII вѣка.

Однимъ изъ малочисленныхъ способовъ хотя немного укрѣпить за своей семьей начало отчины было заключеніе договоровъ съ возможными претендентами на данный столъ. Мы знаемъ не одинъ примѣръ подобныхъ договоровъ; вспомнимъ хотя бы договоры Андрея Кіевскаго съ братомъ Юріемъ, Вс

волода Ольговича съ тремя другими князьями, Юрія Ростовскаго и Ярослава Галицкаго и многихъ другихъ князей. Но такіе договоры могли быть лишь слабыми палліативами; выгода слишкомъ часто заставляла князей нарушать свои торжественные обѣты. Таково ужъ было время; основнымъ принципомъ жизни было торжество силы—la porce prime le droit [1]).

Итакъ, тяжелое и запутанное положеніе князя въ своей собственной семьѣ и въ своемъ собственномъ родѣ могло находить себѣ одинъ лишь мирный выходъ, посредствомъ договора съ сосѣдомъ и сородичемъ княземъ. Таковы договоры князей о союзѣ и братствѣ, соединявшіе нѣсколькихъ изъ нихъ для общихъ дѣйствій, наступательныхъ или оборонительныхъ; таковъ былъ Любецкій договоръ, таковы были и многіе другіе, дошедшіе до насъ изъ временъ XII вѣка; эти акты устанавливаютъ единство дѣйствія нѣсколькихъ князей, обязанность „якоже за одинъ мужъ быти“, „быти всѣмъ за одинъ братъ“. Лѣтопись даетъ намъ много примѣровъ подобныхъ союзовъ, вызванныхъ желаніемъ князей усилить свое положеніе помощью своихъ собратьевъ.

Что же касается способовъ обезпеченія междукняжескихъ договоровъ, то ихъ было немного; главными изъ нихъ были обыкновенно клятвенное обѣщаніе (цѣлованіе креста) и передача спора на рѣшеніе третейскаго судьи, которымъ чаще всего бывалъ сильнѣйшій князь Рюриковичъ или церковный іерархъ. Но рядомъ съ этими двумя правовыми способами стоялъ и фактическій самосудъ князя.

Наконецъ послѣднимъ средствомъ соглашенія князей были личные переговоры и съѣзды. Князья нерѣдко созывали своихъ коллегъ на съѣздъ для обсужденія спорныхъ вопросовъ [2]); но

---

[1]) Ср. Бестужевъ-Рюминъ, „Русская исторія“, томъ I, глава VII, отдѣлъ 5, стр. 434 и слѣд.

[2]) Ср. проф. Сергѣевичъ, в. н. с., томъ II, стр. 211 и слѣд. Главнѣйшими примѣрами княжескихъ съѣздовъ были: Любецкій съѣздъ 1097 года, Витичевскій—1100 года, Золотчинскій—1101 года, Долобскій—1103 года и съѣздъ у Мстислава Изяславича въ 1170 году.

очевидно, что никто изъ князей не былъ обязанъ ѣхать на съѣздъ; такая поѣздка обусловливалась лишь его доброй волей и личной выгодой; въ данномъ случаѣ каждый князь пользовался полнѣйшей свободой дѣйствія и самостоятельностью.

Таковы тѣ сложныя отношенія, которыя существовали между князьями Рюриковичами. Нельзя сказать, чтобы они были легкими для князей. Въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ неизбѣжно должна была господствовать извѣстная двойственность, проистекавшая изъ ихъ положенія въ волости и въ собственномъ Рюриковомъ родѣ; они сносились между собой, какъ самостоятельные и независимые представители волости-государства и были на этомъ основаніи юридически равноправны, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны были считаться до извѣстной степени и съ тѣми узами родства, которыя ограничивали ихъ свободу дѣйствій фактомъ происхожденія отъ одного родоначальника и проистекающимъ отсюда началомъ старшинства; разрѣшеніе такое запутанное положеніе находило себѣ въ слишкомъ частой помощи физической силы. Рядомъ съ договорами князей продолжалъ стоять грозный призракъ войны.

Намъ остается здѣсь коснуться послѣдняго важнаго вопроса интересующей насъ эпохи, а именно, какъ при отмѣченномъ выше раздробленіи Русской земли на сотни мельчайшихъ волостей, притомъ въ государственномъ отношеніи вполнѣ самостоятельныхъ и независимыхъ, какъ сохранялось „единство Руси“, какъ она не распалась окончательно.

Мы видѣли какъ развивался и росъ процессъ дробленія и мельчанія волостей, столь увеличившій ихъ количество на Руси удѣльнаго времени, мы разобрали также и причины, вызвавшія такой процессъ, а равно и ту чрезвычайно второстепенную роль, которую играли въ немъ князья, намъ остается теперь указать, на тѣ соціальныя данныя, которыя, несмотря на государственное разъединеніе Руси, сохраняли за ней все-таки извѣстное единство. Процессъ дробленія русской земли основывался, какъ мы видѣли, на общественно-экономическомъ ростѣ

южныхъ волостей и колонизаціи Сѣвера [1]), единство же Руси обезпечивалось ей этнографическимъ, бытовымъ и религіознымъ единствомъ, а также и единствомъ языка и народнаго самосознанія, и лишь косвенно и единствомъ династіи Рюриковичей.

Всѣ эти факты, конечно, не могли не придавать извѣст-

[1]) Мы уже выше указывали (IV — главы) на несостоятельность теоріи Карамзина и его послѣдователей, а также и на неудачность конструкціи С. М. Соловьева, выставлявшихъ главными виновниками государственнаго раздѣленія Руси князей, безконечно дѣлившихъ свои владѣнія, раздававшихъ въ разныя руки свои города. Также не пріемлема теорія Погодина и Чичерина, создававшая изъ князей собственниковъ всей волостной земли, а потому и распорядителей ею. Уже Пассекъ, а за нимъ и Костомаровъ и Ключевскій, доказывали неправильность подобныхъ построеній. Какъ нѣтъ никакихъ данныхъ для признанія князей главными виновниками раздробленія волостей, такъ нельзя найти въ тѣхъ же князьяхъ и обратнаго стремленія, „собиранія земли Русской", какъ то желали установить нѣкоторые ученые; обыкновенно собирателями Русской земли выставляются нѣкоторые Суздальскіе князья; но, какъ доказано другими изслѣдователями (см. напр. Костомаровъ, „Начала единодержавія", стр. 40), князья эти лишь пользовались счастливо слагавшимися для нихъ обстоятельствами для увеличенія своихъ волостей, ничуть не заботясь о „Русской землѣ" вообще. Но если Костомаровъ такъ удачно разбилъ доводы прежнихъ построеній, доказавъ ихъ несостоятельность, то тѣмъ не менѣе самъ не выставилъ взамѣнъ ихъ собственной теоріи, которая была бы пріемлема для современной науки. Названный авторъ, вполнѣ правильно установивъ государственную самостоятельность волости и проистекавшее изъ таковой дробленіе Руси на десятки мелкихъ государствъ, видѣлъ признаки ея единства въ существованіи „федераціи". Но, какъ мы уже упоминали, взглядъ этотъ не выдерживаетъ критики потому, что необходимый для признанія существованія федераціи признакъ наличности общаго верховнаго органа, въ удѣльной Руси отсутствовалъ. Власть великаго князя, юридически ничѣмъ не отличалась отъ власти прочихъ князей; у него не было никакихъ преимуществъ надъ своими сородичами, всякій изъ которыхъ являлся вполнѣ самостоятельнымъ (юридически) представителемъ своей волости. Съ паденіемъ построенія Костомарова исчезаетъ и послѣдняя попытка установленія юридическаго или государственнаго единства Руси той эпохи; въ настоящее время можно считать окончательно установленнымъ, что его не существовало. Но если невозможно признаніе единства юридическаго или государственнаго, то этимъ еще не отрицаются другіе виды единства, которые несомнѣнно и можно найти въ Русской землѣ, а именно, какъ сказано выше, единство этнографическое, единство религіи, языка и народнаго самосознанія, равно и единство бытовое.

наго единства славянскимъ волостямъ, создавая тѣмъ одну общую святую Русь, несмотря на одновременное и параллельное существованіе государственной и юридической обособленности каждой отдѣльной волости. Рядомъ же съ этимъ существовали и нѣкоторые экономическіе факторы, уже отмѣченные въ нашей литературѣ проф. Ключевскимъ, которые также въ извѣстной степени способствовали объединенію въ одно общее цѣлое славянскихъ волостей.

Особенно важную роль конечно играло единство племенное, этнографическое, какъ то правильно указалъ Костомаровъ [1]); въ то время какъ, слѣдовательно, одни соціальные факторы развитія общественной жизни и государственности славянскихъ волостей направлены были, какъ мы видѣли, къ государственному обособленію каждой отдѣльной волости, другіе факторы исторіи разбираемой эпохи стремились къ утвержденію нѣкотораго общаго единства всѣхъ волостей; къ числу послѣднихъ и на первомъ мѣстѣ между ними стояло единство происхожденія славянскихъ племенъ, сознаніе народомъ своего этнографическаго единства, происхожденіе отъ одного корня, чему способствовали въ сильной мѣрѣ и единство языка и религіи. Къ воздѣйствію послѣдней мы вернемся ниже, при разборѣ отношеній государства и княжеской власти къ православной церкви.

Что же касается народнаго самосознанія или единства бытового, также объединявшаго славянскія волости, то, по вѣрному замѣчанію проф. Платонова, оно также несомнѣнно существовало [2]); „съ его высоты народъ обсуждалъ свое политическое неустройство, осуждалъ князей за то, что они „несли землю разно“ своими „которами“, и распрями, и убѣждалъ князей жить въ согласіи въ интересахъ единой „земли Русской“. Этихъ общественныхъ единяющихъ элементовъ, конечно,

[1]) „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, I томъ Собр. Соч.

[1]) Лекціи по русской исторіи (читанныя въ 1900—1901 уч. году въ Алекс. Военно-Юридич. Академіи, Спб. 1901 г.), стр. 77.

было совершенно достаточно, чтобы противодѣйствовать распаденію удѣльной Руси, несмотря на ея государственное и политическое раздробленіе.

Несмотря на раздѣленіе Руси на десятки мелкихъ государствъ, мы находимъ много признаковъ ея единства; возьмемъ хотя бы народную поэзію, въ которой такъ ярко отражается идея „единой святой Руси"; надъ государственною самостоятельностью и политическою обособленностью стоялъ общій національный и бытовой духъ единаго народа, единой Русской земли.

Но и въ этомъ процессѣ роль, удѣленная князю, была весьма второстепенная. Только косвеннымъ образомъ могъ онъ вліять на объединеніе Руси; а проявлялось это вліяніе черезъ посредство одного лишь обстоятельства, единства княжескаго рода. Первое появленіе „удѣла" находимъ мы въ примѣрѣ княженія сыновей Святослава, распредѣлившаго свои волости между своими сыновьями. Отдавая города или пригороды въ управленіе, вполнѣ естественно, что князь предпочиталъ отдавать ихъ именно сыновьямъ, которые вслѣдствіе этого послѣ его смерти, сами становились самостоятельными князьями. Мы видѣли выше, каковы были тѣ причины, которыя способствовали созданію и укрѣпленію связей между княжеской семьей и волостью [1]), намъ остается здѣсь указать, что, благодаря тому, что князья призывались изъ одного рода Рюриковичей, въ ту эпоху, когда уже существовала болѣе прочная чѣмъ раньше связь между княземъ и волостью, фактъ единства княжескаго рода долженъ былъ несомнѣнно отражаться и на единствѣ всей Русской земли, являясь косвеннымъ подспорьемъ подобнаго объединенія. Само по себѣ единство княжескаго рода не могло, конечно, создавать соціальнаго единства Русской земли, но при наличности вышеуказанныхъ соціальныхъ факторовъ, оно явилось въ помощь имъ.

Спорнымъ остается одинъ только вопросъ, почему волости

---

[1]) См. выше, стр. 121 и слѣд.

призывали именно Рюриковичей, и почему на ряду съ ними не появились и другіе княжескіе роды. По нашему крайнему разумѣнію разрѣшеніе и этого труднаго вопроса надо искать единственно въ общественномъ развитіи волости и той группѣ соціальныхъ факторовъ, которые вызвали появленіе князя въ славянской волости вообще, а затѣмъ плотнѣе связали его интересы съ интересами волости. Князья Рюриковичи лучше всего были приспособлены къ такой роли управителей и военныхъ защитниковъ волости; положеніе, занятое первыми Рюриковичами, обезпечило имъ сильныя дружины, хорошо организованную военную силу. Съ размноженіемъ Рюрикова рода, отдѣльные Рюриковичи продолжали группировать вокругъ себя старыхъ дружинниковъ, а подобные соціальные центры военной силы и представляли собой какъ разъ тотъ элементъ, который нуженъ былъ волости, для ея внѣшней охраны. Имена Олеговъ, Святославовъ, Владиміровъ, обезпечивали ихъ потомкамъ постоянный наплывъ дружинниковъ, воевъ-молодцовъ, которые считали для себя болѣе выгоднымъ группироваться вокругъ извѣстнаго имени, чѣмъ ходить подъ предводительствомъ неизвѣстнаго. Дружина же княжеская обезпечивала и самому князю его соціальное положеніе и давала ему возможность входить въ сношенія съ народомъ, земщиной и вѣчемъ, волостью. Такъ постепенно создавались болѣе прочныя связи волости съ княземъ, связи, обезпечивавшія впослѣдствіи волостные столы исключительно Рюриковичамъ.

IV.

Положеніе церкви и ея отношенія ко княжеской власти.

Намъ остается теперь разсмотрѣть еще одинъ фактъ, вліявшій на положеніе княжеской власти. Мы имѣемъ въ виду православную церковь, которая въ разбираемомъ періодѣ за-

воевала себѣ прочное положеніе среди Славянъ; князю, вслѣдствіе этого, теперь приходилось считаться съ духовенствомъ, съ его правовымъ положеніемъ и нравственнымъ вліяніемъ какъ на народъ, такъ и на междукняжескія отношенія. Извѣстно, что какъ и самые догматы православія, такъ и первые іерархи православной церкви пришли на Русь изъ Византіи. Первые пришли въ опредѣленно установившихся формахъ, освященные временемъ и византійскими патріархами, какъ бы въ твердомъ и застывшемъ видѣ; вторые же явились на Руси независимыми ставленниками Константинополя, самостоятельными служителями церкви, спервоначала же занявшими въ „дикой странѣ Славянъ" независимое отъ княжеской и государственной власти положеніе. Въ Византіи благословлялись они на свою дѣятельность, оттуда, слѣдовательно, черпали и свою нравственную силу, и туда, въ Византію, тянули своею отвѣтственностью.

Изъ этого вытекали два важныхъ для насъ слѣдствія: во-первыхъ, отстраненіе князей отъ осуществленія какого-либо вліянія на внутреннюю жизнь церкви, на развитіе и приспособленіе къ мѣстнымъ условіямъ ея догматовъ, а во-вторыхъ, полнѣйшая независимость и внѣшняго положенія церкви, ея іерарховъ и служителей, которые зависѣли отъ Византіи, съ княземъ же и волостью сносились, какъ самостоятельные субъекты договорнаго права.

„Неразвитый умъ древняго русскаго человѣка неспособенъ былъ критически разобраться въ массѣ религіозныхъ обрядностей, онъ вѣрилъ слѣпо, безотчетно и, свободный отъ сомнѣній и душевныхъ тревогъ, онъ принималъ въ наслѣдіе отъ своихъ предковъ традиціонныя формы культа, совершенно такъ же, какъ онъ наслѣдовалъ отъ нихъ имущество, одежду, домашній скарбъ... То была дикая каменная глыба, отшлифовать которую было бы не подъ силу даже культурному и идеалистически настроенному миссіонеру" [1]).

[1]) „Наши епископы и самодержавіе". Проф. В. К. Соколовъ. „Вѣстникъ права", книга 3, 1906 года, стр. 9.

Нельзя болѣе картинно и ярко описать отношенія Славянъ той эпохи къ ихъ новой религіи.

Ни народъ, ни представители волости, князья, не въ состояніи были отнестись критически ко вновь принесеннымъ въ ихъ среду догматамъ; народъ былъ слишкомъ теменъ и слѣпо воспринималъ новый для него культъ, безпрекословно преклоняясь предъ новыми догматами и новой церковной іерархіей; представители же государства, князья, также не обладали необходимыми, для критическаго отношенія къ этому новому элементу общественной жизни, условіями развитія своего собственнаго міросозерцанія.

Христіанство было принесено въ Россію волею князя; Владиміръ, хотя и дѣйствовалъ съ согласія вѣча и дружины, предпринялъ этотъ знаменательный шагъ, главнымъ образомъ, по собственной иниціативѣ. Этимъ уже съ самаго начала опредѣлился порядокъ взаимныхъ сношеній церкви и государства; онъ шелъ постоянно черезъ руки князя, и только рѣдкими, исключительными случаями интересовалъ народъ или вѣче. Съ одной стороны, слѣдовательно, стоялъ князь какъ представитель интересовъ государства и славянскихъ земель, новопріобрѣтенныхъ для церкви, съ другой же — Византія, въ лицѣ патріарха, какъ верховная инстанція для вопросовъ догматическихъ, равно какъ и церковнаго управленія.

Очевидно, что и въ данной области положеніе обоихъ субъектовъ договорнаго права было неравное; при юридическомъ равноправіи существовало фактическое главенство Византіи надъ княземъ, церкви надъ государствомъ; духовенство православное, благодаря тому огромному разстоянію, которое географически отдѣляло его отъ начальства, главы церкви, пользовалось почти полной независимостью, которая не могла не усиливаться и благодаря его культурному превосходству надъ славянскимъ обществомъ; наоборотъ же, князь, вообще стѣсненный, какъ мы видѣли, въ своихъ дѣйствіяхъ тысячами связей, обреченъ былъ и въ церковныхъ вопросахъ, какъ догматическихъ, такъ и административныхъ, играть весьма второ-

степенную роль. Положеніе его скорѣе было похоже на положеніе посредника; вслѣдствіе этого уже съ самаго начала прихода христіанства на Русь, „церковное правительство“ стало въ совершенно независимое отъ государства положеніе; церковь была зависима лишь отъ Константинопольскаго патріарха, благодаря чему церковныя дѣла рѣшались въ большинствѣ случаевъ помимо князя.

Но, конечно, самымъ важнымъ обстоятельствомъ въ данной области долженъ былъ быть вопросъ о порядкѣ назначенія и зависимости духовныхъ іерарховъ; и въ этомъ отношеніи именно, княжеская власть не играла никакой роли; епископы назначались изъ Византіи, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ изъ Грековъ, и зависѣли лишь отъ Константинопольскаго патріарха. Извѣстны только два исключенія изъ даннаго правила, когда митрополиты были поставлены русскими князьями [1]); уже самая рѣдкость подобныхъ исключеній (два случая на протяженіи 250 лѣтъ), показываетъ, какъ мало были князья въ состояніи противупоставлять свою волю или свои интересы, порядкамъ, установляемымъ изъ Византіи. Серьезнаго противленія Константинополю не было и не могло быть со стороны князей.

Вплоть до возвышенія Москвы среди прочихъ волостей, продолжался подобный порядокъ вещей; только Московскіе князья, начиная съ Дмитрія Донского, стали оказывать вліяніе на вопросъ о поставленіи церковныхъ іерарховъ [2]).

---

[1]) См. Голубинскій „Исторія русской церкви“, первая часть I тома, стр. 289. Надо замѣтить, что названный авторъ допускаетъ возможность и другихъ случаевъ поставленія митрополитовъ князьями (кромѣ извѣстныхъ двухъ), но самъ же высказываетъ сомнѣніе по данному поводу. Конечно, и еще два-три подобныхъ примѣра не могли бы измѣнить общаго правила и соотношенія двухъ властей, княжеской и церковно-Византійской. Того же взгляда держится и проф. Сергѣевичъ, но приводитъ и третій примѣръ поставленія митрополита княземъ (Ср. „Рус. Юрид. Др.“, томъ II, стр. 548—551). См. также проф. Суворовъ, „Курсъ церковнаго права“, томъ I, стр. 135; Ярославль, 1889 г.

[2]) Сергѣевичъ, тамъ же, стр. 551.

Какъ справедливо замѣтилъ еще Милютинъ [1]), подобное соотношеніе русскихъ князей и церкви было выгодно обѣимъ сторонамъ. Церковь черпала въ немъ свое могущество и власть, князь же, благодаря ему, пользовался во многихъ случаяхъ услугами церкви. Послѣднія главнымъ образомъ оказывались при возникновеніи княжескихъ усобицъ и ссоръ; духовенство въ такихъ случаяхъ не разъ выступало третейскимъ судьей, примиряя спорящія стороны; но часты бывали и случаи посредничества духовенства между княземъ и народомъ. Духовенство, благодаря своей высшей культурѣ, пользовалось уваженіемъ среди мѣстнаго населенія, что давало ему возможность вмѣшиваться въ свѣтское управленіе и оказывать вліяніе и посредничество въ княжескихъ дѣлахъ [2]). Часто прибѣгая къ посредническимъ услугамъ духовенства и награждая его за это и привилегіями и имуществомъ, князья добровольно подчинялись верховенству церкви и никогда (за исключеніемъ можетъ быть Ярослава Вл.) не протестовали противъ него.

Надо сказать, что въ фактѣ назначенія на Русь греческихъ іерарховъ кроется одна хорошая сторона; вмѣстѣ съ іерархами приходили къ намъ греческая культура и просвѣщеніе; митрополиты-Греки приносили съ собой гораздо большій запасъ просвѣщенія, учености и культуры, чѣмъ могли бы дать въ этой области еще мало просвѣщенные славянскіе іерархи. Этому обстоятельству Россія, и въ частности православная церковь, многимъ обязаны распространенію въ странѣ именно тѣхъ элементовъ, которыхъ прежде больше всего недоставало странѣ; благодаря ему проникли на Русь первые лучи культуры и просвѣщенія.

Итакъ, княжеская власть въ области церковнаго управленія была весьма и весьма ограниченная; еще меньшимъ вліяніемъ пользовались князья въ вопросахъ догматическихъ; какъ

---

[1]) В. Милютинъ, „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи". „Чтенія въ Имп. Об-вѣ Исторіи и Древн. Росс.," 1859 года, книга 4.

[2]) Тамъ же, стр. 65 и слѣд.

мы уже упомянули, православная догма пришла на Русь въ законченномъ, строго установленномъ видѣ и формѣ, благодаря чему исключалась возможность „толкованія" догмы, въ особенности, если мы вспомнимъ, что князья, благодаря своей собственной малой просвѣщенности и культурѣ, не могли быть и способными къ подобной задачѣ. Что же касается другихъ, часто упоминаемыхъ въ учебникахъ церковнаго права, полномочій князей въ разбираемой области, какъ, напр., „учрежденія новыхъ епархій, перемѣщенія епископскихъ каѳедръ изъ одного города въ другой, перенесенія мощей, канонизаціи святыхъ" и т. п. [1]), то всѣ они относятся только номинально ко княжеской компетенціи, въ дѣйствительности находясь внѣ ея; такъ, напр., потребность въ перемѣщеніи епископскихъ каѳедръ возникала вслѣдствіе передвиженій соціальныхъ и экономическихъ центровъ мѣстной жизни и дѣятельности общества, что случилось, напр., во времена роста Ростово-Суздальской волости; князья въ подобныхъ случаяхъ могли идти лишь за теченіемъ общественной жизни.

Самостоятельное положеніе церкви исключало также возможность вмѣшательства князя въ область отношеній духовенства къ мірянамъ; для этого отсутствовало необходимое дисциплинарное право свѣтской власти, имѣвшееся, напр., во Франкскомъ королевствѣ; на Руси церковь сама справлялась со всѣми вопросами этой области; всѣ отношенія, создаваемыя жизнью и практикой, между міромъ и церковью регулировались собственными силами духовенства, при чемъ образцомъ служило, конечно, Византійское право; этимъ путемъ создавалась самая обширная и вполнѣ независимая отъ свѣтской власти область церковной юрисдикціи, на почвѣ Византійскаго права, лишь приспособленнаго къ мѣстнымъ условіямъ юридическаго быта Славянъ. Этимъ объясняется, что на Руси

---

[1]) Ср. Суворовъ, „Курсъ", томъ I, а также цитируемую имъ литературу, какъ, напр.: Знаменскій, „Руководство къ русс. церк. исторіи", Казань, 1886 г.; Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ исторіи русскаго права", вып. 1, Кіевъ, 1886 г., и мн. другіе.

такъ долго отсутствовало собственное церковное законодательство, т. е. законы, созданные собственною государственною властью. Первыя столѣтія послѣ крещенія Славянъ отношенія міряпъ къ церкви и правовое положеніе послѣдней регулировались исключительно одной Кормчей книгой, т. е. Византійскимъ Номоканономъ. Затѣмъ уже появились такъ называемые „Уставы Св. Владиміра и Ярослава"; современная наука церковнаго права отрицаетъ ихъ принадлежность именно этимъ князьямъ, приписывая ихъ появленіе на свѣтъ XIII и даже XIV столѣтіямъ [1]), при чемъ устанавливается тотъ фактъ, что содержимыя этими уставами нормы также заимствованы изъ Византіи.

Если и существовали правовыя нормы въ разсматриваемую эпоху, то всѣ онѣ находили себѣ основаніе въ Византійскомъ законодательствѣ и существовали на Руси въ видѣ нормъ лишь обычнаго права, вводимыхъ самою церковью; послѣдняя сама руководила своими отношеніями къ мірянамъ, сама установляла и нормы этимъ отношеніямъ, заимствуя основные принципы изъ Константинополя.

Кромѣ названныхъ двухъ уставовъ, имѣется цѣлый рядъ и другихъ законодательныхъ актовъ, регулировавшихъ положеніе церкви въ государствѣ, но основной ихъ принципъ одинъ и тотъ же; всѣ они проводятъ полнѣйшую самостоятельность церкви и церковнаго управленія; таковы, напр., уставы Новгородскихъ князей Всеволода—Гавріила, Святослава Ольговича

---

[1]) Ср. проф. Суворовъ, „Курсъ", томъ I, стр. 314 и слѣд.; Голубинскій, „Исторія рус. церкви", первый полутомъ. Послѣдній авторъ утверждаетъ безусловную подложность и всѣхъ прочихъ законодательныхъ актовъ, въ интересующей насъ области, принадлежащихъ тому же періоду русской исторіи (т. е. вплоть до XIII вѣка), за исключеніемъ жалованной граматы Ростислава Мстиславича Смоленскаго, изданной въ 1150 году, послѣ учрежденія новой Смоленской епархіи. См. также курсъ проф. Загоскина („Ист. рус. права"), глава III, отд. II, стр. 238 и слѣд. (окт. книжка Учен. Зап. Казанскаго унив. 1906 г.), гдѣ подробно и ясно излагаются всѣ доводы за и противъ подлинности церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава, а также приводится и полное ихъ содержаніе.

и Всеволода Мстиславича, Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, Кіевскаго—Мстислава и др. Въ этомъ же направленіи неизбѣжно долженъ былъ развиваться и другой вопросъ, компетенціи церковнаго суда; пространство дѣйствія послѣдняго постепенно расширяется, пріобрѣтая себѣ все новыя области; подобное расширеніе, имѣвшее своимъ основаніемъ именно вышеотмѣченную самостоятельность церкви въ опредѣленіи круга собственной компетенціи, произошло, какъ справедливо указывается историками церковнаго законодательства, въ до-монгольскій періодъ, т. е. тогда, когда церковь пользовалась еще самой полной независимостью. Позднѣе же, когда со временъ возвышенія Москвы и послѣдовавшаго за нимъ усиленія княжеской власти, князья стали все чаще вмѣшиваться въ церковныя дѣла, вслѣдствіе чего постепенно начала ограничиваться и церковная самостоятельность, княжеская власть не могла больше терпѣть подобной независимости, мало-по-малу прибирая къ рукамъ отдѣльныя области церковнаго управленія, изъ которыхъ на первомъ планѣ была компетенція церковнаго суда, претерпѣвшая такимъ образомъ, въ Московское время, первыя сильныя ограниченія.

Но была область, въ которой для церкви было необходимо обращаться къ помощи княжеской власти, а именно область финансовая; церковь съ первыхъ же дней своего обоснованія на Руси стала нуждаться въ финансовой поддержкѣ, а между тѣмъ именно эта область почти всецѣло находилась въ рукахъ князя; отсюда проистекала для церкви необходимость обращенія ко княжеской власти за помощью; князьямъ подобное обращеніе было выгодно; въ немъ они черпали нравственную поддержку церкви въ ихъ собственныхъ дѣлахъ, какъ въ вопросахъ междукняжескихъ, такъ и въ пререканіяхъ съ народомъ.

Суть дѣла, стало быть, заключалась въ урегулированіи способовъ и возможности для церкви имѣть доходы.

Уже очень рано стало появляться у церкви разнаго рода имущество; пожертвованіемъ ли частныхъ лицъ, либо князьями,

покупкой ли или завѣщаніями, пріобрѣталось церковное имущество, для насъ въ данномъ случаѣ безразлично [1]).

Съ теченіемъ времени, когда христіанство уже пустило прочные корни въ славянскихъ волостяхъ, у церкви, рядомъ съ другими видами имущества, стали появляться и имѣнія, земельная собственность. Первоначально такая форма собственности появляется у монастырей, приблизительно уже въ половинѣ XI вѣка [2]), а за ними и у прочей церкви; такимъ образомъ возникновеніе вотчиннаго права церкви и монастырей приходится пріурочить приблизительно къ одному времени, или немногимъ ранѣе, появленіе этого института и у боярства [3]). Что касается отдѣльныхъ способовъ пріобрѣтенія церковью земельной собственности, то всѣ они носили лишь частноправовой, а не публичный характеръ; здѣсь мы встрѣчаемъ и покупки, и оккупацію, заимку, и заселеніе пустопорожнихъ земель, колонизацію и т. п. [4]).

Но одинъ способъ, при такой постановкѣ вопроса, необходимо долженъ былъ отсутствовать, а именно, княжеское „пожалованіе“. Это послѣднее обстоятельство и важно для насъ въ данномъ случаѣ; первыя свои имѣнія церковь не могла пріобрѣсти ни путемъ уступки со стороны государства, ни посредствомъ пожалованія со стороны князей; ни государство, ни князья для этого въ XI вѣкѣ не располагали еще правомъ распоряженія земельной собственностью.

Но если невозможно было князьямъ предоставлять церкви право собственности на имѣнія, то этимъ еще не исключаются

[1]) Ср. Милютинъ. „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи“, глава II. Чтенія въ Имп. О-вѣ Ист. и Др. Росс., 1859 года, книга 4.

[2]) Ср. Голубинскій. „Исторія русской церкви“, томъ I, вторая половина, глава VI, Средства содержанія монастырей, стр. 710 и слѣд.

[3]) Милютинъ, (тамъ же, стр. 21 и слѣд.) справедливо доказываетъ несостоятельность попытокъ, дѣланныхъ въ нашей литературѣ, установленія факта наличности у церкви недвижимаго имѣнія ранѣе этого періода, напр., во времена Владиміра св. или даже еще ранѣе.

[4]) См. М. Горчаковъ. „О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода“, Спб. 1781, стр. 103 и слѣд.

другіе способы обогащенія церкви черезъ посредство княжеской помощи; наоборотъ, подобные способы въ дѣйствительности существовали и не разъ упоминаются источниками. Мы имѣемъ въ виду установленіе права церкви пользоваться извѣстными доходами, какъ, напр., десятинную и судебную пошлины; что касается первой, то она явилась уже недолго спустя, послѣ водворенія православной церкви на Руси; *нѣкоторые князья установили ее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ*, въ видѣ 10% дохода въ пользу церкви съ разныхъ пошлинъ и повинностей; подобный доходъ, однако, не имѣлъ всеобъемлющаго значенія на Руси, такъ какъ встрѣчался далеко не повсемѣстно [1]). Судебныя же пошлины, носившія тотъ же характеръ, какъ и десятины, появились позднѣе, какъ послѣдствіе развитія компетенціи церковнаго суда; такъ церковь пользовалась доходомъ съ поступающихъ въ волостную казну виръ, съ боярскихъ, а впослѣдствіе и княжескихъ вотчинъ, съ разныхъ судебныхъ разбирательствъ, тяжбъ, и т. п.

Рядомъ со все большимъ ростомъ имущества православной церкви, постепенно увеличивались и ея публично-правовыя привилегіи; мы говоримъ о тѣхъ преимуществахъ, которыми стало пользоваться духовенство, съ теченіемъ времени. Такъ уже въ XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ церковныя вотчины, т. е. имѣнія, различныя отъ простыхъ земельныхъ владѣній тѣмъ, что въ ихъ предѣлахъ церковь пользовалась надъ мѣстнымъ населеніемъ вотчинными правами, правомъ суда и управленія, исключая, какъ и въ боярскихъ вотчинахъ, дѣйствіе государственной власти [2]). Очень рано появилась у духовенства привилегія освобожденія отъ государственныхъ повинностей и податей (можно предполагать уже во времена Ярослава); дарованіе подобной привилегіи было вполнѣ во власти князей, собиравшихъ государственныя повин-

---

[1]) Ср. Милютинъ, тамъ же, стр. 56 и слѣд.

[2]) См. Милютинъ, Чтенія 1860 года, книга 3, стр. 243 и слѣд. Авторъ подробно останавливается на содержаніи церковнаго права суда и управленія въ предѣлахъ церковныхъ вотчинъ.

ности; думается, она явилась первой уступкой, сдѣланной князьями въ пользу церкви.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ насъ могутъ интересовать два вопроса, кѣмъ устанавливались привилегіи церкви или духовенства, и почему они устанавливались. Что касается перваго вопроса, то ясно, что большинство, если не всѣ, финансовыя привилегіи установлены были князьями; этотъ фактъ слѣдуетъ во-первыхъ изъ того, что первоначально церковь завязывала свои отношенія съ Русью черезъ посредство однихъ лишь князей; благодаря имъ она нашла себѣ поддержку въ славянскихъ земляхъ, благодаря имъ она укрѣпляла и дальнѣйшее свое положеніе въ русской волости; во-вторыхъ же, именно эта область, финансы волости, находилась почти въ исключительномъ завѣдываніи князя, вслѣдствіе чего онъ и могъ ею распоряжаться сравнительно свободно. Если имущественный свой достатокъ церковь и духовенство увеличивали частными способами пріобрѣтенія, то, наоборотъ, свои публично-правовыя привилегіи они пріобрѣтали путемъ „пожалованія“ со стороны государственной власти, представителемъ которой въ данномъ случаѣ являлся князь.

Если же мы вспомнимъ зависимое положеніе князя отъ духовенства, іерархи котораго были чужестранцы, греческіе культуртрегеры, и выгодность помощи и покровительства церкви княжескимъ дѣламъ, то яснымъ намъ станетъ и отвѣтъ на второй вопросъ, почему дѣлались церкви и духовенству подобныя уступки, почему „жаловались“ имъ публично — правовыя привилегіи. Этимъ покупалось содѣйствіе церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ, ея помощь для княжеской власти, которая, вслѣдствіе своей связанности, рада была всякой помощи извнѣ.

Въ данномъ случаѣ можетъ только возникнуть вопросъ, почему у церкви, вмѣстѣ съ земельнымъ владѣніемъ, появилось и вотчинное право, т. е. право властвованія надъ населеніемъ ея имѣній. Отвѣтъ находимъ мы въ сферѣ отношеній церкви къ міру на Руси; послѣднія, какъ мы видѣли, съ самыхъ первыхъ временъ распространенія среди Славянъ православія,

построены были на главенствѣ церкви; она были просвѣщеннѣе, культурнѣе Славянства; она была прочнѣе и лучше организована административно, имѣя за своей спиной уже столѣтія историческаго развитія; церковь, наконецъ, какъ мы также видѣли, получила многія преимущества и въ своихъ отношеніяхъ къ государству-волости. Все это обезпечивало ей возможность властвованія надъ мѣстными жителями; она имѣла свою администрацію, свой судъ, свое обычное право, которое она и не преминула примѣнить на практикѣ, лишь только обстоятельства позволили ей крѣпче обосноваться въ славянской волости.

Но, надо замѣтить, труденъ и дологъ былъ этотъ процессъ укрѣпленія христіанства на Руси; много пришлось ему побѣдить препятствій; побѣда досталась путемъ лишь упорной борьбы. Славяне не могли разомъ воспринять новые догматы. Въ теченіе долгаго времени находило новое ученіе тысячи препятствій на своемъ пути; язычество было слишкомъ живуче; слишкомъ глубоко въ старинѣ зарыты были его корни.

Не объ одномъ мятежѣ и не объ одной попыткѣ возстановить язычество свидѣтельствуетъ намъ лѣтопись; вспомнимъ, напр., частые мятежи во времена Ярослава. Только благодаря тому неотразимому оружію, которымъ располагало новое ученіе, его нравственнымъ принципамъ и превосходству и несравненно бо́льшей культурности, могло оно успѣшно отражать подобныя попытки, неудержимо пролагая себѣ путь къ дальнѣйшей побѣдѣ. Къ концу XIII вѣка христіанство уже окончательно побѣдило язычество и стало господствующей религіей на Руси. Къ этому времени относятся, напр., тѣ интересные факты, о постройкахъ церквей и монастырей, о громадныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ и т. п., о которыхъ говоритъ въ своемъ курсѣ проф. Суворовъ [1]).

Но чѣмъ шире распространялось ученіе православной церкви, чѣмъ слѣдовательно больше и многочисленнѣе стано-

---

[1]) Томъ I глава о древне-русскихъ приходахъ, стр. 184 и слѣд.

вился штатъ служителей церкви, тѣмъ неизбѣжно увеличивалась возможность злоупотребленій, появленія такихъ личностей, которыя служили не церкви, а собственнымъ интересамъ. Таковы примѣры Ѳедора Владимірскаго и многихъ другихъ; названный епископъ совершалъ всевозможные ужасы, подвергая свою епархію, Ростово-Суздальскую волость, опустошеніямъ, заточая въ тюрьмы не только своихъ подчиненныхъ, иноковъ, игуменовъ и священниковъ (sic!), но и „инымъ людямъ порѣзывалъ головы и бороды [1])! другимъ выжигалъ глаза, вырѣзывалъ языкъ, распиналъ на стѣнѣ“... „ибо былъ жаденъ къ богатству и ненасытенъ“.

Въ подобныхъ примѣрахъ находимъ мы одну характерную черту, незначительность помощи народу, которую могъ оказывать князь при такихъ злоупотребленіяхъ; онъ не могъ воздѣйствовать на непріятнаго ему или народу іерарха иначе, какъ при содѣйствіи высшихъ духовныхъ властей, а послѣднія скорѣе склонны были помочь своему брату, чѣмъ представителю свѣтской власти. Впрочемъ, въ XII столѣтіи, мы встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ противодѣйствія князей назначенію епископовъ, какъ то было въ Суздальской волости въ 1183 году, когда князь отъ имени народа запротестовалъ противъ назначенія Николая Гречина, но и этотъ протестъ былъ мотивированъ несогласіемъ народа, а не личнымъ княжескимъ.

Одной изъ внѣшнихъ причинъ, выставляемыхъ духовенствомъ противъ вмѣшательства въ церковныя дѣла княжеской власти, была невѣжественность и необразованность самихъ князей. Мало кто изъ князей былъ образованъ, немногіе знакомы были даже съ главными началами новаго ученія; безграмотность и невѣжественность князей не давали имъ средствъ критически относиться ки Византійской догмѣ, а несамостоятельное положеніе въ волости лишало ихъ возможности воздѣйствія и на внѣшнее положеніе церкви, ея управленіе и отношенія къ государству. Въ силу этихъ обстоятельствъ духо-

---

[1]) Бѣляевъ, Разсказы, томъ I, стр. 386.

венству, а въ частности высшимъ іерархамъ, грекамъ, легко было отстранить князей отъ церковныхъ и религіозныхъ дѣлъ, все болѣе утверждая и укрѣпляя этимъ свою независимость отъ свѣтской власти.

Такимъ образомъ, при взаимныхъ сношеніяхъ, установилось съ первыхъ временъ прихода на Русь Византійскаго духовенства довольно значительное фактическое неравенство, въ пользу церкви; духовенство пріобрѣло возможность поучать князей, давать имъ совѣты, принимать на себя посредничество въ княжескихъ спорахъ и т. п., не давая, вмѣстѣ съ тѣмъ, князьямъ возможности вмѣшиваться въ дѣла церковныя. Такому положенію превосходства помогала также и необходимость подтвержденія разнообразныхъ государственныхъ актовъ присягой; послѣдняя обыкновенно совершалась крестнымъ цѣлованіемъ, сила котораго охранялась нравственнымъ авторитетомъ церкви; но изъ этого вытекала и обратная возможность — разрѣшенія отъ присяги. Многіе акты князей имѣли, слѣдовательно, своею гарантіей санкцію церкви. Духовенство хорошо знало свое превосходство и ревниво его охраняло. Пользуясь трудностями положенія князей, слабостью ихъ власти и зависимостью отъ столькихъ разнообразныхъ обстоятельствъ, духовенство оградило свою компетенцію непроникаемой для княжеской власти стѣной, не пропуская вмѣстѣ съ тѣмъ ни одного удобнаго случая чтобы самому не вмѣшаться въ дѣла свѣтскія.

Вспомнимъ тѣ многочисленные примѣры изъ XI и XII вѣковъ, когда духовная власть принимала столь дѣятельное участіе въ мірской жизни и въ особенности въ княжескихъ усобицахъ [1]).

---

[1]) Ср. напр. съ приводимыми проф. Сергѣевичемъ (Рус. Юрид. Древности, томъ II, стр. 507 и слѣд., и 528 и слѣд.) многочисленными примѣрами вмѣшательства церковныхъ іерарховъ въ княжескія дѣла; чаще всего подобные случаи представлялись епископамъ при княжескихъ ссорахъ и распряхъ, когда церковные іерархи являлись естественными посредниками между спорящими; но не мало извѣстно примѣровъ вмѣшательства епископовъ и въ рѣшеніе общегосударственныхъ вопросовъ, какъ напр. при заключеніи мира и приведеніи къ присягѣ воюющихъ сторонъ, и т. п.

См. также Соловьевъ, Исторія Россіи, томъ III, стр. 60 и слѣд.

Кромѣ того съ теченіемъ времени церковь пріобрѣла и другое оружіе; постепенно за нею упрочилось новое средство оказывать извѣстное нравственное вліяніе на положеніе князя среди народа путемъ религіознаго освященія его власти; правда, это новое средство закрѣпилось за церковью сравнительно поздно, тогда лишь, когда христіанская догма не только распространилась среди Славянскихъ племенъ, но и утвердилась въ ихъ духовномъ міросозерцаніи, моментъ, который можно отнести къ рубежу XI и XII столѣтій. Въ началѣ идея „вѣнчанія князей, возведенія ихъ на престолъ и освященія религіознаго ихъ власти“, могла имѣть лишь чрезвычайно второстепенное значеніе [1]); но съ теченіемъ времени, сила и значеніе этого фактора сильно увеличились.

Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ дальше распространялось христіанство на Руси, тѣмъ прочнѣе утверждалось превосходство духовной власти надъ свѣтской. Если въ древнія времена, напр. при княженіи Владиміра, Ярослава и ихъ первыхъ потомковъ, преимущество это основывалось исключительно на нравственномъ авторитетѣ церкви, на фактѣ умственнаго и культурнаго превосходства духовенства надъ невѣжественнымъ и непросвѣщеннымъ княземъ, то съ теченіемъ времени къ такому авторитету присоединился еще и обычай, санкція времени, т. е.

---

[1]) Въ нашей литературѣ придавалось слишкомъ большое значеніе „религіозному освященію“ княжеской власти и факту „вѣнчанія князей на царство“. Ср. напр. Бѣляевъ, Лекціи, стр. 80. Принципъ богоустановленности свѣтской власти въ разсматриваемый періодъ исторіи еще не могъ играть большой роли; ни общество, ни государственная власть еще не были готовы къ его воспріятію; лишь позднѣе, въ такъ наз. Монгольскомъ періодѣ и во все возвышавшемся Московскомъ княжествѣ сталъ онъ играть ту выдающуюся роль, на которой, какъ на одномъ изъ своихъ столповъ обосновывалось единодержавіе Московскихъ князей. Въ разсматриваемый же періодъ, наоборотъ, значеніе его было скорѣе невыгодно княжеской власти, такъ какъ вводило въ жизнь отсутствовавшую прежде необходимость „освящать“ фактъ занятія стола; прежде князь считался лишь съ вѣчемъ, съ которымъ заключалъ свой рядъ, теперь же для него стало необходимымъ получать сверхъ того и благословеніе церкви.

тотъ фактъ, что и прежніе князья, родители и прародители такого то князя подчинялись духовной власти, при чемъ церковь всегда подчеркивала добровольность этого подчиненія. Если князь спорилъ съ духовнымъ іерархомъ и противился его волѣ, послѣдній всегда могъ выставить тотъ доводъ, что, молъ, отецъ твой постоянно слушался, а потому и тебѣ слѣдуетъ повиноваться, а не сопротивляться. А такъ какъ, кромѣ того, за духовенствомъ оставался и нравственный и культурный авторитетъ просвѣщенія и большей образованности, то легко себѣ представить, какъ во всѣхъ спорныхъ случаяхъ, при всѣхъ столкновеніяхъ, побѣда должна была преимущественно, если и не всегда, оставаться на сторонѣ духовной власти; въ глазахъ народа она неизбѣжно должна была стоять на первомъ мѣстѣ, что въ свою очередь только усиливало ея положеніе.

Такимъ образомъ въ рукахъ духовенства постепенно стало сосредоточиваться все большее количество разнообразныхъ средствъ воздѣйствія на княжескую власть: оно не только могло вліять на князей, но воздѣйствовало на нихъ непосредственно, примѣняя въ случаѣ надобности и принужденіе, въ видѣ разныхъ угрозъ, духовныхъ наказаній, отлученія, отъ церкви и т. п.

Но подобное положеніе церкви въ нашемъ древнемъ государствѣ способствовало ея объединительному значенію; христіанская религія и православная церковь, какъ то краснорѣчиво доказалъ еще Костомаровъ [1]), явились несомнѣннымъ факторомъ единенія въ разрозненной удѣльной Руси; онѣ вводили единые церковный обычай и законъ, единый религіозный порядокъ, единое догматическое начало въ тотъ многочисленный и разношерстный агломератъ славянскихъ волостей; стоя выше и отдѣльно отъ государства, будучи независима отъ свѣтской и княжеской власти, даже главенствуя надъ нею во многихъ

[1]) Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси, томъ I его сочиненій, стр. 25 и слѣд.

случаяхъ, церковь получила возможность распространять свои ученія, свои этическіе принципы, не считаясь съ государственнымъ строеніемъ общества; стоя выше государства, она своимъ собственнымъ единствомъ объединяла въ данномъ случаѣ и отдѣльныя, разрозненныя государственныя единицы — славянскія волости.

Такимъ образомъ, церковь сыграла очень важную роль въ соціальной исторіи Россіи, явившись единяющимъ факторомъ именно въ тотъ моментъ нашего прошлаго, когда государственное развитіе было направлено не къ соединенію, а къ разъединенію.

Но не меньшія заслуги оказала христіанская церковь и въ другой области, въ распространеніи просвѣщенія на Руси и въ способствованіи развитія русской культуры. И здѣсь, независимое положеніе церкви оказалось ей чрезвычайно выгоднымъ, устранивъ всякую возможность созданія препятствій со стороны государства въ развитіи указанныхъ областей, просвѣщенія и культуры, какъ то такъ часто встрѣчалось на Западѣ.

Просвѣщеніе, принесенное церковью изъ Византіи и нашедшее себѣ пріютъ въ особенности въ монастыряхъ, дѣлало значительные успѣхи на Руси, грамотность распространялась, смягчались нравы, оказывалось вліяніе на развитіе общественности и этики Славянъ; христіанское ученіе успѣшно боролось съ принципами языческой старины[1]).

Таковы двѣ важнѣйшія заслуги православной церкви той эпохи; она внесла на Русь начала просвѣщенія и культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась однимъ изъ факторовъ, объединявшихъ распадавшуюся въ государственномъ отношеніи Русскую землю.

Что же касается ея отношеній ко власти княжеской, то, какъ само появленіе христіанской церкви, такъ и дальнѣйшее

---

[1]) Ср. проф. С. Платоновъ. Лекціи по русской исторіи, стр. 84 и слѣд.

развитіе ея отношеній къ свѣтской власти, явилось новымъ ограниченіемъ въ положеніи князя; самостоятельность и независимость духовенства не могли не ограничивать княжеской власти; сама жизнь, какъ мы видѣли, способствовала развитію самостоятельности церкви въ ущербъ государству, и независимости духовенства въ умаленіе власти княжеской. Князьямъ приходилось очень серьезно считаться съ духовенствомъ; послѣднее при этомъ пользовалось своимъ главенствующимъ положеніемъ не только въ вопросахъ религіозныхъ и догматическихъ, области, въ которую князья совершенно не могли вмѣшиваться, благодаря собственной невѣжественности и необразованности, но и въ дѣлахъ церковнаго управленія и другихъ вопросахъ, касавшихся внѣшняго положенія церкви. Вслѣдствіе этого послѣдняя чрезвычайно часто играла роль не только совѣтницы, но и наставницы и повелительницы, передъ волей которой не одинъ князь преклонялъ свою буйную головушку.

По отношенію къ вопросамъ догматическимъ княжеская власть была совершенно безпомощна, въ дѣлахъ же церковнаго управленія, она слишкомъ часто должна была чувствовать еще новый связующій ея свободу факторъ, самостоятельность и независимость православной церкви.

Прибавленіе ко II главѣ.

Положеніе служебныхъ князей [1]).

Если мы примемъ во вниманіе характерныя черты разобраннаго выше положенія князя въ древней славянской волости, положенія придаточнаго и второстепеннаго органа, намъ яснымъ станетъ и то, на первый взглядъ странное, явленіе „служебныхъ князей“, о которомъ говорятъ лѣтописи, но которое не находило себѣ долгое время объясненія въ исторической наукѣ.

[1]) Ср. проф. Сергѣевичъ, „Рус. Юрид. Др.“, томъ II, книга 4, глава III, стр. 302—319. Также, Соловьевъ, „Исторія Россіи“, томъ IV, глава 3.

Лѣтописи начинаютъ упоминать о подобныхъ служилыхъ князьяхъ съ половины XIII вѣка; но особенно увеличилось ихъ число лишь въ Московскомъ княжествѣ. „Уже съ глубокой древности мы встрѣчаемъ князей безъ владѣній“, — говоритъ проф. Сергѣевичъ (стр. 303);—причина такому явленію вполнѣ понятна, если принять во вниманіе описанный нами выше способъ „пріобрѣтенія владѣній“ князьями; легко себѣ представить дружиннаго предводителя, атамана варяжской шайки или начальника славянскихъ молодцовъ, не утвердившагося „на княженіи“ ни въ одной волости или не призваннаго ни однимъ городомъ для защиты и управленія.

Такимъ образомъ причина этому явленію лежитъ гораздо глубже, чѣмъ,—какъ то утверждаетъ проф. Сергѣевичъ,—„въ политическомъ соперничествѣ владѣтельныхъ князей и стремленіи ихъ лишить владѣній своихъ сосѣдей“; оно вытекало изъ того положенія, которое подобный князь-военноначальникъ занималъ въ общественной и государственной жизни Славянъ; оно являлось слѣдствіемъ того факта, что князь,—какъ мы не разъ указывали, — стоялъ внѣ процесса соціальнаго развитія волостей и городовъ, являясь лишь придаточнымъ элементомъ къ этому процессу. Ясно, что князь могъ съ тою же легкостью терять свои „владѣнія“, съ какою онъ ихъ пріобрѣталъ, если вообще можно называть волость и городъ „владѣніемъ“ князя! При своихъ постоянныхъ переходахъ, кочевьяхъ, движеніи по поверхности славянскихъ земель, князь слишкомъ часто стоялъ внѣ государственности отдѣльныхъ волостей; если ему самому того не хотѣлось, или не позволяли ему житейскія обстоятельства — онъ не заключалъ ряда ни съ одной волостью, оставаясь такимъ образомъ лишь атаманомъ своей дружины, въ большинствѣ случаевъ составленной изъ такихъ же бездомныхъ искателей приключеній, какимъ былъ и онъ самъ.

Совершенно аналогичное явленіе встрѣчаемъ мы и во второй періодъ исторіи русской государственности, въ такъ называемое удѣльное время; когда потомство Рюрикова рода уже настолько размножилось, что новые кандидаты на княжескіе

столы поставлялись почти исключительно однимъ этимъ родомъ, могли встрѣчаться примѣры, что какой-нибудь потомокъ Рюрика либо лишался своего стола, безъ перемѣщенія на новый столъ, либо оставался безъ удѣла уже съ самаго начала своей жизни. Это хорошо извѣстные нашей литературѣ примѣры изгойства князей. Подобный князь-Рюриковичъ, не располагавшій столомъ, для своего пропитанія могъ поступить на службу сородича, что и дѣлало изъ него „служебнаго князя". Скудность извѣстій не даетъ намъ возможности точно установить всѣ условія, на которыхъ подобный князь служилъ своему родственнику, но можно смѣло предположить, что основанія его службы были тѣ же, какъ и основанія службы бояръ-дружинниковъ.

Служебный князь, какъ и бояринъ, служилъ за кормъ и тѣ привилегіи, доставляемыя ему подобной службой, среди которыхъ, конечно, встрѣчается и вотчинное право; въ XIII вѣкѣ вотчинное право уже составляетъ, какъ мы видѣли, общее правило боярскихъ привилегій; имъ должны были пользоваться и служебные князья. Въ эту общую категорію вознагражденій за службу можно включить и предположеніе, сдѣланное профессоромъ Сергѣевичемъ, что иногда наградой за службу бывало и „содѣйствіе къ возвращенію подобному князю утраченныхъ имъ владѣній". „Награжденіе же городомъ", — о которомъ также говоритъ названный авторъ, — является уже обыкновеннымъ случаемъ предоставленія дружиннику извѣстной мѣстности или извѣстной области администраціи волости на кормъ.

Само собою понятно, что поступленіе такого лица на службу было чрезвычайно выгодно князю; если ему всегда выгодно было поступленіе на службу новаго дружинника-боярина, то тѣмъ болѣе князя-Рюриковича; у послѣдняго можно предполагать извѣстную состоятельность, а главное, нѣкоторое число приверженцевъ-дружинниковъ, которые также увеличивали и усиливали дружину того князя, на службу котораго они поступали; такой случай долженъ былъ встрѣчаться всего чаще при изгнаніи князя изъ волости, когда цѣлью его службы являлось, слѣдовательно, возвращеніе „утраченнаго владѣнія".

Этой выгодностью объясняется, во-первыхъ, та легкость,

съ которой князь нестольный могъ найти себѣ службу и заработокъ, а во-вторыхъ, и тѣ бо̀льшія преимущества и выгоды, которыя предоставлялись служилымъ князьямъ [1]).

Что же касается тѣхъ формальностей, которыми сопровождалось поступленіе безземельныхъ князей на службу князей владѣтельныхъ, то онѣ лишній разъ доказываютъ, что положеніе служилаго князя было вполнѣ тождественно съ положеніемъ дружинника-боярина.

Служилый князь былъ такъ же свободенъ, какъ и бояринъ; онъ могъ, если то было ему выгодно, во всякое время покинуть свою службу и перейти къ другому князю. Стѣсненія подобной широкой свободы могли быть лишь экономическія и политическія, но не юридическія.

И въ отношеніи имущественныхъ правъ, въ частности права вотчиннаго, служилый князь былъ совершенно сравненъ съ бояриномъ; съ появленіемъ земельныхъ владѣній, какъ тотъ, такъ и другой оказались экономически связанными съ извѣстной мѣстностью; какъ первый, такъ и второй должны были поступать на службу „съ вотчиной", при чемъ переходы ихъ нашли себѣ фактическое ограниченіе въ подобномъ земельномъ правѣ; для обоихъ видовъ служилыхъ княжескихъ людей одинаковы были ограниченія владѣнія вотчинами *внѣ* той волости, гдѣ они состояли на службѣ.

Другими словами, служилые князья были тѣми же боярами-дружинниками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отличаясь лишь бо̀льшимъ экономическимъ достаткомъ; какъ въ юридическомъ, такъ и въ соціальномъ положеніи между ними не было никакого качественнаго различія. Происхожденіе же ихъ объясняется уже извѣстнымъ намъ положеніемъ, занимаемымъ княземъ въ нашемъ древнемъ государствѣ; онъ стоялъ внѣ его и внѣ процесса его соціальнаго роста, а отсюда и та легкая возможность встрѣчи князя безъ стола, Рюриковича безъ удѣла, т. е. князя служилаго.

---

[1]) Ср. со свидѣтельствомъ проф. Сергѣевича (стр. 306 и слѣд.), „О пожалованіяхъ служилымъ князьямъ кормленій и земель и другихъ привилегій, публично- и частно-правовыхъ".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Монгольское иго.

I.

Дифференціація волостного населенія.

Начало XIII столѣтія принесло съ собой много совершенно неожиданныхъ событій для Руси, нарушившихъ ея относительный миръ. Мы имѣемъ въ виду татарское нашествіе и послѣдовавшее за нимъ покореніе славянскихъ княжествъ-волостей. Первымъ ударомъ было извѣстное пораженіе при Калкѣ трехъ Мстиславовъ, Мстиславича, Романовича и Святославича и ихъ соратниковъ, другихъ Рюриковичей; вторымъ и окончательнымъ ударомъ было Батыево нашествіе 15 лѣтъ спустя, когда татары завоевывали и опустошали одно за другимъ отдѣльныя русскія княжества, и уже готовы были идти и на далекій Сѣверъ—Новгородскую волость, но, повидимому, устрашившись непроходимостью болотъ и лѣсовъ этой мѣстности, повернули обратно и, пройдя съ огнемъ и мечомъ черезъ южную Русь, надолго обосновались на южныхъ берегахъ Волги, при ея впаденіи въ Каспійское море.

Татарское нашествіе уже давно отмѣчено отечественными историками какъ выдающійся фактъ нашего прошлаго; но оцѣнивалось оно весьма различно, смотря по тому, какія стороны русской жизни принимались въ основу отдѣльныхъ изслѣдованій, при чемъ, какъ еще отмѣтилъ Бестужевъ, точки зрѣнія на событія XIII и XIV столѣтій были обыкновенно очень одно-

сторонни. Такъ, напр., въ исторіографіи XIX вѣка можно различить двѣ крайнія школы, одну, отрицавшую особое значеніе татарскаго нашествія (С. М. Соловьевъ), другую, наоборотъ, приписывавшую ему всеобъемлющее вліяніе (напр., Карамзинъ, Костомаровъ и др.). Рядомъ съ ними стала третья школа, съ самимъ Бестужевымъ во главѣ, болѣе объективно оцѣнившая событія, связанныя съ появленіемъ на Руси татаръ [1]). Что татарское иго оставило глубокіе слѣды на всемъ строѣ русской жизни, въ этомъ, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія; и въ системѣ администраціи и положеніи органовъ мѣстнаго управленія, и въ финансахъ и государственномъ хозяйствѣ, равно и въ военномъ дѣлѣ и военной организаціи, всюду мы можемъ найти явныя слѣдствія татарскаго вліянія; не осталась незатронутой и культурная сторона русской жизни; благодаря татарскому нашествію, культура страны значительно пала, нравы замѣтно грубѣли, просвѣщеніе остановилось въ своемъ ростѣ и распространеніи. И въ интересующей насъ области татарскій разгромъ оставилъ глубокіе слѣды; идея государственности, такъ же какъ и княжеская власть, стали преобразовываться подъ давленіемъ новаго соціальнаго фактора, тѣхъ началъ, которыя принесли съ собой сами татары или которыя стали проникать къ намъ, благодаря ихъ господству, съ Востока [2]); именно этими новыми элементами въ русской государственной жизни и подготовлена была почва, ими дана была возможность появленія и роста идеи единодержавія, укрѣпившейся на Руси на многія столѣтія. Мы не хотимъ этимъ сказать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые историки, что единодержавіе было принесено къ намъ татарами, какъ готовое цѣлое, посажено на Руси, какъ молодое дерево, затѣмъ столь пышно расцвѣтшее, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ согласиться и съ Бестужевымъ, отвергающимъ вовсе „мнѣніе о происхожденіи понятія царской власти отъ татаръ“, на основаніи того, что Иванъ Грозный „прямо

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, „Русская исторія“, томъ I, стр. 274 и слѣд.

[2]) Напр., упомянутое jus eminens; см. выше, стр. 139.

ссылается на авторитетъ библіи и примѣры Римскихъ императоровъ"! Повидимому, названный авторъ считаетъ одну пропаганду православнаго духовенства тѣмъ сѣменемъ, изъ котораго выросло Московское единодержавіе [1]).

Но прежде чѣмъ перейти къ разбору тѣхъ фактовъ, которые оказали вліяніе на развитіе княжеской власти, подготовляя превращеніе ея во власть единодержавную, для яснаго уразумѣнія этого сложнаго процесса, развивавшагося въ теченіе XIV и XV столѣтій, намъ необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя перемѣны, которыя произошли до этого въ общественной жизни Руси.

Въ началѣ изучаемаго періода еще въ полной мѣрѣ господствовала прежняя основная черта славянской жизни — отсутствіе строго опредѣленныхъ соціальныхъ классовъ, либо сословій среди населенія волостей. Различіе между отдѣльными соціальными группами строилось лишь на одномъ признакѣ экономической состоятельности; попрежнему населеніе не было прикрѣплено къ опредѣленнымъ занятіямъ и свободно переходило отъ земледѣлія къ торговлѣ, отъ промысла къ земледѣлію и т. д.; земледѣлецъ могъ во всякое время покинуть свою соху и превратиться въ торговца, и наоборотъ торговецъ могъ бросить торговлю и „сѣсть на землю". Такимъ образомъ, все еще господствовало личное начало, столь характерное для всякаго первобытнаго общества.

Но приближались перемѣны. Уже начало данной эпохи знало одно существенное исключеніе изъ описаннаго общаго правила; мы имѣемъ въ виду боярство, прежнюю княжескую дружину, уже выдѣлившееся изъ прочей массы населенія въ особый классъ, благодаря своимъ публично-правовымъ привилегіямъ. Только одинъ этотъ классъ уже успѣлъ кристаллизоваться, замкнувшись въ опредѣленныя соціальныя и правовыя рамки.

Мы видѣли выше, какъ произошло это явленіе, явившееся главнымъ слѣдствіемъ первичной дифференціаціи населенія

---

[1]) См. в. н. с., томъ I, стр. 279.

древней волости. Но съ теченіемъ времени и прочее населеніе стало переживать нѣкоторыя перемѣны въ своемъ соціальномъ строѣ. Однимъ изъ главныхъ факторовъ подобнаго процесса являлось то новое положеніе, которое заняло государство и которое немогло не отозваться и на отношеніяхъ къ нему населенія. Государство-волость уже настолько выросло и окрѣпло, что стало настоятельно требовать измѣненія отношеній къ себѣ населенія; изъ случайныхъ послѣднія должны были теперь обратиться въ постоянныя и опредѣленныя; мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, дѣло съ опредѣленіемъ государственныхъ повинностей, какъ военной, такъ и финансовыхъ. Но подобное опредѣленіе неизбѣжно должно было накладывать печать различія, дифференціаціи, на отдѣльныя части населенія, сообразно тому участію, которое онѣ стали нести въ государственныхъ тяготахъ; чѣмъ точнѣе выступала та форма, въ которой данная часть населенія несла повинности, тѣмъ опредѣленнѣе становились тѣ признаки, которые отличали ее отъ прочей массы населенія.

Этому процессу дифференціаціи въ сильной мѣрѣ должна была помогать все усугубляющаяся борьба за существованіе, все увеличивающіяся затрудненія экономической обстановки жизни. Незанятыхъ земель, неиспользованныхъ путей становилось все меньше, все труднѣе дѣлалось добываніе средствъ къ существованію; всѣ эти условія новой экономической обстановки неизбѣжно должны были постепенно прикрѣплять населеніе къ опредѣленнымъ занятіямъ, все болѣе затрудняя возможность перехода отъ одного занятія къ другому.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ разбираемый періодъ все болѣе началъ выдвигаться изъ среды прочаго населенія одинъ новый классъ, людей служилыхъ, жившихъ „службой“ князю, классъ, которому впослѣдствіи суждено было играть на Руси столь видную роль [1]). Опредѣлялся онъ, въ различіе отъ прочаго населенія,

[1]) Происхожденіе этого новаго класса приходится связать, съ одной стороны, съ огромнымъ ростомъ княжескаго хозяйства, требовавшимъ все новыхъ рукъ для своего обслуживанія, съ другой-же,

не экономическимъ достаткомъ своихъ членовъ, а ихъ правовыми привилегіями, вытекавшими изъ ихъ служебнаго положенія при князѣ. Такое положеніе этого новаго служилаго класса при князѣ, равно и его публично-правовыя привилегіи неизбѣжно должны были сближать его съ боярствомъ, также выдѣлявшимся изъ среды прочаго населенія своими публично-правовыми привилегіями. И дѣйствительно, оба эти класса, болѣе старый—боярство, и молодой его собратъ, классъ людей служилыхъ, стояли очень близко другъ отъ друга въ соціальномъ строѣ волости тѣхъ временъ. Но подобное соціальное родство не могло не вызывать между ними все большаго единенія. Уже въ XIV столѣтіи боярство составляло какъ бы ядро служилаго класса; положеніе ихъ было тождественно положенію двухъ концентрическихъ круговъ, изъ которыхъ меньшій, боярство, стоялъ посреди большаго, класса людей служилыхъ. Оба они выдѣлялись изъ среды остальнаго населенія государства своими публично-правовыми привилегіями, бòльшей охраной личности, бòльшими личными преимуществами.

Если мы ближе присмотримся къ послѣднимъ, то увидимъ, что на первомъ мѣстѣ стояла привилегія личной подсудности княжескому суду; корни ея кроются въ глубокой древности—въ томъ положеніи, которое занимали люди, окружавшіе и служившіе князю; принципъ и въ этомъ случаѣ одинъ и тотъ-же, какъ видимъ, для боярства, такъ и для служилаго класса; и въ томъ и въ другомъ случаѣ данный гражданинъ имѣлъ дѣло лишь лично съ княземъ, помимо прочихъ органовъ волости. Уже одна эта привилегія, освобождавшая оба класса отъ волостной власти, должна была выдѣлять ихъ изъ среды остальныхъ гражданъ. Но имѣлись и другія публично-правовыя преимущества, также немаловажныя; такъ, личныя отношенія не-

---

съ ростомъ самого государства, также требовавшимъ все большаго числа должностей для своихъ все развивающихся потребностей. Ср. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія, стр. 2, и П. Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, стр. 10 и слѣд.

минуемо находили себѣ отраженіе и въ отношеніяхъ имущественныхъ; и въ области частныхъ правъ этихъ двухъ классовъ признавалась судебная компетенція одного лишь князя; и дружинникъ-бояринъ, и всякій „служилый“, вольный слуга стояли вкупѣ со всѣмъ своимъ имущественнымъ достаткомъ, движимымъ и недвижимымъ, подъ личной властью князя.

Если-же мы примемъ во вниманіе сказанное выше относительно самостоятельности боярства и зависимости отъ него князя, то яснымъ намъ станетъ, что такая исключительная подсудность его княжескому суду предоставляла этому классу еще болѣе независимое положеніе въ волости.

Нѣчто подобное должно было произойти и со служилымъ классомъ, благодаря и его личной подсудности князю; разница же между ними заключалась въ ихъ отношеніяхъ къ князю; тогда какъ боярство было въ большой степени независимо и отъ послѣдняго, служилый классъ вполнѣ зависѣлъ отъ него; лишь по отношенію къ прочему волостному населенію могъ онъ утверждать свою самостоятельность, благодаря своей привилегированности.

Рядомъ съ этими привилегіями служилаго и боярскаго классовъ стояла еще одна, право на кормъ, также выросшая изъ старинныхъ отношеній княжескихъ слугъ и дружинниковъ къ князьямъ. Основаніемъ этой привилегіи служила необходимость вознаграждать княжескихъ слугъ за ихъ службу. Уже съ самыхъ древнихъ временъ существовали параллельно двѣ формы вознагражденія, выплата дружиннику денегъ или награда частью награбленнаго добра или даже барыша отъ торговли князя, съ одной стороны, и предоставленіе права суда и управленія, и сбора дани, въ извѣстномъ округѣ, при чемъ, собирая дань, дружинникъ кормился и самъ. Когда первый способъ отпалъ за прекращеніемъ княжескихъ походовъ для разбоя и торговли, второй сталъ самымъ обыденнымъ явленіемъ; князь выдѣлялъ дружиннику извѣстную округу, въ которой тотъ правилъ судъ и собиралъ пошлины именемъ князя, кормясь за счетъ этихъ-же сборовъ. Въ XII столѣтіи

подобное кормленіе составляетъ уже общую форму вознагражденія дружинниковъ, а съ появленіемъ класса служилыхъ людей въ XIII вѣкѣ и онъ сталъ вознаграждаться зачастую тѣмъ же способомъ. Меньшинство же кормилось „у двора" князя, неся различныя дворовыя и дворскія должности, завѣдывая различными хозяйственными отраслями княжескаго двора; оно составляло классъ лицъ, находившихся „подъ дворскимъ" и кормившихся натурой изъ княжескаго хозяйства[1]).

Таковы тѣ главныя привилегіи, которыя проводили столь рѣзкую границу между этими двумя классами и прочимъ населеніемъ волости. Чѣмъ больше они обособлялись, тѣмъ крѣпче должна была становиться ихъ взаимная связь, тѣмъ прочнѣе выступали наружу ихъ обоюдные и единяющіе ихъ интересы, тѣмъ бо̀льшую соціальную силу долженъ былъ представлять ихъ взаимный союзъ.

Но, какъ замѣчено было выше, соціальная дифференціація въ разбираемомъ періодѣ дѣлала нѣкоторые успѣхи и въ остальной части волостного населенія, благодаря главнымъ образомъ вышеупомянутымъ двумъ факторамъ, все обостряющейся борьбѣ за существованіе, съ одной стороны, и все болѣе укрѣпляющейся государственной власти, съ другой. Но и монгольское нашествіе оказало сильное воздѣйствіе въ этомъ отношеніи; какъ никогда прежде, приходилось теперь волости-государству заботиться о своей внѣшней защитѣ; ему нужны были и люди, и деньги, а отсюда проистекало неизбѣжное слѣдствіе въ видѣ увеличенія повинностей и гораздо болѣе точнаго ихъ опредѣленія. Первоначальные оброки и выплата повинностей натурой уже не могли болѣе удовлетворять новыя потребности государства, что и вызывало превращеніе ихъ въ болѣе опредѣленную форму тягла. Всѣмъ этимъ должна была стѣсняться

[1]) Такимъ образомъ служилый классъ сталъ въ эту эпоху раздѣлять обязанности во дворѣ князя съ его холопами. Этимъ, думается, объясняется существованіе во дворѣ на ряду со служилыми, вольными слугами, и невольныхъ или холоповъ (Ср. Сергѣевичъ, Вольные и невольные слуги, Наблюдатель, 1887, 1 и 2 и Милюковъ, Спорные вопросы).

прежняя славянская свобода; государство, накладывая свою тяжелую руку, стало все болѣе стѣснять переходы отъ одного занятія къ другому, какъ противорѣчащіе его военно-финансовой системѣ и способствующіе уклоненію различныхъ индивидуумовъ и даже цѣлыхъ классовъ населенія отъ участія въ несеніи государственнаго тягла. Такимъ образомъ, если служилый классъ обособлялся въ рамки своихъ привилегій, неслужилое населеніе кристаллизовалось въ опредѣленные слои или классы, благодаря тяглу[1]).

Присматриваясь ближе къ этому процессу образованія классовыхъ различій, мы замѣтимъ слѣдующее.

Сельскіе жители, земледѣльцы и крестьяне, постепенно теряли свое прежнее безграничное право свободы передвиженія изъ одной волости въ другую, съ одного мѣста на другое. Новгородъ былъ первымъ, наложившимъ руку, по свидѣтельству проф. Сергѣевича („Рус. Юридич. Древности“, томъ I, стр. 195), на свободу крестьянства.

Организація государственныхъ повинностей требовала внесенія въ эту область большей опредѣленности, а послѣдней не могла не мѣшать безграничная свобода передвиженій населенія; тяжесть новаго тягла въ сравненіи съ прежними формами какого-нибудь оброка наоборотъ должна была вызывать стремленіе населенія уходить отъ него, что въ свою очередь вызывало болѣе строгія мѣры со стороны государства, боровшагося съ этимъ явленіемъ; этимъ процессъ закрѣпленія тягла на населеніи, конечно, только ускорялся. Намъ, въ данномъ случаѣ, безразличенъ вопросъ о томъ, на чьихъ земляхъ сидѣлъ крестьянинъ, котораго теперь „закрѣпляло“ государство; для насъ важенъ лишь фактъ связанности крестьянства, явленіе неизвѣстное прежнимъ временамъ; эта-то связанность и стала выдѣлять и обособлять крестьянство отъ прочихъ клас-

[1]) Ср., напр., съ исторіей развитія посошной повинности. А. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 11 и слѣд. Записки историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго Университета, томъ 23, 1890 г.

совъ населенія; то же обстоятельство, что часть крестьянъ несла повинности непосредственно въ пользу государства, а другая — черезъ посредство землевладѣльцевъ, не играло еще никакой роли въ интересующемъ насъ вопросѣ.

Этотъ новый факторъ опредѣленія тягла долженъ былъ отозваться и на другой части населенія, на той, которая добывала себѣ существованіе не земледѣліемъ, а торговлей. И торговля, какъ и земледѣліе, была прежде открыта всякому; и здѣсь дотолѣ царствовала безграничная свобода; теперь же и въ ней стали также появляться нѣкоторыя ограниченія и стѣсненія. Все растущее могущество государства и въ области торговли стало накладывать свою руку. Правда, ограниченія въ данномъ случаѣ были значительно слабѣе; они связывали населеніе далеко не въ той мѣрѣ, какъ ограниченія, возникшія въ жизни земледѣльца, но все-таки и они стѣсняли прежнюю свободу гражданина, въ частности его свободу передвиженія. Главнымъ образомъ отразилось это на жизни городского населенія, придавъ ему не существовавшій прежде признакъ отличія отъ населенія сельскаго; этимъ, конечно, стѣснялся и переходъ изъ одного класса въ другой; не было больше прежней легкости перехода изъ села въ городъ и обратно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ самый фактъ болѣе регулярнаго сбора торговыхъ пошлинъ и бо̀льшей опредѣленности въ дѣлѣ организаціи тягла торговыхъ людей создалъ цѣлый классъ лицъ, ставшихъ у этого дѣла, т. е. у сбора повинностей и пошлинъ, а именно „пошлыхъ" купцовъ.

Таковы тѣ различные процессы, которые создавали новые соціальные классы; но рядомъ съ ними мы замѣчаемъ и одно обратное явленіе — исчезновеніе одного класса; мы имѣемъ въ виду городскую старѣйшину, сыгравшую столь значительную роль въ первомъ періодѣ исторіи русской государственности. Эта торговая аристократія, нѣкогда стоявшая во главѣ политической жизни волости, съ теченіемъ времени все больше теряла свое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропадали и ея со-

ціальные отличительные признаки; она стала постепенно и незамѣтно исчезать со сцены общественной дѣятельности; власть и политическое вліяніе все болѣе переходили въ руки князя и его дружины, чѣмъ неизбѣжно стушевывалось прежнее могущественное положеніе старѣйшины; градскіе старцы, какъ мы видѣли, были исключены изъ состава княжеской думы. Князь больше не нуждался въ нихъ, какъ въ думцахъ. И чѣмъ сильнѣе и ярче выдвигалась роль и политическое могущество боярства, тѣмъ слабѣе должно было становиться вліяніе на политику волости городовой старѣйшины. Съ тѣхъ же временъ, какъ боярство окончательно сложилось въ соціальный классъ, и при томъ въ классъ, ставшій во главѣ волостного населенія, значеніе торговой аристократіи должно было пасть окончательно; она постепенно отступаетъ на задній планъ и совершенно и окончательно исчезаетъ изъ среды соціальнаго строя волости ко времени XIII столѣтія. Политическое значеніе дружины и боярства, а главнымъ образомъ его публично-правовыя привилегіи окончательно убили торговую аристократію, отнявъ у нея всякое значеніе въ общественной жизни.

Постепенно исчезли и тѣ соціальные признаки, которые выдѣляли градскихъ старцевъ, когда-то такъ гордо стоявшихъ во главѣ волости.

Въ XIII вѣкѣ лѣтописецъ уже не упоминаетъ болѣе о дѣятельности городской старѣйшины; дружинники князя, безъ соперниковъ, занимали теперь первое мѣсто въ государствѣ.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ хорошій примѣръ силы и значенія публично-правовыхъ привилегій въ общественной жизни; благодаря имъ стираются иногда различія соціальнаго строя и классовой обособленности. Лишенные политическихъ привилегій, соціальные классы рѣдко находятъ средства къ успѣшной борьбѣ за существованіе.

Такимъ образомъ, монгольское нашествіе, вызвавъ, между прочимъ, укрѣпленіе государственной власти славянской волости, тѣмъ самымъ способствовало развитію процесса диффе-

ренціаціи волостного населенія, все болѣе опредѣленно кристаллизовавшагося въ отдѣльные соціальные классы.

II.

Бояринъ; его договоръ съ княземъ.

Въ разсматриваемой эпохѣ боярскія вотчины стали уже общимъ правиломъ; почти у каждаго „старшаго дружинника“ были земельныя имущества, большинство которыхъ представляли собою имѣнія вотчинныя. Это явленіе, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше соціальныхъ и экономическихъ послѣдствій въ жизни боярства, стало вызывать въ этомъ періодѣ и еще одно слѣдствіе, касавшееся отношеній боярства ко князьямъ; прежнія ихъ взаимныя отношенія ограничивались службой дружинника, съ одной стороны, и княжескимъ вознагражденіемъ, съ другой. Теперь же стали возникать новыя осложненія. Простота прежнихъ отношеній не вызывала потребности въ закрѣпленіи договора дружинника съ княземъ на бумагѣ; бояринъ кормился, пока служилъ; при прекращеніи службы прекращалось и жалованіе. Теперь же, при болѣе сложныхъ отношеніяхъ, договаривавшіяся стороны стали прибѣгать все чаще къ письменной формѣ составленія договоровъ.

Финансовое бремя государства той эпохи было разложено не на гражданъ, а на землю [1]); это кардинальное начало нашей древности; но, благодаря ему, уже самый фактъ владѣнія землей неизбѣжно налагалъ обязанность участія въ несеніи государственныхъ повинностей; каждый гражданинъ-землевла-

---

[1]) Ср. проф. Сергѣевичъ, „Рус. Юридич. Древн.“; Градовскій „Исторія мѣстнаго управленія“, томъ I; Дмитріевъ, „Исторія судебныхъ инстанцій“; Хлѣбниковъ, „О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи“; Лаппо-Данилевскій, „Организація прямого обложенія“; Горскій, „Описаніе Троицко-Сергіевской лавры“.

дѣлецъ, въ томъ числѣ и вотчинникъ, участвовалъ, слѣдовательно, въ несенiи финансоваго бремени государства. Изъ этого должна была проистекать и необходимость болѣе точнаго и опредѣленнаго урегулированiя правового положенiя боярина-вотчинника и его отношенiй какъ къ князю, такъ и къ волости. При всей номинальной свободѣ боярина, основанной на его прежней вольности, онъ все-таки былъ теперь ограниченъ тѣмъ фактомъ, что земля его или вотчина несла часть государственныхъ повинностей; для князя же возникала этимъ необходимость, въ огражденiе финансовыхъ интересовъ волости, и въ опредѣленiи положенiя каждаго боярина-вотчинника въ отдѣльности.

Параллельно съ этимъ дѣйствовалъ и другой факторъ, уже намѣчавшiйся ранѣе, но ярко выступившiй лишь теперь. Мы имѣемъ въ виду тѣ затрудненiя, которыя вызывались боярскими отъѣздами въ вопросѣ поземельнаго владѣнiя. Съ теченiемъ времени все болѣе опредѣленную форму принимали ограниченiя, создаваемыя для боярства, при ихъ отъѣздахъ и переходахъ, въ области ихъ землевладѣльческихъ вотчинныхъ правъ.

Владѣнiе вотчиной въ одной волости, а служба вотчинника въ другой, были слишкомъ невыгодны для волости и опасны для ея государственной самостоятельности; государство не могло терпѣть публично-правовыхъ притязанiй на землю въ предѣлахъ своей территорiи отъ лицъ, стоящихъ внѣ его, не участвующихъ ни въ государственной жизни, ни въ несенiи государственныхъ повинностей.

Подобными случаями владѣнiя нарушались и финансовые интересы волости и ея верховныя права. Изъ всего этого и возникли тѣ ограниченiя, которыя теперь связывали вотчинное право боярства [1]). Во-первыхъ, бояринъ, состоящiй на службѣ

[1]) Подобныя ограниченiя не всегда оказывали свое должное воздѣйствiе, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, боярство чрезвычайно дорожило своей вольностью и правомъ свободныхъ переходовъ и пользовалось имъ, когда то было ему выгодно, не взирая на свои договорныя и клятвенныя ограниченiя; во-вторыхъ же, самимъ князьямъ переходы боярства были выгодны, такъ

въ одной волости, не могъ пріобрѣтать земельную собственность въ другой волости, хотя бы былъ самъ уроженцемъ послѣдней; во-вторыхъ, такой бояринъ не могъ держать въ другой волости закладней и оброчниковъ [1]) и, наконецъ, въ третьихъ, бояринъ, уходя на службу другого князя и оставляя позади свою вотчину, подвергался фактическимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ такого отъѣзда. Часто его имѣніе разорялось, опустошалось и даже просто отбиралось отъ него по повелѣнію князя, опиравшагося въ данномъ случаѣ на публичный интересъ волости и собственное преимущество въ силѣ; ушедшій не имѣлъ никакой возможности защищать свое имущество. Подобные случаи, встрѣчавшіеся въ XIII столѣтіи такъ часто, должны были чрезвычайно сильно способствовать потребности болѣе точнаго опредѣленія правового положенія боярства въ интересующихъ насъ вопросахъ.

Какъ и участіе въ несеніи государственныхъ повинностей, такъ и вотчинное право боярства создали потребность въ закрѣпленіи договорныхъ отношеній боярина съ княземъ въ форму письменную, болѣе опредѣленную, болѣе ясную, болѣе способную охранять правовыя притязанія. И дѣйствительно, начиная съ XIV столѣтія, отношенія боярина ко князю выливаются въ форму письменныхъ договоровъ, извѣстныхъ подъ именемъ жалованныхъ граматъ; подобные договоры гораздо лучше обезпечивали взаимныя отношенія дружинниковъ-бояръ къ ихъ князьямъ и vice versa.

Теперь уже бояринъ не поступаетъ болѣе на службу князя иначе, какъ заключивъ такой предварительный договоръ.

Интересно отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что договоры эти получили форму граматъ, т. е. правомочія боярства ему жаловались княземъ. Въ этомъ обстоятельствѣ можно справед-

---

какъ всякій новый пришелецъ, поступавшій на службу князя, увеличивалъ его силу; благодаря этому и встрѣчались примѣры отъѣздовъ, имѣвшіе своей побудительной причиной „переманиваніе“ дружинниковъ съ одной службы на другую.

[1]) См. Ключевскій, „Боярская Дума“, глава IV.

ливо видѣть одну изъ первыхъ черточекъ превращенія княжеской власти во власть государственнаго органа. Она стоитъ въ этомъ отношеніи на ряду съ другимъ фактомъ, указаннымъ выше, съ появленіемъ у князя законодательной компетенціи; послѣдняя неизбѣжно должна была внести измѣненіе въ положеніе князя въ волости, превращая его изъ посторонняго придатка въ государственный органъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Объясненіе же этому явленію мы находимъ въ измѣнившемся положеніи взаимодѣйствующихъ общественныхъ силъ; измѣнилось соотношеніе соціальныхъ классовъ, измѣниться должно было и отношеніе къ нимъ княжеской власти.

Въ разсматриваемомъ періодѣ развитія княжеской власти она уже настолько окрѣпла, опредѣлилась и утвердилась въ государственномъ строеніи волости, что отношенія отдѣльныхъ соціальныхъ классовъ къ государственной власти должны были проходить исключительно черезъ руки князей, какъ представителей верховной власти; всѣ публично-правовыя нормы должны были находить теперь свою санкцію въ дѣйствіяхъ княжеской власти, въ ея распоряженіяхъ; если источникомъ ихъ попрежнему былъ общій историческій процессъ развитія общественности Славянъ, то приспособленіе этихъ нормъ къ новымъ требованіямъ жизни происходило уже при ближайшемъ участіи окрѣпшей княжеской власти. Но князь не могъ, тѣмъ не менѣе, касаться „исконнихъ“ привилегій, самаго существа ихъ, выросшаго исторически, что сохраняло за боярствомъ, единственнымъ классомъ, пользовавшимся подобными исторически выросшими публично-правовыми привилегіями, его старинную „вольность“, съ которой безсильны были бороться долгое время даже и могущественные Московскіе князья.

Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что договорныя граматы „жаловались“, является отраженіемъ измѣненій положенія князя въ волости, постепенно превращавшагося въ постоянный государственный органъ, осуществлявшій верховныя права волости.

На вольность боярства оказывало воздѣйствіе одно важное

обстоятельство; именно то, что въ рукахъ князя имѣлось заманчивое право распредѣленія должностныхъ мѣстъ въ государственномъ управленіи, раздача кормовъ; этимъ путемъ князь могъ оказывать вліяніе на положеніе отдѣльной личности; всякій бояринъ, ищущій корма, долженъ былъ въ силу необходимости заискивать у князя; въ этомъ явленіи, такимъ образомъ, крылась нѣкоторая опасность для боярства; отдѣльныя личности, будучи связаны экономически, а также и желаніемъ стяжать княжескую милость, получить наивыгоднѣйшій кормъ, должны были терять частицу своей прежней вольности. Въ свою очередь, фактъ пользованія кормленіемъ неизбѣжно сближалъ боярство съ классомъ людей служилыхъ, стирая вышеотмѣченное различіе, отдѣлявшее эти два класса; въ такомъ процессѣ сближенія кроется объясненіе тому, что въ разбираемую эпоху мы встрѣчаемъ первые примѣры пожалованія боярства; оно начинаетъ сказываться именно въ такъ называемомъ монгольскомъ періодѣ [1]); это былъ первый, хотя еще и нерѣшительный шагъ къ переходу боярства съ положенія соціальнаго класса на положеніе чина, переходъ, завершившійся лишь значительно позднѣе, уже во времена расцвѣта Москвы.

Таковы причины, вызвавшія появленіе на свѣтъ жалованныхъ граматъ боярству и облекшія эти граматы именно въ форму актовъ „жалованныхъ".

Что же касается условій, на которыхъ составлялись подобные договоры между княземъ и бояриномъ, то они были слѣдующія: бояринъ, предлагавшій свои услуги, долженъ былъ „служить" данному князю во время войны или мира, онъ обязывался не нарушать интересовъ ни князя ни волости, помогать князю въ управленіи и совѣтомъ и дѣломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ не переходить на службу къ другому князю безъ особо важныхъ причинъ; само собой разумѣется,

[1]) Мы имѣемъ въ виду въ данномъ случаѣ, напр., появленіе чина введенаго боярина, который уже несомнѣнно представлялъ собой не классъ, а чинъ государства тѣхъ временъ (по всей вѣроятности онъ появился уже въ XIV вѣкѣ; ср. Сергѣевичъ, томъ I, глава III, стр. 360 и слѣд.).

что послѣднее обѣщаніе не многимъ связывало боярина! Съ другой стороны князь обязанъ былъ вознаграждать его за его службу, но рядомъ съ этимъ торжественно подтверждалась свобода боярина, вольность его службы; это была самая существенная часть такихъ договоровъ; она обезпечивала боярству, съ правовой стороны, его прежнюю свободу переходовъ, которая была основой его вольности и независимости; ему обѣщалась сохранность имущества и земельныхъ владѣній и въ томъ случаѣ, если бы бояринъ предпочелъ перейти на службу къ другому князю. Если бояре не могли болѣе, послѣ перехода, вновь пріобрѣтать имѣній въ прежнемъ мѣстѣ служенія, то, по крайней мѣрѣ, уже пріобрѣтенныя должны были имъ сохраняться въ неприкосновенности. Но, какъ уже замѣчено, самый фактъ включенія въ эти договоры подобнаго обѣщанія, свидѣтельствуетъ о существованіи частыхъ примѣровъ нарушеній неприкосновенности боярскихъ вотчинъ послѣ ихъ отъѣзда.

Невыгодныя для волости и для князя послѣдствія боярскаго права переходить изъ волости въ волость постепенно наложили извѣстный некрасивый отпечатокъ въ глазахъ общества на подобные переходы; они стали разсматриваться какъ нѣчто недолжное; ихъ стали осуждать съ точки зрѣнія нравственности. Недаромъ древній лѣтописецъ относится къ нимъ, какъ къ измѣнѣ данной волости, сильно осуждая переходившаго боярина; разныя поученія, сказанія и т. п. литературныя выраженія общественнаго мнѣнія нашей древности, всѣ въ одинаковой мѣрѣ отрицательно относятся къ боярскимъ переходамъ. Но, конечно, въ тѣ времена нравственная подкладка поступка еще меньше имѣла значенія при столкновеніяхъ съ соображеніями утилитарными, чѣмъ теперь; бояре, когда это имъ было выгодно, очевидно, мало стѣснялись подобными поученіями.

Но дѣло-то въ томъ, что и имъ было невыгодно переходить изъ волости въ волость, со службы одного князя на службу другого.

Не говоря уже о томъ, что договорныя обѣщанія князя, сохранять неприкосновенность имущества ушедшаго, очень мало обезпечивали эту неприкосновенность въ дѣйствительности, и князь всегда имѣлъ возможность безнаказанно нарушать имущественныя права ушедшаго боярина, но и другіе интересы, да и сама обстановка всей жизни боярина были направлены къ тому, чтобы удерживать его въ данной волости, препятствуя его отъѣзду или переходу; онъ силой обстоятельствъ связывался съ судьбой той волости, въ которой служилъ и въ которой имѣлъ земельную собственность.

Владѣть недвижимостью, домами, дворомъ, вотчиной или имѣніемъ, было значительно выгоднѣе, чѣмъ зависѣть исключительно отъ княжескаго жалованья. Прежде, когда княжескіе походы бывали такъ часты, вслѣдствіе чего такъ легко представлялся случай наживаться и помимо жалованья — военной добычей, дружинникъ могъ довольствоваться тѣмъ вознагражденіемъ, которое приносила ему княжеская служба. Теперь же войны приняли другой характеръ; въ нихъ все чаще участвовала земщина, меньше было случаевъ поживиться; покоряемыя мѣстности бывали либо бѣднѣе, либо территоріально гораздо меньше, либо, наоборотъ, воинственнѣе; во всѣхъ этихъ случаяхъ дружиннику доставалось меньше, чѣмъ прежде. Вмѣстѣ съ тѣмъ и дружины стали значительно больше прежнихъ; такимъ образомъ, на всякій пріобрѣтенный кусокъ являлось больше претендентовъ. Служба по управленію волости всегда была сопряжена съ разными случайностями; то князь не поладитъ съ населеніемъ и послѣднее либо выгонитъ, либо попроситъ князя убрать своихъ мужей, намѣстниковъ, тіуновъ и прочихъ; то такой мужъ самъ не поладитъ и его выпроводятъ изъ округи безъ дальнихъ разсужденій, то другой князь нагрянетъ, а за нимъ его собственные дружинники, немедленно смѣнявшіе прежнихъ мужей и т. д. и т. д.

Очевидно, что владѣніе имѣніемъ, приносившимъ извѣстный опредѣленный доходъ, было несравненно выгоднѣе и спокойнѣе; по крайней мѣрѣ, имъ обезпечивался кусокъ хлѣба на черный

день; чѣмъ дольше длилось владѣніе, тѣмъ больше должно было имѣніе приносить дохода; благодаря дешевизнѣ труда, можно было расчищать новыя мѣстности, выжигать подъ поля бòльшія пространства лѣса, пріобрѣтать новыхъ холоповъ и т. п. Одновременно устанавливались, какъ мы видѣли, болѣе прочныя отношенія къ мѣстнымъ жителямъ, отношенія, также чрезвычайно выгодныя для боярства, въ виду его привилегированности и вотчинныхъ правъ, которыя несли съ собой эти отношенія.

Но если служба связывала боярина, если погоня за хорошимъ кормомъ заставляла его заискивать у князя, то наоборотъ, его имущественныя, и въ частности вотчинныя, права, обезпечивали ему нѣкоторую независимость; чѣмъ богаче былъ бояринъ, чѣмъ большимъ количествомъ вотчинъ онъ располагалъ, тѣмъ менѣе зависѣлъ онъ отъ княжеской власти, тѣмъ менѣе нуждался въ службѣ и кормленіи; такимъ образомъ, надъ общимъ классомъ служилыхъ людей сталъ выдѣляться классъ богатаго боярства; между тѣмъ бѣдное боярство неизбѣжно все болѣе сливалось съ людьми служилыми, теряя свою самостоятельность и все болѣе подчиняясь княжеской власти; мы имѣемъ въ данномъ случаѣ примѣръ дифференціаціи въ средѣ одного соціальнаго класса; бѣдные все болѣе сливались со служилымъ классомъ, богатые бояре оставались по-прежнему классомъ независимымъ отъ князя, мало нуждавшимся въ его помощи; различіе оставалось прежнее, какъ видимъ; строилось оно на отношеніяхъ ко власти княжеской; тогда какъ одинъ классъ, благодаря своему имущественному достатку, оставался независимымъ, другой былъ подчиненъ князю необходимостью кормиться у его власти.

Если фактъ владѣнія вотчиной и налагалъ на боярина извѣстныя экономическія стѣсненія, не позволяя ему двигаться по русской землѣ съ прежней легкостью, то съ другой стороны, этотъ же фактъ имѣлъ и выгодныя послѣдствія; онъ придавалъ боярину большую самостоятельность въ его отношеніяхъ ко князю и государству. Эта выгодная сторона владѣнія

вотчинами заставляла боярство забывать о своей прежней свободѣ передвиженія, тѣмъ болѣе, что она обезпечивала ему другія формы свободы и соціальной привилегированности, столь выдѣлявшія его изъ среды прочаго населенія той эпохи.

Но подъ этимъ классомъ экономически состоятельнаго боярства нельзя, конечно, понимать всей прежней княжеской дружины, всѣхъ совѣтниковъ князя, всего боярства, однимъ словомъ. Мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ только съ меньшей его частью.

Такъ завершился процессъ дифференціаціи княжеской дружины, начавшійся, какъ мы видѣли, еще въ XI вѣкѣ дѣленіемъ на мужей старшихъ и младшихъ. Только экономически состоятельное боярство, его высшіе слои, пользовалось въ полной мѣрѣ прежней вольностью, т. е. независимостью отъ княжеской власти, независимостью, которую не могли умалить ни внѣшняя форма договоровъ съ князьями, ни разныя ограниченія, вводимыя этими договорами въ имущественную правоспособность боярства, начиная съ крестнаго цѣлованія и кончая угрозой— смертной казнью за измѣну (Ипат. 1177).

Но рядомъ съ этимъ счастливымъ меньшинствомъ стояло остальное большинство боярства, постепенно отождествлявшееся съ классомъ служилыхъ людей, благодаря своей экономической зависимости отъ князя.

И дружина, и совѣтники князя, и служилый классъ съ теченіемъ времени все увеличивались; въ военное время они содержались за счетъ мѣстнаго жителя; въ мирное — за счетъ корма, по различнымъ волостнымъ должностямъ, либо около князя, въ предѣлахъ его личной службы и хозяйства. Росло также и управленіе княжескаго двора; послѣднее не отличалось въ своей юридической конструкціи отъ службы по волостнымъ должностямъ. Какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Ключевскій (Бояр. Дума, стр. 127), „характеръ удѣльнаго княжескаго владѣнія сложился по юридическому типу частной земельной вотчины“.

Въ XIII столѣтіи „дворецъ“ князя уже непомѣрно выросъ;

въ виду роста дружины и необходимости кормить ее, князь долженъ былъ увеличивать постепенно число различныхъ должностей вокругъ себя; вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣднихъ была и большая потребность, такъ какъ жизнь создавала болѣе сложныя формы управленія, бо̀льшую дифференціацію отдѣльныхъ отраслей администраціи; вспомнимъ только все увеличивавшееся количество княжескихъ „путей". Въ XIII и въ особенности въ XIV столѣтіяхъ княжескій дворецъ пропорціонально былъ значительно больше дворца первыхъ князей Рюриковичей; ростъ его кажется особенно великимъ, если мы сравнимъ простоту княжеской жизни, напр., Мономаха, самого чистившаго своихъ лошадей и собственный дворъ, и завѣщавшаго ту же простоту своему потомству, но княжившаго въ большихъ волостяхъ, хотя бы, напр., Кіевской, съ удѣльнымъ княземъ XIV вѣка, Сѣверо-Восточнаго края, волость котораго была такъ мала, что походила скорѣе на частную вотчину, но имѣвшаго вокругъ себя многочисленный штатъ разныхъ должностныхъ лицъ.

Эти послѣднія поставляли изъ своей среды княжескихъ совѣтниковъ, думцевъ, съ которыми князь обсуждалъ правительственныя дѣла, думалъ свою думу. Какъ и прежде, дума не составляла въ разсматриваемомъ періодѣ опредѣленнаго учрежденія, съ опредѣленными правами и компетенціей; князь не былъ обязанъ съ ней совѣтоваться, не былъ обязанъ представлять на ея обсужденіе какіе бы то ни было вопросы или дѣла; она не имѣла также и опредѣленнаго со́става, такъ какъ князь могъ совѣтоваться съ кѣмъ онъ желалъ; но также по-старому князь былъ связанъ практическимъ удобствомъ подобнаго способа управленія, съ совѣта своихъ думцевъ[1]).

Но если наружно сохранялся старый порядокъ вещей, внутри произошли нѣкоторыя перемѣны. Прежде, какъ мы видѣли, князь былъ рѣшительно связанъ, хотя и не юридически,

---

[1]) Ключевскій, в. н. с., стр. 74 и 75.

согласіемъ своей дружины; безъ нея онъ не могъ обойтись; безъ нея онъ самъ не имѣлъ цѣны въ глазахъ волости, будучи ей совершенно безполезнымъ; теперь обстоятельства измѣнились; князь былъ свободнѣе въ своихъ отношеніяхъ къ совѣтникамъ, дружинникамъ, думцамъ. Онъ совѣтовался съ ними въ видахъ практическаго удобства, такъ какъ легче было такимъ способомъ управлять государствомъ. Но уже самое число совѣтниковъ, дворцовыхъ должностныхъ лицъ, которое столь увеличилось, давало князю возможность бо́льшаго выбора; вмѣстѣ съ тѣмъ, мирное управленіе не требовало такого единогласія среди дружины, какъ военное дѣло; князь, слѣдовательно, могъ спрашивать мнѣнія нѣкоторыхъ, совѣтоваться, не со всей дружиной, а съ избранными мужами. Затѣмъ, раздавая различныя должности, что всегда зависѣло исключительно отъ его собственной воли, князь также могъ выдѣлять однихъ, въ ущербъ другимъ, могъ давать однимъ больше, чѣмъ другимъ, что должно было вызывать между дружинниками соревнованіе, стремленіе пріобрѣтать на свою сторону расположеніе князя, а такое стремленіе предоставляло въ руки послѣдняго, какъ мы видѣли, хорошее оружіе.

Слѣдствіемъ этихъ явленій и была та *измѣнчивость* состава княжеской думы, которую давно уже отмѣтили защитники теоріи, видящей въ думѣ опредѣленный институтъ, со строго-опредѣленными функціями (профессора Загоскинъ, Ключевскій и ихъ послѣдователи), но которая въ сущности и подрываетъ эту самую теорію, такъ какъ не даетъ въ концѣ концовъ возможности уловить тѣ признаки, благодаря которымъ можно было бы установить необходимую опредѣленность.

Вышеразобранный процессъ образованія класса состоятельнаго боярства, выросшаго благодаря своему достатку изъ среды княжеской дружины, противопоставилъ боярство остальной дружинѣ, меньшимъ мужамъ; весьма часты должны были быть случаи, когда интересы этихъ двухъ классовъ сталкивались; что было выгодно боярству, могло быть невыгоднымъ классу служилыхъ людей; тогда какъ первые составляли классъ „при-

вилегированныхъ землевладѣльцевъ“ [1]), вторые постепенно превращались въ дворцовый чинъ; старшіе мужи князя, владѣвшіе вотчинами, привилегированные землевладѣльцы этой эпохи, стали носить наименованіе „земскихъ бояръ“. Лучшимъ примѣромъ столкновенія интересовъ подобныхъ земскихъ бояръ со служилымъ классомъ, дворцовыми людьми, а также и лучшимъ доказательствомъ ихъ соціальнаго различія, можетъ служить распря, существовавшая во времена княженія Всеволода III, на рубежѣ между XII и XIII столѣтіями; подобное же явленіе мы находимъ и при княженіи Андрея Боголюбскаго, когда земское боярство не желало считаться съ интересами Андреевской дружины и vice versa.

Этимъ фактомъ противопоставленія двухъ упомянутыхъ соціальныхъ классовъ, и только имъ, объясняется то строгое разграниченіе служебныхъ и поземельныхъ отношеній вольныхъ княжескихъ слугъ, которое мы находимъ въ договорахъ ихъ съ князьями, такъ называемыхъ жалованныхъ грамотахъ XIV и XV столѣтій [2]); обѣимъ договаривающимся сторонамъ необходимо было строго опредѣлить эти отношенія и ихъ разграничивающія условія, въ виду той огромной важности, которую они представляли въ общественной жизни разбираемаго періода.

Мы можемъ теперь подвести слѣдующій итогъ сказанному: княжеская дружина первой эпохи, обратившаяся, или скорѣе выросшая, въ классъ „боярства“, претерпѣла значительныя измѣненія какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ своемъ правовомъ положеніи.

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить появленіе новаго соціальнаго класса людей служилыхъ, во-вторыхъ, общій процессъ дифференціаціи всего населенія славянской волости и прикрѣпленія низшихъ слоевъ къ тяглу или государственнымъ повинностямъ. Въ-третьихъ, наконецъ, дифференціацію, происшедшую

---

[1]) Проф. Ключевскій, Курсъ русской исторіи, часть 1, Москва, 1906 г., стр. 298.

[2]) Тамъ же; стр. 449

въ средѣ самого боярства, слѣдствіемъ чего было все большее сближеніе несостоятельнаго большинства со служилымъ классомъ, благодаря все увеличивавшейся его зависимости отъ князя, и наоборотъ, обособленіе экономически состоятельнаго меньшинства въ самостоятельный классъ богатаго земскаго боярства, пользовавшагося прежней независимостью отъ княжеской власти, своей старой вольностью. Такое положеніе обезпечивало этому новому классу значеніе могучей соціальной силы, съ которой княжеской власти пришлось очень и очень считаться.

Затѣмъ въ данномъ періодѣ подмѣчается измѣненіе добыванія средствъ существованія остальной дружины; часть ея попрежнему кормится отъ волости, занимая должности по волостному управленію; это различные намѣстники, волостели, тіуны и проч.; другая же часть, и къ тому же бо̀льшая, живетъ съ княземъ, кормясь въ его „дворцѣ“ и заполняя непомѣрно выросшій штатъ дворцовыхъ должностей; въ положеніи первыхъ не произошло никакихъ перемѣнъ; основы ихъ права управленія были прежнія; наоборотъ, положеніе вторыхъ сильно измѣнилось. Благодаря измѣненію рода ихъ службы во „дворцѣ“, увеличенію ихъ числа и измѣненіямъ способовъ веденія войны и ея результатовъ, положеніе ихъ стало болѣе зависимымъ отъ князя, чѣмъ прежде. Правда, князь принужденъ былъ по-прежнему съ ними совѣтоваться, но у него была теперь возможность выбора и дискриминаціи.

Такимъ образомъ, думцы или совѣтники князя далеко не покрывали собой всего класса дворцовыхъ чиновъ, всей младшей дружины.

Боярство также не покрывало этого понятія, т. е. не было тождественно съ княжеской думой. Но богатому боярину было безразлично, благодаря его независимости, состоять совѣтникомъ князя или нѣтъ; онъ могъ обойтись и безъ этого; для прочихъ же, окружавшихъ князя, наоборотъ, это было вовсе не безразлично, такъ какъ положеніе думца являлось матеріально слишкомъ выгоднымъ. Послѣднее обстоятельство несомнѣнно шло на пользу княжеской власти.

Если, слѣдовательно, по отношенію къ боярству, въ этомъ новомъ и болѣе узкомъ значеніи термина, князь по-прежнему оставался болѣе или менѣе безпощаднымъ, то, наоборотъ, въ своихъ отношеніяхъ къ прочимъ служилымъ людямъ, въ томъ числѣ и боярству экономически несостоятельному, онъ сталъ свободнѣе, получилъ новыя преимущества, сильно увеличившія его власть.

III.

Вліяніе Монгольскаго ига на положеніе князя.

Въ разсматриваемую эпоху на положеніе князя и развитіе его власти сталъ оказывать вліяніе еще одинъ новый факторъ — монгольское право и принужденное сношеніе Славянства съ татарами. Завоеваніе Руси Монголами неизбѣжно должно было измѣнить и самый источникъ княжеской власти. Для нея теперь договоръ съ народомъ не былъ достаточенъ; требовалось вдобавокъ согласіе на княженіе со стороны монгольскаго хана, согласіе, даваемое въ формѣ ханскаго ярлыка. Такимъ образомъ создавалось два параллельно существовавшихъ источника княжеской власти; съ одной стороны, призваніе народа, согласіе вѣча, съ другой — разрѣшеніе княженія черезъ посредство ханскаго ярлыка. Съ правовой точки зрѣнія послѣдній, конечно, первенствовалъ, но практически, согласіе народа продолжало имѣть существенное значеніе. Такъ, не разъ случалось, что народъ, не желая имѣть у себя какого-нибудь князя, изгонялъ его, несмотря на имѣвшійся у него ханскій ярлыкъ. Правда, въ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ теченіе первыхъ ста лѣтъ татарскаго владычества, народъ, изгонявшій подобныхъ князей, дорого платилъ за такой поступокъ; его волость подвергалась грабежу и опустошенію со стороны татарскаго войска. Но татары, послѣ произведенныхъ опустошеній и насилій, вновь удалялись въ свои

степи, князь же, ими посаженный, оставался среди того самаго народа, который пострадалъ за свое сопротивленіе его княженію, и ему также часто приходилось переживать не легкія времена, если ему не удавалось снискать себѣ вновь расположеніе народа; одно такое расположеніе могло обезпечивать ему мирное княженіе. Такимъ образомъ, хотя юридически ханскій ярлыкъ и первенствовалъ, второй источникъ княжеской власти, согласіе народа, вѣча, земщины, продолжалъ сохранять свое прежнее огромное значеніе; какъ вѣрно замѣтилъ С. М. Соловьевъ, „ярлыкъ ханскій не утверждалъ князя неприкосновеннымъ на столѣ, а только обезпечивалъ волость его отъ татарскаго нашествія“ [1]).

Старина не могла исчезнуть сразу, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла; народное право призывать себѣ князей и необходимость послѣднихъ считаться съ народной волей должны были оставаться основами княжеской власти еще очень долгое время, и, несмотря на то обстоятельство, что въ данное время требовалось еще дополнительное согласіе на княженіе монгольскаго владыки, татарское завоеваніе по отношенію къ славянской государственной и общественной жизни носило внѣшній характеръ; многія начала старины продолжали существовать на ряду съ тѣми нововведеніями, которыя внесло въ нихъ монгольское владычество.

Подобный результатъ вытекалъ изъ общей тактики татарскихъ завоеваній; покоряя чужія народности, татары всегда держались двухъ основныхъ принциповъ, невмѣшательства во внутренній общественный строй покоряемыхъ народовъ и полнѣйшей свободы и вѣротерпимости во всѣхъ религіозныхъ и даже церковныхъ дѣлахъ.

Такая тактика придавала монгольскимъ завоеваніямъ чрезвычайную силу и всегда крѣпко и надолго обосновывала ихъ могущество въ завоевываемыхъ ими земляхъ. Вѣротерпимость и сохраненіе тѣхъ государственныхъ порядковъ, которые они

---

[1]) „Исторія Россіи“, томъ III, изд. 4-е, Москва, 1870 г., стр. 9.

находили въ чужихъ краяхъ, были лучшимъ залогомъ продолжительнаго владычества надъ покоряемыми странами. Все, что, собственно, нужно было Монголамъ — это матеріальное обогащеніе за счетъ покоряемыхъ, т. е. дань, деньги, иногда и другіе виды имущества; облагая покоряемыхъ данью, они довольствовались ею, пока она уплачивалась аккуратно.

Рядомъ съ принципомъ сохраненія собственнаго общественнаго строя за покоряемыми, не менѣе важное значеніе имѣла и монгольская вѣротерпимость, обезпечивавшая подчиненнымъ татарской власти народностямъ возможность свободнаго развитія своихъ собственныхъ религіозныхъ и нравственныхъ идеаловъ, безъ какого-либо внѣшняго, всегда столь вреднаго давленія на духовную жизнь народовъ.

Самое яркое выраженіе нашла себѣ вѣротерпимость Монголовъ въ ханскихъ ярлыкахъ, жалованныхъ русской православной церкви [1]). Эти ярлыки обезпечивали полную свободу вѣроисповѣданія и неприкосновенность всѣхъ зданій и имущества духовенства, а равно и имущества церкви и монастырей; они освобождали духовенство православной церкви отъ податей и повинностей, а кромѣ того, признавали за церковью ея судебную компетенцію въ томъ размѣрѣ, какъ она установлена была исторически; они обезпечивали церкви, другими словами, ея прежнее положеніе въ государствѣ, со всѣми ея привилегіями и преимуществами, что не могло не служить на пользу духовенства, черпавшаго въ такомъ отношеніи къ нему Монголовъ новыя силы къ дальнѣйшему утвержденію своей фактической гегемоніи въ славянскомъ государствѣ.

Такимъ образомъ, не только православная догма осталась нетронутой татарскимъ нашествіемъ, но и внѣшнее положеніе церкви сохранилось прежнее, скорѣе даже укрѣпившись, благодаря татарской помощи. Но, конечно, съ теченіемъ времени, чрезвычайно долгое господство Монголовъ на Руси не могло

---

[1]) См. Милютинъ, „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи“. Чтенія въ И. О. И. и Др. Р., 1860 г., кн. 3, стр. 212—218.

не оказать воздѣйствія, какъ на культурное развитіе Славянъ, такъ и на ихъ нравственное міросозерцаніе и религіозныя воззрѣнія.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, въ чемъ выразилось вліяніе монгольскаго владычества на положеніе князя въ волости. Здѣсь надо имѣть въ виду вышеуказанную главную цѣль, которую преслѣдовали ханы въ покоренныхъ земляхъ, стремленіе ихъ къ обогащенію, при чемъ простѣйшею и наиболѣе употребительною формой было обложеніе покоренныхъ данью. Первыя времена такая дань собиралась татарскими чиновниками, такъ называемыми баскаками, но впослѣдствіи ханы стали поручать это дѣло самимъ князьямъ, убѣдившись въ выгодности такого посредничества послѣднихъ. Постепенно и народъ русскій и князья Рюриковичи освоивались со своимъ положеніемъ зависимости отъ Орды, вслѣдствіе чего неизбѣжно все ярче сталъ выступать на первый планъ вышеотмѣченный второй источникъ княжеской власти, утвержденіе князя на столѣ посредствомъ ханскаго ярлыка. Въ этомъ, конечно, и заключается главнѣйшая перемѣна, которую претерпѣла княжеская власть, благодаря монгольскому игу. Постепенно центръ тяжести переносился со всесильнаго прежде договора съ народомъ на утвержденіе князя ханомъ, т. е. внѣ стоящею отъ волости властью.

Первыя времена перемѣна была незамѣтна еще. Ни одна сторона не отдавала себѣ отчета въ ней; наружно все, казалось, оставалось по-старому; князь княжилъ съ согласія вѣча и считался съ ханомъ постолько, посколько это обезпечивало волости внѣшнюю безопасность.

Но съ теченіемъ времени князья не могли не замѣтить, что зависимость отъ хана могла быть имъ выгодной, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ собственная воля приходила въ столкновеніе съ волей народа. Прежде въ такихъ случаяхъ князья должны были полагаться лишь на собственную силу; была она у нихъ, вкупѣ съ дружиной, достаточной, они могли спорить съ народомъ и идти противъ его воли; не была она

достаточной, они неизбѣжно принуждены были уступать, переходить въ другую волость, а иногда и вовсе исчезать со сцены общественной дѣятельности.

Теперь же у нихъ явилось новое подспорье, военная сила хана. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда князь не надѣялся на собственныя силы, онъ могъ прибѣгнуть къ монгольской помощи, стоило только съѣздить въ Орду съ поклономъ.

Подобная возможность, конечно, очень усилила княжескую власть въ ея отношеніяхъ къ народу.

Недаромъ,—грустно замѣчаетъ Костомаровъ [1]),—„умолкли вѣча. Только въ Новгородѣ и Псковѣ долго еще раздавался ихъ звонъ, но и тамъ старыя жизненныя начала только прозябали, а уже не развивались и не давали новыхъ формъ".

Признавая всю важность этого явленія, мы однако не можемъ идти такъ далеко, какъ это дѣлаетъ Костомаровъ, устанавливая здѣсь начало единодержавія. Такой идеи не было и не могло быть еще въ тѣ времена; Монголы не могли дать русскимъ князьямъ идею единаго государства и единодержавнаго строя хотя бы потому только, что, какъ мы видѣли, однимъ изъ основныхъ принциповъ ихъ владычества было всегда сохраненіе государственныхъ и общественныхъ началъ покоренныхъ народностей именно въ томъ видѣ, въ которомъ они ихъ находили при самомъ завоеваніи; а у Славянъ, какъ мы знаемъ, государственный строй былъ основанъ не на монархическомъ, а на народоправскомъ началѣ, которое сохранило за собой полную силу и послѣ татарскаго нашествія. То же обстоятельство, что княжеская власть пріобрѣла себѣ новый источникъ въ ханскомъ ярлыкѣ,—какъ уже было сказано,—не измѣняло еще, само по себѣ, отношеній ея къ народу и государству. Идея народоправства продолжала существовать параллельно съ ханскимъ ярлыкомъ. Каждая волость, каждое княженіе сохраняли за собой, такимъ образомъ, свою прежнюю полную государственную обособленность и самостоятельность.

---

[1]) „Начало единодержавія въ древней Руси". Собр. соч., книга 5, томъ XII, стр. 42.

Давно уже установлено исторической наукой, что одной изъ главнѣйшихъ причинъ той легкости, съ которой Монголы завоевали Русь, была ея разрозненность, недостатокъ единства и разобщенность.

Понятно, что эти явленія соціальной и государственной жизни шли на выгоду монгольскихъ хановъ и имъ было необходимо поддерживать ихъ всѣми возможными средствами. Глубоко укоренившаяся же идея народоправства мѣшала и князьямъ завоевывать себѣ прочное положеніе въ государствѣ. Единодержавіе, такимъ образомъ, появилось на Руси гораздо позднѣе и въ силу иныхъ обстоятельствъ; въ разсматриваемую эпоху, хотя и произошли нѣкоторыя важныя измѣненія въ положеніи княжеской власти, они все-таки были еще очень далеки отъ идеи *единодержавія*. Для послѣдней лишь подготовлялась плодородная почва.

Въ нашей литературѣ можно слишкомъ часто встрѣтить преувеличеніе значенія монгольскаго ига въ данномъ вопросѣ.

Не только Костомаровъ, но и профессора Загоскинъ и Сергѣевичъ придаютъ слишкомъ большое значеніе игу. Приблизительно подобнаго же взгляда держался и Кавелинъ, но послѣдній приписывалъ игу совершенно особое значеніе—вліяніе на усиленіе великокняжеской власти; намъ придется подробнѣе остановиться на этой теоріи немного ниже. Уже покойный Градовскій, въ своей рецензіи на трудъ проф. Сергѣевича (стр. 140), указалъ на необоснованность такого построенія и неосновательное увеличеніе въ данномъ отношеніи вліянія монгольскаго ига; фактъ внесенія нѣкоторыхъ измѣненій въ положеніе князя въ государствѣ, подъ вліяніемъ татарскаго владычества и идей, шедшихъ къ намъ съ Востока, *несомнѣненъ*, но по отношенію къ идеѣ единодержавія можно сказать, что ей лишь подготовлялась почва, сама же она не могла еще появиться въ данную эпоху.

Итакъ, княжеская власть получила новый источникъ и, слѣдовательно, и новую опору, могущую быть противопоставленной волѣ народа; съ теченіемъ времени, когда монгольское

владычество достаточно долгое время просуществовало на Руси, ханскій ярлыкъ и въ дѣйствительности сталъ играть гораздо бо́льшую роль, являясь помощью князю въ случаяхъ его борьбы съ народомъ.

Этаже внѣшняя сила являлась для князя помощью и въ его междукняжескихъ отношеніяхъ, въ его спорахъ и усобицахъ со своими родичами, другими Рюриковичами. Ханъ все чаще являлся третейскимъ судьей между спорящими князьями. Мы имѣемъ подобные случаи, напр., когда князь доставалъ себѣ ярлыкъ на столъ уже занятый, смѣщая этимъ своего сосѣда, лишая его власти, а иногда и имущества. Такіе примѣры встрѣчаются въ исторіи XIII и XIV вѣковъ довольно часто. Но подобное положеніе вещей неизбѣжно влекло за собой одно вредное слѣдствіе; оно не могло не отзываться на всемъ міросозерцаніи князя, получившаго теперь возможность находить себѣ помощь внѣ волости, внѣ Руси, внѣ ея народа; чѣмъ больше князья имъ пользовались, тѣмъ больше они привыкали кланяться Ордѣ, раболѣпствовать передъ ханомъ. Князь покупалъ свое княженіе и деньгами, привозимыми въ Орду, и подарками, и поведеніемъ своимъ, заискиваніемъ, покорнымъ исполненіемъ татарскихъ обычаевъ и обрядовъ, не взирая на ихъ унизительность. Такое раболѣпство и униженіе самого князя не могло не передаваться и окружающимъ его, тѣмъ совѣтникамъ и боярамъ, которые стояли вокругъ него, составляли его ближайшихъ думцевъ; унижался князь передъ ханомъ, должны были унижаться и думцы передъ княземъ; это общечеловѣческая черта заразительности безнравственности, всякаго „поклона“.

Но такая новая черта обстановки княжеской жизни шла на пользу княжеской власти. Гнуть спину передъ ханомъ было не трудно, а послѣдствія были выгодны. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше практиковалось князьями преклоненіе передъ Ордой и тѣмъ бо́льшая выгода извлекалась изъ такого преклоненія.

Съ теченіемъ времени къ этому присоединилось еще одно обстоятельство. Дань съ русской земли собиралась первона-

чально татарскими чиновниками, баскаками. Но когда, впослѣдствіи, ханы убѣдились въ покорности русскихъ князей, а таковая, какъ мы только что замѣтили, выросла и окрѣпла благодаря тѣмъ выгодамъ, которыя она приносила князьямъ, ханы стали поручать сборъ дани самимъ князьямъ; такой способъ сборовъ былъ и дешевле и надежнѣе для Орды, такъ какъ упразднялъ необходимость содержать особыхъ чиновниковъ и платить имъ жалованье, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранялъ возможныя столкновенія такихъ чиновниковъ съ мѣстнымъ населеніемъ; извѣстно было ханамъ, что во многихъ волостяхъ возникали смуты и возстанія противъ баскаковъ; князья стояли ближе къ населенію; взиманіе дани ими не бросалось населенію въ глаза, такъ какъ татарская дань тогда лишь присоединялась къ сбору другихъ налоговъ и податей. Но сборъ дани черезъ посредство князей долженъ былъ увеличить ихъ значеніе въ глазахъ населенія; отъ нихъ теперь зависѣли распредѣленіе и разверстка платежей, вслѣдствіе чего, напр., одна часть населенія могла получать облегченіе или извѣстныя преимущества въ сравненіи съ другой. Очевидно, что, собирая дань для Монголовъ, князья не забывали и самихъ себя; отсюда проистекало обогащеніе княжеской казны, а всякое увеличеніе экономическаго достатка прибавляло князю и немного власти.

Время монгольскаго владычества надъ Россіей можно раздѣлить на два періода; первый длился около ста лѣтъ, т. е. съ начала XIII по начало XIV вѣковъ, и представлялъ собой довольно суровое господство Орды надъ Русью, второй же, съ начала XIV вѣка и до сверженія ига Москвой, переживалъ постепенное ослабленіе татарскаго владычества и представлялъ собой переходъ къ національной самостоятельности славянскихъ волостей. Оба періода различно отзывались на двухъ интересующихъ насъ въ данномъ случаѣ вопросахъ; сообразно имъ происходили перемѣны какъ въ отношеніяхъ князя къ занимаемому имъ столу, такъ и въ его финансовыхъ правахъ, т. е. въ его отношеніяхъ къ народнымъ повинностямъ. Въ обоихъ

этихъ случаяхъ во второй періодъ княжеская власть усиливалась съ параллельнымъ ослабленіемъ власти монгольской.

Какъ уже было упомянуто, монголы стали постепенно передавать сборъ татарской дани въ руки самихъ князей; при этомъ переходной стадіей была отдача сбора дани на откупъ. Но и откупъ не могъ удовлетворять Орду. Дѣло въ томъ, что послѣдняя скоро убѣдилась, что сборъ дани, какъ ея чиновниками, баскаками, такъ и откупщиками, вызывалъ крупнѣйшее неудовольствіе среди населенія (вспомнимъ хотя бы возстанія 1262 года). Уже самый фактъ сбора повинностей чужестранцами былъ, конечно, достаточенъ, чтобы вызывать неудовольствіе мѣстныхъ жителей; но къ этому прибавлялись еще жестокость, варварское обращеніе, грубость и неистовства татарскихъ сборщиковъ. Исторія оставила намъ не одинъ примѣръ народныхъ волненій и возмущеній XIII и XIV вѣковъ; у Орды, конечно, всегда оставалась возможность карать непокорныхъ военнымъ набѣгомъ и опустошеніемъ; но этимъ не возстановлялся правильный притокъ денегъ; наоборотъ, онъ надолго останавливался. Очевидно, что сборъ дани черезъ посредство князей былъ Монголамъ выгоднѣе; князь былъ гораздо ближе къ населенію; онъ могъ болѣе мирнымъ способомъ доставлять дань въ Орду; ему же лично, какъ мы уже видѣли, это было чрезвычайно выгодно.

Затѣмъ, съ XIV-го столѣтія сталъ также замѣчаться процессъ ослабленія внутренней силы Орды; ея власть постепенно начала разлагаться, ея могущество начало падать, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна была ослабѣвать и сила господства надъ завоеванными ею странами, въ томъ числѣ и Россіей. Процессъ этотъ не могъ остаться безъ вліянія на отношенія Орды къ русскимъ государствамъ, будучи послѣднимъ, конечно, на руку.

Съ теченіемъ времени, когда владычество Монголовъ стало понемногу ослабѣвать, вслѣдствіе процесса разложенія Орды, княжеская власть постепенно эмансипировалась отъ вліянія ханскаго верховенства; но уже возвратъ къ старому порядку чистѣйшаго народоправства былъ немыслимъ; княжеская

власть получила теперь новые элементы силы, которыхъ ее уже не могло лишить дальнѣйшее развитіе русскаго государства; воля народа, выражавшаяся черезъ посредство вѣча, чаще всего въ вопросѣ призванія князя на княженіе, уже не могла вернуть себѣ своего прежняго значенія; съ ослабленіемъ контроля Орды надъ княземъ, должна была такимъ образомъ увеличиваться его власть въ государствѣ; съ теченіемъ времени стали встрѣчаться случаи княженія и безъ ханскаго ярлыка, чѣмъ усиливалось значеніе наслѣдственнаго права князей, ихъ права отчины. Этимъ объясняется также появленіе къ концу XIV вѣка междукняжескихъ договоровъ о томъ, чтобы „не брать у хана ярлыковъ на владѣніе другъ подъ другомъ“.

Процессъ ослабленія ханской власти по отношенію ко князьямъ однако встрѣчалъ препятствія своему развитію, и какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но препятствія эти шли со стороны самихъ князей! Имъ слишкомъ выгодно было прежнее положеніе вещей, во времена перваго періода монгольскаго ига. Когда можно было въ любое время и для всякаго дѣла купить себѣ союзника, и притомъ такого могущественнаго, въ лицѣ ханскаго войска. Вспомнимъ только удивительную покорность Ордѣ первыхъ Московскихъ князей!

Если бы не внутреннее разложеніе Орды, шедшее впередъ, со смерти Узбека, скорыми шагами, ханы могли бы, вѣроятно, еще долго пользоваться преимуществомъ внутреннихъ раздоровъ князей и ихъ заискиваніемъ, для продолженія своего господства надъ славянскими волостями.

Итакъ, княжеская власть извлекала несомнѣнную пользу изъ монгольскаго владычества, пользу, шедшую ей на усиленіе и на укрѣпленіе ея положенія въ государствѣ. Въ особенности сильное воздѣйствіе должны были оказывать въ такомъ направленіи тѣ новыя финансовыя полномочія, которыя появились во второмъ періодѣ монгольскаго владычества вслѣдствіе порученія князьямъ сборовъ татарской дани. При конфликтахъ съ народной волей, положеніе князя стало болѣе самостоятель-

нымъ благодаря постоянной возможности опираться на внѣшнюю силу, татарское войско.

Въ отношеніяхъ князя къ народу, кромѣ того, надо отмѣтить и другую новую черту, шедшую на пользу ихъ болѣе тѣснаго единенія. Уже Бѣляевымъ было указано, что во многихъ волостяхъ народъ сталъ смотрѣть на князя, какъ на защитника славянской національности, въ борьбѣ съ дикимъ Востокомъ. Идеальнымъ представителемъ подобной идеи былъ Александръ Невскій; князь этотъ хорошо понималъ современное ему положеніе вещей; онъ сознавалъ, что за Ордой была сила, что для блага русскаго народа необходимо было заручаться благоволеніемъ хана, хотя бы это стоило и многихъ поклоновъ и поѣздокъ въ Орду [1]).

Такимъ образомъ, когда князь умѣлъ сохранять волости внѣшній миръ и безопасность отъ монгольскихъ наѣздовъ, его престижъ долженъ былъ выигрывать въ глазахъ народа; онъ являлся какъ бы спасителемъ, защитникомъ отъ невѣрныхъ, онъ могъ добиться у хана прощенія, различныхъ льготъ и преимуществъ, облегченія финансоваго бремени и т. д. и т. д.

Зато значительно меньшее вліяніе оказало монгольское иго на другую область княжескихъ отношеній, а именно на сношенія князей Рюриковичей между собой и на отношенія удѣльныхъ князей ко князьямъ старшимъ или великимъ. Въ большинствѣ случаевъ Орда выступала въ этой области лишь въ качествѣ третейскаго судьи, разбирая споры князей, но не оказывая вліянія на ихъ родовые и наслѣдственные счеты. Здѣсь надо замѣтить, что въ нашей исторической литературѣ долго господствовало противоположное мнѣніе, доказывавшее, что періодъ монгольскаго владычества внесъ и въ эту область новыя начала, а именно бо̀льшее подчиненіе младшихъ князей старѣйшему, удѣльныхъ великому [2]); въ настоящее время этотъ взглядъ, надо думать, оставленъ навсегда.

---

[1]) Ср. Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, томъ I, глава объ Александрѣ Невскомъ.

[2]) Самымъ яркимъ представителемъ этой теоріи былъ Кавелинъ.

И данный періодъ исторіи русской государственности, и предшествовавшіе, представляетъ еще собой господство личнаго начала; только личныя качества доставляли князю столъ, только личный успѣхъ позволялъ ему добывать себѣ княженіе и удерживать его за собой. Для занятія стола требовалось и народное согласіе и устраненіе притязаній всѣхъ конкурентовъ, завистниковъ-сородичей; и разсматриваемый періодъ представляетъ собою, какъ и предшествовавшій, безконечную череду княжескихъ усобицъ и войнъ, которымъ теперь такъ часто помогало ханское войско. Только во времена ослабленія монгольскаго владычества стали появляться, какъ мы видѣли, признаки новаго порядка вещей, стало быть, лишь со второй половины XIV вѣка, когда начало отчины получило нѣкоторое подкрѣпленіе.

Итакъ, резюмируемъ тѣ измѣненія, которыя претерпѣла княжеская власть во времена господства монгольскаго ига.

Она во многихъ отношеніяхъ усилилась и окрѣпла, найдя въ Ордѣ новаго союзника и новый источникъ своему правовому положенію. Къ этому надо еще прибавить и санкцію времени, то обстоятельство, что Рюриковъ родъ княжилъ среди Славянъ въ продолженіе уже четырехъ столѣтій; это создало привычку къ нему народа, взглядъ на князя, какъ на необходимый элементъ государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ на выгоднаго посредника со страшнымъ врагомъ—Ордой; въ особенности послѣдняя идея не мало должна была способствовать утвержденію положенія князя, какъ постояннаго органа государства.

Затѣмъ къ этимъ же факторамъ, усиливавшимъ положеніе князя, слѣдуетъ прибавить и его отношенія ко вновь появившемуся новому классу людей служилыхъ, вслѣдствіе полнѣйшей зависимости послѣдняго отъ воли князя.

Но устанавливая такое усиленіе княжеской власти, мы тѣмъ не менѣе еще очень далеки отъ признанія правильной теоріи Костомарова[1]); въ названный періодъ русской исторіи еще не

[1]) Характернѣе всего взгляды названнаго автора сказались въ его статьѣ „О началѣ единодержавія въ древней Руси“, собр соч книга 5, томъ XII.

можетъ быть рѣчи о началѣ единодержавія, и тѣмъ менѣе о стремленіи князей къ „собиранію“ земли.

Уже не говоря о томъ, что на стражѣ интересовъ государства продолжала еще стоять народная воля, выражавшаяся по-прежнему въ фактѣ „призванія“ князей на столъ, начало единодержавія не могло появиться и потому, что князь только теперь началъ входить во внутреннюю жизнь государства; только въ разсматриваемомъ періодѣ сталъ онъ постепенно и незамѣтно превращаться изъ придаточнаго и внѣшняго органа въ органъ постоянный, необходимый элементъ государства, къ которому стало переходить изъ рукъ вѣча осуществленіе верховной власти. Мы отмѣтили выше первыя черточки этого процесса перехода осуществленія верховныхъ правъ въ руки князя; но процессъ этотъ лишь зачинался въ то время, встрѣчая на своемъ пути еще весьма сильныя препятствія и препоны, изъ которыхъ однимъ изъ главныхъ было, конечно, положеніе, занимаемое боярствомъ, его публично-правовыя привилегіи, а также его исторически сложившаяся вольность, столь ограничивавшая свободу дѣйствій князя.

Далеко еще было князьямъ до положенія единодержавцевъ. Но не могло у нихъ быть и стремленія къ „собиранію“ земли. Ихъ взаимная борьба, постоянныя усобицы, находившія въ татарской помощи лишь новую себѣ пищу, взаимная зависимость князей, а равно и зависимое положеніе отъ всего прочаго соціальнаго строя,—все это не давало имъ времени думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ какъ о сохраненіи за собой собственнаго стола. Выражаясь описательно, забота о собственной шкурѣ должна была поглощать всѣ прочія цѣли жизни. Для возникновенія этой новой идеи, собиранія земли, требовалось первоначально высвобожденіе княжеской власти отъ тѣхъ путъ, которыя связывали ее, исторически возникнувъ изъ первоначальныхъ отношеній князя къ народу. А такое высвобожденіе произошло лишь позднѣе, въ такъ называемый Московскій періодъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить и отношенія князя къ

земельнымъ владѣніямъ, ихъ вотчинныя права. По-прежнему въ этой области проводилось еще различіе между частной собственностью князя и государственными землями, а также между его имущественными правами и публичными правомочіями. Характернѣе всего это различіе выступаетъ въ передачѣ княземъ своихъ правомочій въ завѣщаніяхъ; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ строго различались публичныя и частныя правомочія, права князя, какъ представителя верховной власти государства, и его права частнаго вотчинника.

Даже въ позднѣйшую эпоху, напр., въ періодъ начала возвышенія Москвы, мы замѣчаемъ слѣды того же начала. Такъ Калита, передавая свое владѣніе тремъ сыновьямъ, раздѣлилъ его на трети; но это вовсе не значило, что сама Московская волость была раздѣлена на три части, раздѣлены были лишь *княжескіе доходы.* Еще характернѣе это выступаетъ въ завѣщаніи Владиміра Андреевича своей трети пятерымъ сыновьямъ, при чемъ доходами съ его трети эти сыновья должны были пользоваться поочередно и погодно, что, очевидно, не можетъ относиться къ правамъ публичнымъ [1]).

Подтвержденіе этого мнѣнія мы находимъ въ сосуществованіи въ одной и той же волости права князя на княженіе и его права на личное имѣніе или вотчину. Въ первомъ случаѣ онъ пользовался, лишь *частью* доходовъ, во второмъ—*всѣми* доходами; въ первомъ, у него были ограниченныя права властителя, ограниченныя, какъ мы видѣли, весьма многосторонне, во второмъ—неограниченное право собственности. Поэтому-то личныя имѣнія, вотчины, всегда особо поименовывались въ духовныхъ граматахъ князей. Если бы не было такого различія, не было бы и надобности упоминать особо о вотчинахъ; все имущество въ одинаковой мѣрѣ переходило бы къ наслѣдникамъ, въ томъ числѣ и *вся* земля волости; но этого-то и не происходило, а слѣдовательно, у князей не было права распоряженія землею волости. Такъ, у Калиты, напр., въ его за-

[1]) Ср. Бѣляевъ, „Судьбы земщины“, стр. 60 и 61.

вѣщаніи поименовано лишь 4 города: Можайскъ, Коломна, Звенигородъ и Лопасня, какъ личная собственность, остальныя же части Московской волости оставались не за нимъ, а за земщиной; по отношенію къ первымъ городамъ онъ былъ собственникъ, по отношенію къ остальнымъ — правитель.

Это ограниченіе княжеской власти сознавалось настолько ясно въ тѣ времена, что даже въ личныхъ вотчинахъ князя могли возникать публично-правовыя отношенія, ограничивавшія свободное право распоряженія ими. А именно, князь не могъ свободно распоряжаться „земскими численными людьми", напр., завѣщать ихъ; „а численные люди вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдутъ съ единаго. А что мои люди купленные въ великомъ свертцѣ (столбцѣ), а тыми ся подѣлять сынове мои" [1]).

Нельзя рѣзче провести границу между собственностью князя и принадлежностью волости.

Мы нарочно привели примѣры изъ немного позднѣйшей эпохи. Если и тогда еще проводилась рѣзкая граница между этими двумя категоріями правомочій князей, то ранѣе различіе это было еще большее, еще болѣе рѣзкое. Слѣдовательно и въ періодъ монгольскаго ига не можетъ быть рѣчи о признаніи за княжеской властью права собственности на территорію всего государства [2]).

Такого права еще не существовало. Княжеская власть была еще слишкомъ ограничена и слишкомъ зависима. Далеко еще было то время, когда у русскаго князя и въ помыслахъ могла появиться идея считать свое государство своею вотчиной, своею собственностью.

---

[1]) Бѣляевъ, тамъ же, стр. 61.
[2]) См. выше, стр. 135, II, II-й главы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Господинъ Великій Новгородъ.

I.

Новгородская волость.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію исторіи возвышенія Московскаго княжества, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе. Дѣло въ томъ, что въ общей семьѣ славянскихъ волостей-государствъ выдѣлялась одна нѣкоторыми своеобразностями, создавшими ей особую исторію и предоставившими возможность успѣшно бороться съ политикой Московскихъ князей. Мы имѣемъ въ виду Господина Великаго Новгорода.

Этимъ громкимъ именемъ обозначается не только самъ Новъ-городъ, но и вся волость, все то государство, которое сложилось вокругъ Новгорода, съ его отдѣльными землями, пригородами, инородцами, городскими концами и сторонами, погостами и присудами. Въ центрѣ государства, какъ и въ другихъ волостяхъ, стоялъ городъ, раздѣленный на двѣ половины или стороны: Софійскую и Торговую; каждая сторона дѣлилась въ свою очередь на концы и улицы; дѣленіе это для насъ важно въ виду того, что оно представляетъ собою лучшій примѣръ самоуправляющихся единицъ и общинъ нашего древняго государства. Вокругъ города лежали Новгородскія земли, населенныя славянскими и финскими племенами [1]); каждая

---

[1]) Въ данномъ случаѣ необходимо оговориться относительно значенія термина „волость". Какъ въ источникахъ. такъ и у многихъ

земля, каждая Новгородская колонія въ свою очередь концентрировалась вокругъ своего пригорода; къ числу послѣднихъ принадлежали Ладога, Торжокъ, Руса и др.

Исторія Новгородской волости ведетъ свое начало изъ глубокой древности; корни ея кроются въ самыхъ раннихъ временахъ колонизаціи Славянами восточныхъ пространствъ Европы, населенныхъ до тѣхъ поръ дикими финскими народцами.

Въ настоящее время еще недостаточно ясно разработанъ исторической наукой этотъ грандіозный процессъ славянской колонизаціи; только общія черты его намѣчаются изслѣдователями, какъ, напр., движеніе Славянъ съ Запада на Востокъ, съ Юга на Сѣверъ и т. п.

Тяжелыя климатическія и географическія условія, съ которыми приходилось бороться сѣвернымъ колонизаторамъ, сдѣлали изъ нихъ особенно предпріимчивое и энергичное племя. Уже самые древніе пришельцы занимаютъ на Сѣверѣ господствующее положеніе среди мѣстныхъ финскихъ племенъ; уже времена IX вѣка застаютъ тамъ хорошо развитую торговлю, общественную жизнь, вполнѣ сложившуюся волость, со всѣми признаками государственности.

Эта предпріимчивость, энергія, сознаніе своего превосходства надъ окружающими племенами, на долгое время отличали сѣверныхъ колонизаторовъ и создали тотъ могущественный духъ вольности и привязанности къ своей независимости и свободѣ, который впослѣдствіи далъ возможность Великому Новгороду замкнуться въ собственный міръ, отражая столь успѣшно посягательства Московскихъ князей.

Съ Великимъ Новгородомъ связана, между прочимъ, и легенда призванія варяжскихъ князей и основанія русскаго госу-

---

изслѣдователей „волость“ часто обозначаетъ „землю“, „часть“ государства, его административный или самоуправляющійся округъ; въ особенности часто мы встрѣчаемъ такое значеніе слова „волость“ въ исторіи Великаго Новгорода. Въ видахъ чисто методологическихъ мы продолжаемъ употреблять этотъ терминъ исключительно для обозначенія всего Новгородскаго государства, а не какой-либо его части.

дарства. Мы уже разобрали выше [1]), почему именно съ Новгородомъ связывала народная молва фактъ призванія чужестранныхъ властителей, какъ, именно здѣсь, благодаря постоянному соприкосновенію со скандинавскими находниками, легче всего должно было произойти политическое единеніе этихъ находниковъ со славянской волостью - государствомъ, оправдывая этимъ народное сказаніе о началѣ государства. Такимъ образомъ Новгородъ явился однимъ изъ первыхъ славянскихъ городскихъ центровъ, вокругъ котораго слагалась одна изъ первыхъ славянскихъ волостей.

Строеніе этого первобытнаго государства ничѣмъ не отличалось отъ первобытныхъ волостей другихъ славянскихъ племенъ Юга и Запада; мы имѣемъ здѣсь тотъ же центральный пунктъ-городъ, то же народное собраніе-вѣче, управлявшее государствомъ, тѣхъ же князей-защитниковъ, тѣ же княжескія дружины, составленныя изъ чужестранцевъ и славянскихъ воевъ и т. д. и т. д.

Но имѣлась и одна отличительная черта, выдѣлявшая Новгородскую волость отъ ея прочихъ славянскихъ сосѣдокъ, а именно, ея географическое расположеніе и сравнительно суровый климатъ.

Новгородскія колоніи и земли занимали огромное пространство, при чемъ дѣлились внѣшнимъ образомъ на три разряда, на земли, лежащія поблизости Новгорода, какъ-то земли пригородовъ Волока, Торжка, Бѣжичей и др., на такъ называемое Заволочье, колоніи, лежавшія по Сѣв. Двинѣ, Онегѣ и Пинегѣ и, наконецъ, на отдаленныя земли Печеры, Перми и Югры, тянувшіяся по ту сторону Урала вплоть до Оби.

Для насъ это географическое расположеніе Новгородскихъ земель имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что имъ именно объясняются тѣ особенности этой волости, которыя ее впослѣдствіи отличали отъ прочихъ славянскихъ волостей. Тогда какъ на развитіе остальныхъ, въ особенности южныхъ волостей,

---

[1]) См. главу I.

постоянно оказывали воздѣйствіе постороннія, внѣшніе факторы, волость Новгородская развивалась преимущественно внутренно, на почвѣ собственныхъ соціальныхъ элементовъ; тогда какъ, напр., Югу приходилось постоянно имѣть дѣло со степными варварами, Новгородъ ихъ почти не зналъ, тогда какъ Печенѣги, а за ними Половцы, чуть не ежегодно появлялись въ южныхъ волостяхъ, они почти никогда не показывались въ земляхъ Новгородскихъ; путь къ послѣднимъ былъ слишкомъ далекъ, слишкомъ труденъ и опасенъ, благодаря отмѣченнымъ выше географическимъ и климатическимъ факторамъ; позднѣе, это же обстоятельство избавило Новгородъ отъ злѣйшаго врага Руси, Монголовъ, и предохранило его общественныя учрежденія отъ вліянія монгольскаго права и обычаевъ, оказывавшихъ, какъ мы видѣли выше, такое сильное воздѣйствіе на прочія славянскія волости.

Что же касается инородцевъ, обитавшихъ на новгородскихъ земляхъ, то развитіе ихъ общественности, культуры, государственности и характера личности, стояло настолько ниже тѣхъ же элементовъ славянской общественной жизни, что Новгородцамъ мало приходилось съ ними считаться; во всякомъ случаѣ эти инородцы не были въ состояніи оказывать какое-либо существенное воздѣйствіе на общественную жизнь Славянъ.

Только въ одномъ отношеніи проявлялось нѣкоторое вліяніе инородцевъ на Славянъ. Православіе на Сѣверѣ должно было бороться съ язычествомъ въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ на Югѣ; языческіе культы продержались среди Новгородскихъ земель гораздо долѣе и оказали замѣтное вліяніе и на христіанство, и на положеніе церкви въ обществѣ. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ финскія племена Новгородской волости должны были уступать Славянамъ какъ со стороны нравственной и культурной, такъ и со стороны физической, въ предпріимчивости, энергіи, внѣшней силѣ славянскихъ колонистовъ. Такимъ образомъ Новгородъ могъ образовать среди Русскихъ земель тотъ самостоятельный, независимый и свободолюбивый

уголокъ, на который не въ состоянiи были посягать никакiя внѣшнiя силы, даже такiя страшныя и могущественныя, какъ монгольскiя полчища. Онъ былъ самою природою отдѣленъ отъ прочей Руси и съ теченiемъ времени окончательно замкнулся въ свой собственный общественный мiрокъ; тогда какъ южныя волости, въ особенности волость Кiевская, представляли собой путь прохода иноземной торговли, съ ея чужестраннымъ влiянiемъ, Новгородъ являлся въ сторонѣ лежащимъ конечнымъ пунктомъ, торговавшимъ собственнымъ починомъ своими природными богатствами; на Югѣ чужестранное влiянiе приходило само, помимо воли Славянъ, на Сѣверѣ иницiатива торговли принадлежала лично предпрiимчивымъ новгородскимъ молодцамъ, привозившимъ домой новыя идеи и понятiя изъ-за границъ Новгородской волости. Но надо имѣть въ виду, что если непроходимыя болота и дремучiе лѣса отдѣляли Новгородъ отъ сосѣднихъ волостей и ограждали его отъ всякой внѣшней опасности, то такiя же природныя условiя облегчали ему его собственныя торговыя сношенiя съ иноземцами; возьмемъ для примѣра хотя бы ту богатую водную систему, которая представляла Новгородцамъ столь удобный путь на Сѣверъ, въ далекое Варяжское море, къ Нѣмцамъ и Скандинавамъ, и позволяла имъ развивать столь могущественную торговлю съ чужими странами, не подвергая одновременно опасности свою родину.

Таково было то огромное значенiе географическаго расположенiя Новгородскаго государства, которое оказывало влiянiе и на дальнѣйшее развитiе этой волости. Но, если мы принимаемъ этотъ факторъ историческаго развитiя Новгорода въ полномъ его значенiи, мы еще не можемъ идти такъ далеко, какъ это дѣлала нѣкоторая историческая школа проводившая полнѣйшее и непримиримое дѣленiе Руси на Южную и Сѣверную; олицетворенiемъ этихъ двухъ половинъ школа эта считала на Сѣверѣ Новгородъ, на Югѣ Кiевъ. Тогда какъ сѣверныя волости были построены на началѣ „народоправства“, южныя все болѣе усиливали положенiе и права князя,

рано превративъ его въ главу государства, въ монарха въ полномъ смыслѣ этого слова [1]).

Насколько эта теорія не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей, мы постарались выяснить выше. Но ошибка здѣсь заключается, конечно, не въ неправильной оцѣнкѣ Новгородскаго государственнаго строя, а въ приданіи южной волости слишкомъ рѣзко опредѣленнаго монархическаго начала, которое на самомъ дѣлѣ не существовало. Въ оба первыхъ періода исторіи русской государственности, положеніе князя въ волости, какъ на Сѣверѣ, въ Новгородѣ или Псковѣ, такъ и на Югѣ, въ Кіевѣ или Черниговѣ, было по существу своему тождественно; основнымъ строеніемъ волости-государства древнихъ Славянъ было одно и то же народоправство. Лишь въ монгольскій періодъ начинаетъ проявляться нѣкоторая разница государственнаго устройства сѣверной волости отъ волостей южныхъ. Главной причиной возникновенія этого различія было отмѣченное выше географическое расположеніе Новгородскихъ земель, позволившее Новгороду противодѣйствовать вліянію монгольскаго права, обычаевъ и

[1]) Этого мнѣнія держатся напр. г. Иловайскій и проф. Самоквасовъ; послѣдній даже утверждаетъ, что на Югѣ существовало единодержавіе (?!) въ XIII вѣкѣ, на Сѣверѣ же народоправская, республиканская форма государственнаго устройства. Приблизительно подобнаго-же мнѣнія держались и Костомаровъ (см. Сѣв. народоправства) и Кавелинъ (Рецензія на „Изслѣдованія С. М. Соловьева“, томъ I, собр. соч., монографіи по рус. исторіи, Спб. 1897; рецензія эта перепечатана изъ Отеч. Записокъ 1846 года, кн. 12). Кавелинъ высказываетъ эту мысль въ своей рецензіи на диссертацію Соловьева (Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ), укоряя послѣдняго именно въ томъ, что имъ не была проведена такая разграничительная черта между Югомъ и Сѣверомъ. Между тѣмъ, истина находится на сторонѣ Соловьева, а не Кавелина. Соловьевъ правильно указывалъ, что „внутреннее устройство городовъ и общинъ въ юго-западной и сѣверо-восточной Россіи не представляло существеннаго различія, что и тамъ и здѣсь мы находимъ вѣче и князя, двѣ власти, которыя являются одна возлѣ другой во всей древней Россіи“; нельзя проводить различія и на основаніи отношеній князя къ земельной собственности; и на Сѣверѣ и на Югѣ вотчинное право князя построено было на совершенно аналогичныхъ началахъ.

нравовъ, отразившагося на общественной и государственной жизни прочихъ волостей [1]).

Только что отмѣченное научное мнѣніе, выдѣляющее сѣверныя народоправскія волости въ самостоятельную и раздѣльную группу, основывалось на трехъ ошибочныхъ предположеніяхъ: во-первыхъ на неравномѣрномъ количествѣ фактовъ, приводимыхъ древнимъ лѣтописцемъ, во-вторыхъ, на переоцѣнкѣ вліянія на Новгородъ иностраннаго права, и въ-третьихъ, на неправильномъ опредѣленіи княжеской власти въ южныхъ волостяхъ. Послѣднее предположеніе разобрано выше, остаются слѣдовательно два первыхъ. О вѣчахъ Новгорода и Пскова и объ общественной жизни этихъ двухъ государствъ лѣтописецъ сохранилъ намъ гораздо большее количество фактовъ, гораздо болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ о Югѣ Руси, что и давало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ приписывать народоправское начало одному Сѣверу; въ настоящее время такая теорія подрывается тѣми новыми фактами, которые извѣстны намъ изъ исторіи южныхъ волостей, фактами, показывающими, что и на Югѣ, и на Западѣ, какъ и на Сѣверѣ и Востокѣ, повсюду на Руси вплоть до конца, такъ называемаго, Удѣльнаго періода, господствовало народоправство, предоставлявшее всю верховную власть въ руки вѣча и сохранявшее за княземъ лишь второстепенное мѣсто въ государствѣ.

Наконецъ, что касается предположенія о вліяніи иноземнаго права на Новгородскую общественную жизнь, то, какъ сказано, оно до чрезвычайности переоцѣнено [2]). Вліяніе это оказывало свое воздѣйствіе лишь на взаимныя торговыя сно-

---

[1]) Костомаровъ совершенно вѣрно оцѣнилъ этотъ физическій факторъ, способствовавшій обособленію Новгородской волости; онъ не разъ указываетъ въ своихъ трудахъ на то вліяніе, которое испытывали южныя волости, напр., со стороны степи, отъ нашествія Половцовъ и Печенѣговъ, къ помощи которыхъ такъ часто прибѣгали даже сами князья; повторяемъ, его ошибка по нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ заключается въ нѣкоторой переоцѣнкѣ монархическаго начала южной русской волости.

[2]) Ср. Костомаровъ „Начало единодержавія въ древней Руси", § II; собр. соч., книга 5, томъ XII, Спб. 1905 г.

шенія и на положеніе иностранцевъ въ Новгородѣ; положеніе послѣднихъ было, благодаря ихъ привилегіямъ, обособлено отъ общественной жизни самихъ Новгородцевъ; иностранцы жили на своемъ Нѣмецкомъ или Готскомъ дворѣ, проживали всегда лишь короткое время, не сближаясь и мало общаясь съ Новгородцами, заключая свои отношенія въ тѣсную рамку торговли; обыкновенно эти иностранцы, носившіе общее наименованіе гостей, оставались въ Новгородѣ лишь одно лѣто или одну зиму и затѣмъ, уѣзжая, смѣнялись новой партіей гостей; въ такое короткое время имъ невозможно было даже научиться по русски, а тѣмъ менѣе могли они оказывать вліяніе на общественные порядки и жизнь Новгородцевъ. Да къ тому же строй западныхъ городовъ вовсе не походилъ на строй Новгородской волости, и мы не находимъ никакихъ признаковъ заимствованія въ Новгородскомъ государственномъ правѣ изъ системы институтовъ, напр., ганзейскихъ городовъ, что яснѣе всего доказываетъ отсутствіе вліянія такихъ институтовъ на учрежденія Новгородской волости. Иноземное вліяніе сказалось, такимъ образомъ, лишь въ области частнаго и торговаго права и на положеніи иностранцевъ.

Лишь съ начала XIV вѣка становится яснымъ, что государственное устройство и общественная жизнь приняли на Сѣверѣ и на Югѣ различныя направленія и, тогда какъ на Югѣ все крѣпло начало монархическое, другими словами княжеская власть, на Сѣверѣ еще продолжалъ господствовать общинный, народоправскій бытъ, благодаря вышеуказаннымъ условіямъ географическаго расположенія Новгородской волости.

Для того, чтобы уяснить себѣ этотъ процессъ, выдѣлившій Новгородъ въ особое положеніе, присмотримся ближе къ внутренней жизни и развитію общественнаго строя этого государства.

Основной чертой характера Новгородцевъ были ихъ свободолюбіе и господство начала личной свободы; складывалось это явленіе столѣтіями; вся жизнь Новгородцевъ была издавна

построена на личномъ началѣ; борьба за существованіе выработала въ нихъ огромную энергію, несокрушимую предпріимчивость, развила въ нихъ любовь къ собственной свободѣ; такая энергія и предпріимчивость приносила Новгородцамъ и имущественную состоятельность; на этомъ построена была вся система ихъ торговли, а послѣдняя, благодаря своему большому развитію, приносила Новгородцамъ и ихъ богатство. Но рядомъ съ этимъ выростали, конечно, и тѣневыя стороны въ характерѣ Новгородца; благодаря крайнему развитію личнаго начала, процвѣтали усобицы, междоусобія, насиліе надъ слабымъ, смуты среди Новгородскаго общества. Новгородская волость издревле была извѣстна своею неуживчивостью и нетерпимостью, отъ которыхъ, напр., пострадалъ не одинъ князь. Именно въ Новгородѣ встрѣчаемъ чаще всего случаи изгнанія князей; не даромъ отвѣтилъ Святославъ Новгородцамъ, просившимъ у него сына Владиміра себѣ въ князья, „кто къ вамъ пойдетъ“; въ этихъ словахъ выразилась та опаска, которую ощущали князья передъ нетерпимымъ характеромъ Новгородцевъ; подобные же примѣры мы встрѣчаемъ и въ позднѣйшихъ сказаніяхъ нашего лѣтописца, и въ XI, и въ XII, и въ XIII столѣтіяхъ. Но вражда и усобицы не ограничивались, конечно, одними княжескими дѣлами; и между собой Новгородцы слишкомъ часто прибѣгали къ разрѣшенію спорныхъ вопросовъ силой; вспомнимъ хотя бы хорошо извѣстныя боярскія распри и Новгородскіе бои на Волховскомъ мосту; враждующія стороны, либо партіи часто вооружались другъ противъ друга, вслѣдствіе чего возникали, иногда даже кровопролитныя, „*голки*“, всегда вредно отзывавшіяся на мирномъ развитіи общественной жизни. На этой-же тѣневой сторонѣ Новгородскаго характера основывалось „молодечество“, которое, собственно говоря, представляло собой не что иное, какъ организованные набѣги грабителей и пиратовъ на сосѣднія земли; какъ уже упоминалось, по своему характеру и соціальному положенію Новгородскіе молодцы ничѣмъ не отличались отъ варяжскихъ находниковъ; цѣль ихъ жизни и способъ добыванія средствъ

къ существованію были одни и тѣ же, набѣги и грабежи; а отсюда проистекала и та легкость, съ которой единялись эти два элемента, варяжскія и Новгородскія шайки искателей приключеній, для совмѣстнаго дѣйствія и взаимной помощи.

Но надо замѣтить по справедливости, что самъ Новгородъ былъ многимъ обязанъ своимъ молодцамъ. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ намъ, какъ они завязывали сношенія съ чужими далекими странами, какъ они привозили съ собой, возвращаясь изъ своихъ походовъ и набѣговъ, богатства, какъ они привлекали къ Новгороду иностранныхъ купцовъ и т. д. Еще старинные ушкуйники Новгородскіе, какъ передаютъ намъ скандинавскія саги, имѣли дѣятельныя сношенія съ далекимъ сѣверомъ; Новгородская молодежь не только привозила съ собой богатства, но открывала Новгороду новые рынки, зачастую пріобрѣтая ему и новыя земли. Характернѣе всего передаются подвиги такихъ молодцовъ въ народныхъ сказаніяхъ о разныхъ Акундинахъ Акундиновичахъ, Васькахъ Буслаевыхъ или Ѳомкахъ Ременниковыхъ и имъ подобныхъ[1]). Эти сношенія Новгородскихъ повольниковъ съ заморскими странами были чрезвычайно выгодны Господину Великому Новгороду; на нихъ основывались и изъ нихъ выростали и крѣпли его торговля и имущественная состоятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и внѣшняя самостоятельность.

Но сношенія эти съ чужими краями должны были имѣть и другое слѣдствіе, а именно постепенное проникновеніе вліянія иноземнаго права; послѣднее стало воздѣйствовать главнымъ образомъ на частное и торговое право Новгородцевъ, при чемъ путемъ, черезъ который проникало это вліяніе, были тѣ договоры, которые приходилось Новгороду заключать со своими иностранными торговыми контрагентами. Чѣмъ больше росла иноземная торговля Великаго Новгорода, тѣмъ больше ощущалась потребность въ ея правовомъ урегулированіи; изъ этой

[1]) Ср. Бѣляевъ, Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика, стр. 34 и слѣд. Временникъ Имп. Моск. Об-ва Исторіи и Древн. Росс. 1850 года, книга 8.

потребности и выросли знаменитые Новгородскіе договоры съ Ганзой и Готландомъ; ими обезпечивались взаимныя права и обязанности обѣихъ сторонъ, а равно опредѣлялись и взаимныя привилегіи въ положеніи иностранныхъ купцовъ.

До насъ дошли нѣсколько подобныхъ договоровъ Новгорода, являющіеся цѣнными свидѣтельствами развитія частно-правовыхъ институтовъ ганзейской торговли, а также и исторіи положенія иностранцевъ въ Новгородѣ. Какъ справедливо замѣтилъ еще Андреевскій [1]), размѣры все растущей Новгородской торговли въ XIII вѣкѣ стали уже настойчиво требовать себѣ правовой нормировки. Какъ торговыя сдѣлки, такъ и Новгородское торговое судопроизводство, и взаимныя правовыя привилегіи должны были быть опредѣляемы правовымъ актомъ, какимъ и являлись международные договоры Новгорода. Очевидно, что такіе договоры должны были отражать на себѣ иностранныя правовыя нормы; возмемъ хотя-бы тѣ привилегіи, которыя обезпечивались, въ видѣ приманки иностранцамъ, въ предѣлахъ Новгородской волости [2]).

Но какъ бы значительно ни было это чужеземное вліяніе на развитіе Новгородскаго частнаго права, регулировавшаго торговлю и привилегіи иностранныхъ купцовъ, на общественномъ и государственномъ строѣ оно не отражалось. Государственный строй, какъ и въ старину, такъ и позднѣе, развивался на началахъ народоправства. Во главѣ волости-государства стояло народное собраніе, вѣче, въ рукахъ котораго и сосредоточивалась верховная власть. Въ этомъ отношеніи, вплоть до временъ монгольскаго нашествія, т. е. до начала XIII вѣка, Новгородская волость, какъ уже сказано, ничѣмъ не отличалась отъ своихъ сосѣдокъ, прочихъ славянскихъ волостей.

---

[1]) О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 году. Спб., 1855 г.

[2]) См. в. назв. трудъ проф. Андреевскаго, а также Костомарова Сѣверно-русскія народоправства, томъ II, глава VIII, § VI, стр. 217 и слѣд.

Верховная власть, какъ и въ прочихъ славянскихъ волостяхъ, осуществлялась въ Новгородѣ вѣчемъ [1]).

Въ рукахъ его сосредоточилась политическая власть распоряженіе судьбами волости и народа, верховный судъ и управленіе, однимъ словомъ всѣ тѣ функціи, которыя подлежали компетенціи вѣча и въ другихъ волостяхъ; сюда относится слѣдовательно все сказанное выше о вѣче вообще, его положеніи и значеніи въ древне-русской волости [2]); въ частности, отношенія вѣча къ князю, были также совершенно тождественны съ отношеніями, существовавшими между нимп въ прочихъ волостяхъ; правда, какъ мы замѣтили уже, Новгородскій народъ былъ свободолюбивѣе другихъ, болѣе сварливъ и неуживчивъ, но разница эта была фактическая; съ точки же зрѣнія юридической, положеніе князя въ Новгородской волости было тождественно съ положеніемъ его собратьевъ въ другихъ волостяхъ; только фактически была нѣкоторая разница, въ томъ напр., что Новгородскій князь долженъ былъ быть еще болѣе уступчивымъ, долженъ былъ еще болѣе считаться съ вѣчемъ и тѣми должностными лицами, которыя ставились „отъ народа“. Отсюда то бо́льшее количество примѣровъ изгнаній князей и „неладовъ“ ихъ съ народомъ, о которыхъ такъ часто говоритъ лѣтописецъ; отсюда и большее число случаевъ такъ наз. „незаконныхъ и тайныхъ“ вѣчевыхъ собраній, которыя считались нашими ислѣдователями именно таковыми, вслѣдствіе ихъ дѣйствій противъ князей и княжеской власти [3]); мы выше уже разобрали неосновательность этихъ теорій, влѣдствіе чего намъ не приходится здѣсь на нихъ долѣе останавливаться; скажемъ лишь, что всякое народное собраніе, имѣвшее за собой большинство народа и физическую силу, было законнымъ вѣчемъ, законнымъ распорядителемъ судебъ волости.

---

[1]) Ср. Бѣляевъ, Разсказы изъ русской исторіи (томъ II, исторія Новгорода Великаго) изд. 2-ое, Москва 1866. Разсказъ четвертый, стр. 145 и слѣд.

[2]) См. II, I-ой главы.

[3]) Ср. Бѣляевъ, тамъ же, стр. 148, также Костомаровъ, Сѣв. Народоправства.

Лишь особенности характера Новгородца объясняютъ намъ тотъ фактъ, что именно въ этой волости, чаще чѣмъ въ другихъ, встрѣчаемъ мы противуположеніе народа князю, открытую борьбу народнаго собранія съ княжеской властью. Этому же отчасти способствовало и то обстоятельство, что именно объ исторіи Новгородской волости у насъ имѣется большее количество точныхъ свѣдѣній. Возьмемъ для примѣра вопросъ объ отношеніи пригородовъ и ихъ вѣчевыхъ собраній къ вѣчу города метрополіи.

Нигдѣ не выступаетъ такъ ярко, какъ въ исторіи Новгородскаго государства то начало самоуправленія, которое регулировало отношенія пригородовъ къ городу.

Самъ Новгородъ дѣлился на нѣсколько такихъ самоуправляющихся единицъ; его двѣ половины состояли изъ концовъ, концы же изъ улицъ, а каждый конецъ, каждая улица имѣли свои собранія, свои вѣча, для рѣшенія своихъ мѣстныхъ вопросовъ, для администраціи своихъ мѣстныхъ интересовъ [1]). Но надъ всѣми концами и надъ всѣми улицами, также, какъ и надъ всѣми пригородами и землями, стояло общее городское вѣче, собиравшееся обыкновенно въ центрѣ дѣтинца, у св. Софіи, правившее государствомъ и единявшее самоуправляющіяся части во имя общихъ интересовъ, при рѣшеніи вопросовъ, касавшихся общей жизни всей волости.

Каждый конецъ, какъ и каждая улица жили своей самостоятельной жизнью, но обязаны были считаться съ мнѣніемъ общаго вѣча, какъ только затронутыми оказывались общіе интересы.

Совершенно тождественное построеніе вопроса находимъ мы и въ положеніи пригородовъ; и они были вполнѣ самостоятельны въ завѣдываніи своихъ личныхъ и мѣстныхъ интересовъ, посредствомъ своихъ частныхъ народныхъ собраній, но и они должны были подчиняться вѣчу метрополіи, когда затронутыми оказывались общіе волостные интересы.

---

[1]) Ср. Костомаровъ, Сѣвернорусскія народоправства, томъ II, глава шестая.

Главнѣйшія основанія и принципы вѣчевой жизни намъ уже извѣстны [1]); на вѣчѣ могъ участвовать любой свободный гражданинъ данной волости; при этомъ безразлично, было ли то вѣче конца или улицы, пригорода или самого Великаго Новгорода. Въ исключительно важныхъ случаяхъ, когда грозила волости, напр., какая-нибудь внѣшняя опасность, на Новгородское вѣче „призывались" и пригороды; подобный примѣръ мы имѣемъ въ призваніи Рюрика и его братьевъ; вмѣстѣ съ Новгородцами, по свидѣтельству лѣтописца, участвовали въ этомъ призваніи и многіе пригороды и даже инородцы.

Но при полнѣйшей мѣстной самостоятельности пригородовъ и другихъ самоуправляющихся единицъ, они все-таки были зависимы въ нѣкоторыхъ дѣлахъ отъ Новгородскаго вѣча. На первомъ планѣ здѣсь конечно должны быть поставлены общеволостные интересы, какъ, напр.: война и миръ, внѣшняя безопасность, призваніе князя и его дружины и т. п. Затѣмъ, зависимость ихъ сказывалась и въ финансовомъ отношеніи; Новгородское вѣче или князь имѣли право облагать пригороды извѣстными финансовыми повинностями, извѣстными сборами и данью на свои нужды. Далѣе, существовала зависимость пригородовъ и въ области административной; мѣстное управленіе пригородовъ находилось въ рукахъ посадниковъ; но тогда какъ Новгородскій посадникъ избирался самимъ народомъ, посадникъ пригорода назначался изъ Новгорода, при чемъ очень часто случалось, что на такую должность Новгородское вѣче избирало своего бывшаго или „стараго" посадника; въ такомъ фактѣ назначенія этого должностного лица изъ Новгорода нельзя конечно не видѣть извѣстной зависимости пригорода отъ центральной власти; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же способъ замѣщенія посаднической должности не разъ вызывалъ протестъ со стороны пригородовъ; послѣдніе иногда отказывались принимать посадниковъ, которыхъ посылалъ ему Новгородъ; чаще всего встрѣчаются такіе протесты со стороны

---

[1]) См. выше, II, I-й главы.

Торжка. Но надо здѣсь же оговориться; подобные примѣры протестовъ и противленія распоряженіямъ Господина Великаго Новгорода всегда касались данной личности, даннаго частнаго случая, а не самого порядка назначенія посадниковъ; пригороды никогда не противились такой системѣ замѣщенія ихъ высшей административной должности, протестуя только противъ присылки къ нимъ данной, нежелательной имъ личности.

Кромѣ перечисленныхъ формъ зависимости отдѣльныхъ самоуправляющихся единицъ, въ томъ числѣ и пригородовъ отъ Господина Великаго Новгорода, необходимо упомянуть еще одну, а именно зависимость въ дѣлѣ военномъ; послѣднее находилось уже издревле въ завѣдываніи центра, т. е. народнаго собранія метрополіи и избираемыхъ имъ органовъ, какъ-то князя, посадника, тысяцкаго; при этомъ центральная власть не только распоряжалась военной силой волости, т. е. войскомъ, но и способами охраны государства, укрѣпленіями, сооруженіемъ дѣтинцевъ въ пригородахъ, этихъ первобытныхъ славянскихъ крѣпостей, и т. п. [1]).

Такова та сложная система, на которой построено было соотношеніе пригородовъ и ихъ метрополіи. Благодаря гораздо болѣе подробнымъ и точнымъ свѣдѣніямъ, сохраненнымъ намъ древней лѣтописью объ исторіи Великаго Новгорода, мы имѣемъ болѣе легкую возможность детально изслѣдовать данный вопросъ; исторія Новгорода даетъ намъ наилучшій примѣръ этихъ отношеній пригородовъ къ городу, колоній къ метрополіи, этой исторіи развитія самостоятельныхъ отпрысковъ города-матери.

Но надо замѣтить, что общіе принципы соотношенія пригородовъ и городовъ были одни и тѣ же для всей Руси той эпохи.

Какъ и въ прочей Руси, такъ и въ Новгородѣ и его земляхъ, мы не находимъ въ разбираемую эпоху среди населенія ея сословій; и здѣсь господствовало полнѣйшее юридическое равенство; всякій промыселъ, всякій видъ торговли

---

¹) Ср. Костомаровъ, „Сѣв. народоправства“, томъ II, глава VII, § 4; проф. Ключевскій, Курсъ рус. исторіи, часть II, стр. 90—91.

или другихъ занятій были открыты каждому, начиная отъ князя или боярина и кончая послѣднимъ смердомъ; жизнь гражданина слагалась смотря по его личнымъ вкусамъ, энергіи, удачѣ и придпріимчивости, не встрѣчая въ своемъ развитіи никакихъ правовыхъ препонъ. Но, если, какъ и въ прочей Руси, не существовало въ Новгородѣ сословій, то этимъ еще не исключается возможность образованія классовыхъ или соціальныхъ группировокъ населенія. Такъ, изъ общей массы Новгородскаго народа можно выдѣлить, напр., классъ богатыхъ, землевладѣльцевъ, сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ политическую власть, классъ, который носитъ общее наименованіе боярства; затѣмъ, можно отмѣтить, болѣе обширный классъ купечества, занимавшагося торговлей; и наконецъ прочихъ гражданъ, людиновъ, черныхъ людей, составлявшихъ прочее количество жителей волости.

Новгородскіе бояре, какъ и въ другихъ городахъ, первоначально были исключительнымъ правящимъ классомъ, соотвѣтствовавшимъ уже знакомымъ намъ градскимъ старцамъ, вящимъ мужамъ, бо̀льшимъ людямъ. Впослѣдствіи, рядомъ съ ними стала княжеская дружина, постепенно отнимая у нихъ ихъ политическое вліяніе и значеніе. Изъ рядовъ этого боярскаго класса поставлялись всѣ высшія должностныя лица государства, всѣ руководители политическихъ партій, а также и немалое число совѣтниковъ князя, его думцевъ. Изъ рядовъ боярства избирались не только княжіе мужи, но и представители вѣча и народа, посадники и тысяцкіе.

Съ теченіемъ времени классъ Новгородскихъ бояръ несмѣтно богатѣлъ, что стало особенно замѣтно съ появленіемъ у него вотчиннаго права; земельныя владѣнія Новгородскихъ бояръ были едва ли не самыя обширныя во всей Руси. Но особое значеніе этотъ классъ пріобрѣталъ главнымъ образомъ благодаря своей политической власти, благодаря тому, что имъ не только оказывалось фактическое руководительство политической жизнью волости и рѣшеніями вѣча, но и поставлялись

всѣ высшія должностныя липа, въ числѣ коихъ были избранники народа, посадники и тысяцкіе.

Что касается прочихъ классовъ населенія, купцовъ, черныхъ и вольныхъ людей, повольниковъ, представлявшихъ собой классъ предпріимчивыхъ гражданъ, ведшихъ торговлю съ чужими странами, то между ними трудно провести принципіальное различіе, благодаря господству полнѣйшей личной свободы, мы встрѣчаемъ здѣсь постоянные переходы изъ одного класса въ другой, отъ одного занятія къ другому, что не позволяло населенію кристаллизоваться въ обособленные другъ отъ друга классы; границы между послѣдними оставались постоянно неопредѣленными и текучими. „Неудивительно, говоритъ Костомаровъ [1]), что свободное начало въ Новгородѣ было источникомъ вѣчнаго хаоса, смутъ и партій „. . . . . „Свобода выдвигала бояръ изъ массы. . . ., но та же свобода подвигала толпу противъ нихъ, препятствовала дальнѣйшему ихъ усиленію и наказывала за временное господство—низвергала ихъ для того, чтобы дать мѣсто другимъ, разыграть такую же исторію возвышенія и паденія“. Господство личной свободы не позволяло классамъ замыкаться въ самихъ себя, постоянно открывая двери новымъ пришельцамъ, новымъ элементамъ.

Въ Новгородскомъ обществѣ мы находимъ слѣдовательно тѣ же элементы, тѣ же соціальныя явленія, какъ и въ другихъ славянскихъ волостяхъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь, въ Новгородѣ, еще сильнѣе отражалось начало личной свободы на частной жизни гражданина; борьба за существованіе была тяжелѣе, характеръ Новгородца, благодаря этому, предпріимчивѣе и энергичнѣе, переходы изъ класса въ классъ чаще и легче.

---

[1]) „О значеніи Великаго Новгорода въ русской исторіи“, публичная лекція, читанная въ Новгородѣ 30 апрѣля 1861 года; собр. соч., книга первая, томъ I, стр. 212; Спб. 1903.

II.

Положеніе Новгородской церкви.

Въ числѣ тѣхъ особенностей, которыя отличали Новгородскую волость отъ прочихъ славянскихъ волостей, слѣдуетъ намъ отмѣтить, во-первыхъ, то огромное количество инородцевъ, которые жили въ предѣлахъ ея земель, бокъ о бокъ со Славянами, а, во-вторыхъ, то особое положеніе, которое заняла, благодаря нѣкоторымъ исторически развивавшимся факторамъ, Новгородская церковь.

Все населеніе интересующей насъ волости можно раздѣлить на двѣ почти равныя количественно части, Славянъ и Финновъ. Какъ уже замѣчено было выше, присутствіе послѣднихъ почти не отражалось на исторіи общественныхъ учрежденій и государственности Новгорода; для подобнаго вліянія финскіе народцы стояли еще на слишкомъ низкой ступени культурнаго и общественнаго развитія; государственная и общественная жизнь Новгородцевъ поглощала ихъ собственныя зачатки государственности.

Немного иначе, однако, обстояло дѣло съ нравственной и религіозной стороной жизни Славянъ; въ этой области ощущалось довольно сильное вліяніе ихъ финскихъ сосѣдей. Исторія развитія нравственныхъ понятій Новгородцевъ выходитъ, конечно, изъ рамокъ настоящаго изслѣдованія; что же касается исторіи Новгородской церкви, то намъ надо на короткое время остановиться на вопросѣ о ея положеніи въ государствѣ и пропагандѣ православія. Вліяніе инородцевъ сказалось въ этой области, какъ начало, тормозящее распространеніе христіанства и наложившее извѣстный отпечатокъ и на положеніе церкви. Православной церкви приходилось бороться въ Новгородской волости съ гораздо бо̀льшими трудностями, чѣмъ на Югѣ; язычество было гораздо болѣе живуче здѣсь, на Сѣверѣ; такъ, напр., еще въ XI вѣкѣ волхвы встрѣчали общее сочувствіе народа на Сѣверѣ, въ то время какъ на Югѣ населеніе уже

смѣялось надъ ними и не довѣряло чарамъ ихъ культа [1]). Но если трудно было проведеніе внѣшнихъ формъ христіанства, то еще труднѣе должна была быть пропаганда православной догмы.

Весьма долгое время господствовали рядомъ съ послѣдней разныя языческія вѣрованія, обрядности, вѣроученіе, волхвованіе и т. п. Слѣды подобнаго явленія отзывались, напр., и на семейной жизни Новгородцевъ, отличавшейся извѣстной распущенностью, любовью къ народнымъ увеселеніямъ, религіознымъ торжествамъ, напоминавшимъ древнія поклоненія Перуну. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же находимъ мы и объясненія той религіозной терпимости, которая отличала Новгородцевъ [2]).

Такимъ образомъ христіанство на Сѣверѣ распространялось гораздо медленнѣе, воспринимая и ассимилируя одновременно многіе языческіе элементы.

Внѣшнимъ образомъ Новгородская епархія, какъ и всѣ прочія епархіи Руси, была подчинена власти Кіевскаго митрополита, высшаго іерарха всей православной церкви славянскихъ волостей.

Подчиненіе это сказывалось въ правѣ посѣщенія митрополитомъ всѣхъ епархій для осуществленія своего права надзора надъ ними, а такъ же въ правѣ вызывать къ себѣ въ Кіевъ мѣстныхъ іерарховъ.

Какъ и въ другихъ волостяхъ, церковные новгородскіе іерархи не упускали удобнаго случая, чтобы вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла; и въ Новгородѣ, слѣдовательно, мы находимъ дѣятельное участіе духовенства въ политической и общественной жизни; такъ, напр., зачастую случалось, что спорящія политическія партіи прибѣгали къ третейскому суду Новгородскаго владыки, который старался взаимными уступками спорящихъ сторонъ приводить ихъ къ соглашенію; послѣднее носило наименованіе „установленія порадовъ“; чѣмъ искуснѣе

---

[1]) Ср. А Никитскій, „Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ“, Спб. 1879, стр. 5.

[2]) Тамъ же, стр. 12.

былъ владыка въ такихъ согласительныхъ дѣлахъ, тѣмъ большимъ онъ пользовался авторитетомъ среди Новгородцевъ, тѣмъ чаще прибѣгали къ его помощи враждующія партіи. Первоначально инпціатива подобнаго вмѣшательства духовной власти въ мірскія дѣла шла всегда со стороны церковныхъ іерарховъ, какъ то, впрочемъ, было и въ другихъ волостяхъ; но впослѣдствіи, когда народъ уже свыкся съ такимъ порядкомъ вещей, онъ и самъ нерѣдко обращался къ владыкѣ. прося его принять участіе въ рѣшеніи такихъ-то свѣтскихъ дѣлъ.

Совершенно аналогичнымъ было положеніе духовной власти и въ другихъ областяхъ общественной жизни, какъ, напр., въ вопросахъ столкновенія народа съ княземъ, или при существованіи внѣшнихъ затрудненій или сношеній съ чужестранными властями, когда владыка являлся представителемъ Новгорода и посредникомъ въ его международныхъ сношеніяхъ; пользуясь своимъ самостоятельнымъ и авторитетнымъ положеніемъ среди тогдашняго общества, Новгородскій іерархъ могъ приносить такимъ путемъ существенную пользу.

Что же касается вопросовъ о положеніи въ Новгородѣ церковнаго суда, о компетенціи Новгородскаго владыки въ судебныхъ спорахъ, о его правѣ на судебныя пошлины и т. п., то всѣ они разрѣшались въ Новгородскомъ государствѣ по тѣмъ же принципамъ, какъ и въ другихъ славянскихъ волостяхъ [1]). Объ этомъ свидѣтельствуютъ, напр., уставныя грамоты Новгородскихъ князей; вліяніе владыкъ въ области суда было значительнымъ, въ особенности же оно сказывалось въ вопросахъ семейнаго быта; но и торговыя дѣла не оставались безъ его вліянія и воздѣйствія [2]).

Матеріальное положеніе Новгородской церкви и ея главы, Новгородскаго владыки, было вполнѣ обезпеченное; имущества, какъ у церкви, такъ и у владыки лично, было достаточно, доходы ихъ были большіе и поступали равномѣрно и правильно,

---

[1]) См. выше, IV, 2-й главы; такъ же, Никитскій, в. н. с., стр 47 и слѣд.

[2]) Ср Костомаровъ, „Сѣв. народопр.“, т. II, стр. 268 и слѣд.

сами іерархи при этомъ располагали также не малымъ богатствомъ [1]); все это въ сильной мѣрѣ увеличивало самостоятельность церкви и независимость ея главы, владыки, отъ власти свѣтской; въ данномъ факторѣ мы имѣемъ объясненіе тому обстоятельству, что владыка всегда такъ успѣшно отстаивалъ свою самостоятельность и не допускалъ посягательствъ на нее даже со стороны своевольнаго и столь непокорнаго новгородскаго вѣча.

Но въ положеніи Новгородской церкви съ теченіемъ времени сложилась одна важная особенность; глава мѣстной церкви сталъ избираться вѣчемъ, а не назначаться, какъ то было въ другихъ епархіяхъ, кіевскимъ митрополитомъ; въ XI и XII столѣтіяхъ, надо полагать [2]), и въ Новгородѣ существовалъ общій порядокъ назначенія епископа изъ Кіева, по крайней мѣрѣ, къ такому утвержденію склоняютъ насъ тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя сохранились изъ отдаленныхъ временъ первобытной исторіи Новгородской церкви.

Причина такому явленію проста: въ древній періодъ новгородской исторіи церковь находилась въ гораздо большей зависимости отъ центра церковнаго управленія, Кіева, чѣмъ позднѣе, народъ же менѣе интересовался церковными дѣлами, не вмѣшивался въ вопросы церковнаго управленія и предоставлялъ кіевскому митрополиту въ этомъ отношеніи полнѣйшую свободу дѣйствій.

Но съ теченіемъ времени положеніе вещей измѣнилось; Новгородцы стали болѣе интересоваться церковными дѣлами, церковь стала пріобрѣтать большее значеніе въ общественной жизни, чѣмъ и должна была обусловливаться только что упомянутая перемѣна въ способѣ поставленія новгородскаго владыки. Въ XIII вѣкѣ мы уже видимъ, что Новгородцы сами

---

[1]) Ср., напр., Костомаровъ, „Сѣв. народопр.“, томъ II, стр. 270 и слѣд.

[2]) Мы говоримъ въ данномъ случаѣ предположительно, такъ какъ вопросъ этотъ еще недостаточно выясненъ наукой. Даннаго мнѣнія держатся проф. Ключевскій (часть II его Курса, стр. 73) и Костомаровъ („Сѣв. народопр.“, томъ II, стр. 250 и слѣд.).

распоряжаются замѣщеніемъ своей епископской каѳедры, чѣмъ должна была возвыситься самостоятельность положенія и значеніе мѣстной церкви. Достоинство новгородскаго владыки настолько увеличилось, что вмѣсто того, чтобы ѣздить на поклонъ къ митрополиту, послѣдній долженъ былъ самъ ѣздить въ Новгородъ, если хотѣлъ ревизовать тамошняго епископа.

Этимъ способомъ замѣщенія епископской каѳедры обезпечивалось также извѣстное вліяніе, хотя и незначительное, народнаго вѣча на ходъ церковныхъ дѣлъ, такъ какъ кандидатъ на епископское кресло долженъ былъ быть „угоднымъ" народу. Но значеніе избранія умалялось послѣдующей самостоятельностью избраннаго; послѣ состоявшагося избранія, ни у народа, ни у вѣча не было никакихъ средствъ контроля или ограниченія уже избраннаго іерарха; народъ могъ высказывать свою волю, свои чувства по отношенію къ избираемому, могъ выбирать между наличными кандидатами, но разъ избраніе состоялось, у него уже не было возможности, ни средствъ вліять на политику и дѣятельность владыки, кромѣ, конечно, помощи силы, къ которой народъ прибѣгалъ чрезвычайно рѣдко въ виду высоко-авторитетнаго положенія, занимаемаго церковью вообще [1]).

Замѣтимъ здѣсь одну особенность избранія владыкъ вѣчемъ; начиная съ конца XIII вѣка, на избирательномъ собраніи не присутствовали болѣе князья новгородскіе. Самое же избраніе не ограничивалось никакими условіями; требовалось

---

¹) Ср. рецензію Костомарова на трудъ проф. Никитскаго „Великій Новгородъ"; „Русская Старина", январь 1880 г., стр. 201. Костомаровъ въ другомъ мѣстѣ („Сѣв. народопр.", томъ II, стр. 266 и слѣд.) указалъ, что исторія Новгорода знаетъ только два примѣра насильнаго лишенія владыки его каѳедры; въ 1211 году былъ изгнанъ Митрофанъ, вѣроятно, за его принадлежность къ суздальской партіи, а въ 1423 году—Ѳеодосій, при чемъ предлогомъ изгнанія послужило его иноземное происхожденіе; уже одно малое количество примѣровъ подобныхъ изгнаній свидѣтельствуетъ намъ, какъ рѣдко прибѣгалъ народъ къ помощи силы. Такимъ случаямъ должны были противодѣйствовать и неизбѣжныя ихъ непріятныя послѣдствія. (Ср., напр., съ разсказомъ Костомарова объ исторіи изгнанія Митрофана).

только, чтобы кандидатъ на епископское мѣсто былъ лицомъ духовнаго званія, но безразлично, какой степени [1]). До утвержденія избраннаго владыки кіевскимъ митрополитомъ, онъ носилъ титулъ „нареченнаго“.

Новгородскій владыка былъ ограниченъ, однако, своимъ подчиненіемъ общей главѣ русской церкви, кіевскому митрополиту; несмотря на свою огромную самостоятельность въ Новгородѣ, полнѣйшую независимость въ рѣшеніи мѣстныхъ дѣлъ и вопросовъ, владыка Новгорода Великаго оставался попрежнему подчиненнымъ митрополиту; положеніе это оставалось неприкосновеннымъ и при перемѣщеніяхъ митрополичьей каѳедры; гдѣ бы митрополитъ не пребывалъ, онъ сохранялъ за собой верховное право контроля и верховное право суда надъ Новгородской церковью. Первоначально выражалась эта зависимость въ правѣ требовать къ отвѣту новгородскаго владыку, въ правѣ вызова его къ митрополиту для переговоровъ и личныхъ объясненій и, наконецъ, исключенія его суда посредствомъ личнаго суда митрополита; впослѣдствіи же, въ правѣ ревизій и посѣщеній Новгорода самимъ митрополитомъ, при чемъ, когда послѣдній творилъ судъ, то одновременно же собиралъ и судебныя пошлины, временно исключая эти же права мѣстнаго владыки; во время подобныхъ поѣздокъ принимались и жалобы на дѣйствія и судъ мѣстнаго іерарха [2]).

Такое отношеніе Новгородской церкви къ митрополиту не позволяло ей вполнѣ обособиться и отдѣлиться, сохраняя этимъ живую связь между отдѣльными частями православной церкви; связь же эта служила на пользу христіанству, помогая его пропагандѣ и укрѣпленію среди мѣстнаго населенія.

Но въ тѣ времена, когда стала грозить Великому Новгороду опасность со стороны Москвы, должна была испытать невзгоды и церковь новгородская. Надо замѣтить, что въ болѣе ранней борьбѣ Новгорода съ Москвой, церковь была, изъ-за

---

[1]) Костомаровъ, „Сѣв. народопр.“, томъ II, глава IX, § 2, стр. 262 и слѣд.

[2]) См. Никитскій, в. н. с., глава III, стр. 101 и слѣд.

личныхъ видовъ, на сторонѣ Московскихъ князей. Но при Иванѣ III она потерпѣла сильный ударъ и сразу же стала въ ряды самыхъ ярыхъ противниковъ московскихъ притязаній.

Иванъ III не только началъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла церкви, устраняя ее также и отъ мірскихъ дѣлъ, но даже удалилъ новгородскаго архіепископа Θеофила, заключивъ его въ тюрьму въ Москвѣ. Вслѣдъ за тѣмъ въ Новгородъ стали назначаться епископы изъ Москвы. Такъ падала самостоятельность церкви, а съ нею и ея значеніе въ общественной и государственной жизни Новгорода. Но съ теченіемъ времени послѣдовали и другіе удары; церковь стала терпѣть ущербъ и съ матеріальной стороны; Москва обложила причты Новгорода большими финансовыми тяготами, что чрезвычайно стѣсняло ихъ положеніе.

Шагъ за шагомъ разбивалось прежнее независимое положеніе новгородской церкви. Но паденіе самостоятельности новгородской церкви лишь малымъ опередило паденіе самого гордаго Господина Великаго Новгорода.

III.

Положеніе Новгородскаго князя.

Посмотримъ теперь, каково же было положеніе князя въ новгородскомъ государствѣ. Новгороду народная молва и древняя лѣтопись приписываютъ честь призванія первыхъ князей; въ Новгородѣ основывается впервые семья Рюрика и затѣмъ уже переходитъ на княженіе въ другихъ волостяхъ. Мы уже знаемъ, почему именно съ Новгородомъ связаны эти первыя страницы русской исторіи, какъ, благодаря лишь тому обстоятельству, что первоначальныя лѣтописи и лѣтописные своды составлялись въ Новгородѣ, съ именемъ этого города связываются и названныя народныя преданія.

Положеніе .князя въ тѣ далекія времена, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Кіевѣ или другихъ волостяхъ, было одно и то же; онъ являлся придаточнымъ органомъ, задачей котораго должна была быть лишь внѣшняя охрана волости, ея внѣшняя безопасность. Но съ теченіемъ времени, подъ давленіемъ роста экономическаго и общественнаго южныхъ волостей, въ частности волости Кіевской, Новгороду поневолѣ пришлось уступить Кіеву въ одномъ отношеніи—послѣдній, какъ припомнимъ, получилъ извѣстную гегемонію среди прочихъ славянскихъ государствъ; этимъ объясняется и зависимость новгородской варяжской дружины отъ кіевскаго князя, въ казну котораго Новгородцы платили особую сумму, „мира дѣля“, т. е. въ обезпеченіе себѣ внѣшней безопасности. Въ остальномъ Новгородъ пользовался полнѣйшею самостоятельностью; волость тянула землей и водой къ Великому Новгороду, въ политической организаціи котораго новгородскій князь занималъ лишь второстепенное положеніе; платя ему и кіевскому князю извѣстную дань, Новгородцы обезпечивали себѣ хорошее войско и, слѣдовательно, и хорошую защиту отъ внѣшнихъ враговъ.

Такъ продолжалось вплоть до Ярослава Владиміровича. Но въ его княженіе произошли нѣкоторыя перемѣны; судьбѣ угодно было, чтобы этотъ князь, благодаря семейнымъ раздорамъ, получилъ возможность занять богатый и могущественный кіевскій столъ, что Ярославъ и не преминулъ сдѣлать, воспользовавшись при этомъ услугами новгородскаго войска. Такимъ образомъ въ рукахъ одного князя сосредоточились столы двухъ волостей, Кіевской и Новгородской. Само собой понятно, что это должно было вызвать въ Новгородцахъ чувство опасенія за свою прежнюю свободу и независимость, такъ какъ могущество, богатство и превосходство волости Кіевской могло, при соединеніи ихъ, повлечь за собой естественное подчиненіе Новгородской волости кіевской политической власти. Слѣдствіемъ такого чувства опасенія со стороны Новгородцевъ, и благодарности со стороны Ярослава за ихъ помощь, явился между ними

договоръ въ видѣ извѣстной „Ярославовой граматы". Текстъ этой граматы не дошелъ до насъ, но историческое изслѣдованіе установило ея приблизительное содержаніе. Главнымъ условіемъ было обезпеченіе Новгородцамъ права призывать себѣ князя; имъ нельзя было въ силу этого навязать князя; но правило это, какъ мы знаемъ, не представляло собою ничего исключительнаго, а было общимъ для всей Руси; оно получало лишь особое значеніе въ виду отмѣченнаго выше соединенія двухъ княжескихъ столовъ въ однѣхъ рукахъ, откуда могло проистекать слишкомъ много опасныхъ для Новгорода преимуществъ Кіевской волости.

Вторымъ условіемъ была отмѣна прежней дани въ пользу кіевскаго князя и замѣна ее правомъ кіевскаго князя посылать своихъ мужей на кормленіе въ Новгородъ, гдѣ они лично могли собирать дань.

Но договоръ этотъ по всѣмъ видимостямъ устанавливалъ одну только *личную* связь съ даннымъ княземъ, именно съ Ярославомъ. Послѣ его смерти мы видимъ скорое измѣненіе этихъ условій, измѣненіе, которое шло въ одномъ направленіи, постепеннаго исчезновенія тѣхъ льготъ, которыя установлены были въ пользу Ярослава. Въ особенности характерно выступаетъ это положеніе въ XII вѣкѣ, со временъ княженія Всеволода Мстиславича; такъ, Кіевскій князь потерялъ право посылать на кормленіе своихъ мужей въ Новгородскую волость, право, которое больше другихъ носило характеръ привилегій, установленныхъ въ личную пользу Ярослава. Затѣмъ съ князя стали брать обѣщаніе не оставлять Новгородскую волость, такъ какъ всякій такой переходъ князя на чужой столъ былъ опасенъ Новгородской самостоятельности. Въ княженіи Всеволода мы имѣемъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ „вольнаго" обращенія Новгородцевъ съ ихъ князьями; Всеволодъ, какъ извѣстно, былъ изгнанъ со своего стола, чѣмъ оправдываются слова лѣтописца „вси князья выложиша Новгородъ въ свободу, гдѣ имъ любо, туже себѣ князя поимаютъ".

Мы не имѣемъ однако возможности утверждать, какъ это

дѣлаютъ Соловьевъ и Бѣляевъ, а за ними и Иловайскій, что въ XII столѣтіи случилось коренное измѣненіе въ положеніи Новгородскаго князя, что до тѣхъ поръ существовала зависимость отъ Кіевскаго великаго князя, „сажавшаго“ Новгородскаго князя; этому противорѣчитъ и весь строй древней славянской волости, не знавшій подобнаго порядка занятія стола, посредствомъ посаженія, а также и упомянутая только что Ярославова грамота, спеціально оговаривавшая подобную возможность запретомъ. Соловьевъ полагалъ, что Ярославовы грамоты касались только финансовыхъ льготъ, а не обнимали собой администраціи, что Новгородъ продолжалъ зависѣть отъ великаго князя Кіевскаго; но этому противорѣчитъ вся исторія славянскихъ волостей. И въ свидѣтельствахъ лѣтописи находимъ указанія противныя Соловьевской теоріи. Такъ, Суздальская лѣтопись, по справедливому замѣчанію Костомарова [1], вовсе „не расположенная къ Новгородскимъ патріотическимъ стремленіямъ“, замѣчаетъ однако, что Новгородцы „издавна суть свобожени прадѣды князь“; уже въ XI вѣкѣ у насъ имѣются прямыя свидѣтельства объ избраніи Новгородцами себѣ князей, а, слѣдовательно, событія XII и XIII столѣтій подготовлялись уже ранѣе, еще до княженія Всеволода Мстиславича.

То же положеніе подтверждается и сравненіемъ съ исторіей прочихъ волостей; въ вышеописанномъ порядкѣ занятія княземъ стола не было собственно ничего различнаго отъ общаго порядка вокняженія первыхъ Рюриковичей; можно развѣ только сказать, что, благодаря особо буйному характеру Новгородцевъ и ихъ чрезвычайно сильно развитому свободолюбію, положеніе князя было труднѣе, столкновенія съ народомъ чаще, случаи насильственнаго лишенія стола болѣе обыденнымъ явленіемъ, чѣмъ на Югѣ.

Но, начиная съ XIII столѣтія, мы наблюдаемъ признаки уже дѣйствительнаго различія въ положеніи Новгородскаго

---

[1]) „Сѣверн. народноправства“, томъ I, стр. 47 и слѣд.

князя отъ князей другихъ волостей; начиная съ этого времени появляются новыя юридическія стѣсненія княжеской власти, которыхъ мы на югѣ не встрѣчаемъ. Такъ напр., подъ 1218 годомъ мы встрѣчаемъ любопытное явленіе, что князь Новгородскій клянется „ни казнить, ни лишать должностей выборныхъ Новгородскихъ начальниковъ безъ суда и безъ объявленія вины“, а немного позднѣе, еще болѣе интересный фактъ, что, вступая на Новгородскій столъ, князь долженъ былъ обязательно заключать письменный договоръ. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ уже юридическое ограниченіе княжеской власти, а не только фактическія затрудненія, проистекающія отъ своеволія вѣча. Но послѣдній фактъ интересенъ историку и съ другой стороны; эти письменные договоры оставили намъ истинный кладъ, освѣщая подробно и ярко положеніе Новгородскаго князя и размѣры его власти. Такъ мы находимъ въ нихъ присягу князя старинѣ: „на семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду; на чемъ то цѣловали дѣды и отцы,— Новгородъ тебѣ держать по старинѣ и по пошлинѣ“, въ нѣсколькихъ словахъ цѣлая картина!

Изъ этихъ словъ лѣтописца, видно насколько связанъ былъ князь въ своемъ управленіи волостью, насколько онъ мало похожъ былъ на неограниченнаго самодержца, которымъ его хотѣли выставить нѣкоторые историки XIX вѣка. Затѣмъ, встрѣчается также немаловажное начало, ограничившее право князей посылать своихъ мужей на кормленіе въ пограничныя земли, сохраняя за послѣдними право управленія собственными мужами. Весь пустынный сѣверъ не платилъ постоянной дани Новгороду или его князю, а лишь временами посылалъ подарки [1]). Наконецъ въ этихъ же договорахъ мы находимъ и

[1]) Въ данномъ случаѣ, хоть и не платилась Сѣверомъ опредѣленная дань Великому Новгороду, имѣлась однако государственная зависимость этихъ сѣверныхъ колоній, Заволочья и Сибири отъ Новгородскаго государства. Послѣднее, черезъ посредство своего верховнаго органа, вѣча, руководила политической жизнью этихъ дальнихъ поселеній и объединяло ихъ въ одно цѣлое; выражалось же такое единеніе не только въ рѣшеніяхъ обще-государственныхъ

третье важное ограниченіе княжеской власти; князь не могъ судить Новгородцевъ безъ участія посадника, т. е. избраннаго представителя вѣча („а безъ посадника, княже, тебѣ суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамотъ ти даяти“). Подобное же ограниченіе мы встрѣчаемъ часто и по отношенію суда княжескихъ мужей. Всѣ они доказываютъ, что въ тѣ времена, когда въ прочихъ волостяхъ княжеская власть развивалась въ направленіи усиленія, въ Новгородѣ, она попрежнему оставалась ограниченной и второстепенной.

Даже въ мелочахъ замѣтно это направленіе; возьмемъ для примѣра второстепенныя условія княжескихъ договоровъ; они также имѣли цѣлью созданіе препонъ для княжеской власти; такъ, договорами строго опредѣлялось количество земель, уступаемыхъ князю и его мужамъ; ему запрещалось выводить людей изъ Новгородскихъ владѣній; пріобрѣтать вотчины за предѣлами Новгородской волости (намъ уже извѣстна причина подобнаго запрета); запрещалось закрывать Нѣмецкій дворъ или торговать непосредственно съ нѣмцами и т. д., и т. д. [1]).

Но, повторяемъ, въ старину, вплоть до XIII вѣка, въ такихъ ограниченіяхъ нельзя видѣть чего-либо особеннаго; княжеская власть *повсемѣстно* занимала чрезвычайно второстепенное положеніе. Съ XIII же вѣка дѣйствительно произошла нѣкоторая перемѣна; намъ необходимо посмотрѣть теперь, какова была эта перемѣна и чѣмъ она вызывалась.

Въ положеніи Новгородскаго князя вѣрнѣе сказать *не произошло* перемѣны, въ то время, когда прочіе князья таковую уже испытывали; тогда какъ остальные Рюриковичи, благодаря вышеизложеннымъ процессамъ, постоянно усиливали свою власть, тогда какъ положеніе ихъ въ волости постепенно крѣпло и становилось болѣе опредѣленнымъ и прочнымъ, по-

---

вопросовъ, но и въ извѣстномъ надзорѣ центра, Новгорода, надъ мѣстными должностными лицами, въ особенности же въ дѣлѣ военномъ, въ вопросахъ внѣшней охраны всѣхъ Новгородскихъ земель.

[1]) Ср. Бѣляевъ „Разсказы“, томъ II, разсказъ четвертый, „Князья“, стр. 182 и слѣд., а также, его же „Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси“, Москва 1906 г., стр. 18 и слѣд.

ложеніе и власть Новгородскаго князя сохраняли за собой свои прежніе признаки ограниченности. Отсюда проистекала та разница, которая отдѣляетъ, начиная съ XIII вѣка Новгородскаго князя отъ его прочихъ сородичей. До XIII вѣка положеніе князя во всѣхъ волостяхъ было одинаково, теперь замѣчается различіе, которое выступаетъ ярко наружу при сравненіи положенія князя, напр., Ростово-Суздальской волости, съ княземъ Новгородскимъ. Какъ росла и крѣпла власть Рюриковичей, мы видѣли выше; намъ остается слѣдовательно указать здѣсь, какъ сохранялись прежнія ограниченія княжеской власти въ Новгородскомъ государствѣ. Источникомъ намъ послужатъ уже упомянутые договоры князя съ Новгородомъ, которые составляли какъ бы грамоты на княженіе. Начиная съ XIII вѣка, заключеніе такихъ договоровъ является общимъ правиломъ, при чемъ надо замѣтить, всѣ они писались по одному образцу въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, съ одними и тѣми же условіями; только въ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ иногда расходятся они. Уже одна эта ихъ внѣшняя сторона, ихъ внѣшнее сходство, показываетъ намъ, какъ ревниво охранялъ Новгородъ свое исконное начало народоправства [1]), ограничивая княжескую власть въ той же мѣрѣ, какъ она ограничена была и раньше. Но и содержаніе этихъ договоровъ подтверждаетъ ту же мысль. Всѣ они главнымъ условіемъ ставятъ „охраненіе княземъ старины“: „тако княже, господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, отъ твоихъ и нашихъ“ (договоръ 1265-го года). Старина же эта состояла въ правахъ Новгородскаго вѣча, въ контролѣ княжескаго суда и управленія черезъ посредство выборныхъ отъ народа, посадниковъ и тысяцкихъ, въ надзорѣ за финансовымъ управленіемъ князя, за его сборами дани и другихъ повинностей.

Но если такова была перемѣна, или вѣрнѣе *отсутствіе перемѣны* въ положеніи Новгородскаго князя въ тѣ времена, когда въ прочихъ волостяхъ власть княжеская росла и крѣпла,

[1]) Ср. Костомаровъ, „Сѣв. народоправства“, томъ I, глава первая, § IX, стр. 143 и слѣд.

то гдѣ же причина тому? И здѣсь отвѣтъ надо искать съ отрицательной стороны; перемѣны въ положеніи князя не произошло, такъ какъ въ Новгородской общественной жизни отсутствовали тѣ новые факторы, которые, начиная съ XIII вѣка, стали воздѣйствовать на прочую Русь.

На первомъ планѣ въ данномъ случаѣ должно быть поставлено вліяніе Монголовъ. Завоеванія послѣднихъ не коснулись Новгорода; немногимъ не дошли татары до земель Великаго Новгорода; по повѣствованію лѣтописца всего на сто верстъ не дошли они. Но какъ важно было это событіе для нашего сѣвернаго государства! Правда впослѣдствіи, во времена княженія Александра Невскаго, Новгородъ принужденъ былъ допустить въ свои владѣнія ханскихъ чиновниковъ и затѣмъ участвовать въ уплатѣ общей русской дани монгольскому повелителю; но эти акты являлись лишь страховкой отъ возможныхъ будущихъ несчастій и грабежей.

Спасло же Новгородъ уже извѣстное намъ географическое его положеніе, тѣ природныя препятствія, которыя и ранѣе служили столь вѣрнымъ и могучимъ средствомъ огражденія отъ вліянія степныхъ варваровъ, разныхъ Печенѣговъ и Половцевъ. Но въ данномъ случаѣ послѣдствія были еще значительно важнѣе, чѣмъ раньше. Вспомнимъ только, какъ велико было вліяніе монгольскаго ига на внутреннее строеніе славянскаго государства, какъ съ теченіемъ времени могли князья воспользоваться и даже принуждены были воспользоваться игомъ для усиленія своей власти, найдя въ Ордѣ не только союзника, но и самостоятельный источникъ своей власти, отодвинувшій постепенно на задній планъ значеніе вѣча. Вотъ здѣсь-то и кроется та причина, которая вызвала интересующее насъ различіе въ положеніи Новгородскаго князя, по сравненію съ прочими князьями-Рюриковичами. Въ развитіи княжеской власти въ Новгородѣ отсутствовалъ одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, вызывавшихъ въ другихъ волостяхъ укрѣпленіе и усиленіе той же власти. Вслѣдствіе этого и могла сохраниться въ Новгородѣ эта „старина“, отличав-

шая его отъ прочихъ славянскихъ государствъ XIII, XIV и XV столѣтій.

Но рядомъ съ этой главной причиной стояла и еще одна, также немаловажная, а именно то своеобразное положеніе, которое заняли нѣкоторыя Новгородскія должностныя лица по отношенію ко княжеской власти. Мы имѣемъ въ виду посадниковъ и тысяцкихъ Господина Великаго Новгорода.

Первоначально посадникъ былъ „княжимъ мужемъ", кормившимся за счетъ Новгородцевъ; право назначать посадниковъ упоминается еще въ Ярославовой грамотѣ; онъ являлся тогда администраторомъ и судьей, вторымъ лицомъ послѣ князя; положеніе его было аналогичнымъ прочимъ княжимъ мужамъ, сажаемымъ еще со временъ Рюрика по различнымъ городамъ для кормленія; а послѣднее, какъ мы знаемъ, было обычнымъ видомъ вознагражденія за службу дружинниковъ. Но съ теченіемъ времени положеніе посадника въ Новгородѣ кореннымъ образомъ измѣнилось. Начиная съ XII вѣка, онъ сталъ избираться Новгородскимъ вѣчемъ, сразу же превратившись этимъ изъ княжаго мужа въ представительный органъ волости-государства. Но такое превращеніе неизбѣжно должно было мѣнять и его отношенія ко княжеской власти. Первоначально княжій мужъ былъ представителемъ интересовъ князя и долженъ былъ стоять, какъ и самъ князь, внѣ общественной жизни волости, лишь въ видѣ придаточнаго къ ней органа. Теперь же онъ сразу превратился въ органъ государственный, чѣмъ порвалась связь съ княземъ, и сталъ по отношенію къ нему въ параллельное, а не подчиненное положеніе. Это обстоятельство должно было неизбѣжно служить ограниченіемъ княжеской власти; власть князя стала раздѣляться теперь властью посадника, чего мы въ другихъ волостяхъ не находимъ; во главѣ волости государства стоятъ такимъ образомъ въ Новгородѣ не одинъ, а два лица, при чемъ источникомъ власти обоихъ было народное избраніе, съ тою лишь разницей, что князь представлялъ кромѣ народныхъ интересовъ и свои собственные (интересы своего рода, своей дружины и свои лич-

ные), посадникъ же являлся исключительно представителемъ народныхъ интересовъ.

Избирались посадники вѣчемъ, безъ срока, и смѣщались только тогда, когда ими нарушались народные интересы. Ряды посадниковъ пополнялись изъ числа богатѣйшихъ гражданъ Великаго Новгорода, имѣвшихъ наибольшее политическое вліяніе именно благодаря своей имущественной состоятельности. Во время своей службы посадникъ пользовался титуломъ „степеннаго" отъ степени или помоста на вѣчевой площади, съ которой предлагались вопросы на обсужденіе народнаго собранія. Послѣ же выхода изъ дожности посадникъ сохранялъ за собой титулъ „стараго посадника" на всю жизнь, а такъ какъ посадники вообще избирались изъ числа политически вліятельныхъ гражданъ, то понятно, что даже оставивъ посадническую службу, бывшій посадникъ продолжалъ участвовать въ политической жизни государства; это обстоятельство позволило даже нѣкоторымъ изслѣдователямъ (напр. Костомарову) признать существованіе даже цѣлаго „сословія посадниковъ"; подъ этимъ послѣднимъ, конечно, можно понимать лишь тотъ кружокъ вліятельныхъ гражданъ, которые фактически стояли во главѣ политической и общественной жизни Новгорода; здѣсь не было не только сословія, но и соціальнаго класса, благодаря вышеотмѣченной характерной чертѣ Новгородскаго общества, его соціальной текучести и измѣнчивости соціальныхъ дѣленій и группировокъ. Довольно часто случалось, что бывшій посадникъ снова избирался на этотъ постъ, когда партія, его поддерживавшая, снова крѣпла и одерживала верхъ на вѣчѣ.

Компетенція посаднической должности была очень обширна. Какъ мѣтко выразился Бѣляевъ [1]), онъ являлся „правителемъ Новгорода отъ земщины". Въ его рукахъ сосредоточивались внѣшнія сношенія Великаго Новгорода, внутреннее управленіе, высшій судъ, сношенія торговыя и сношенія съ княземъ;

---

¹) „Разсказы", томъ II, стр. 162.

такъ, посадникъ принималъ участіе въ княжескомъ судѣ, гдѣ ему очевидно приходилось защищать интересы избравшаго его народа; далѣе, онъ же былъ посредникомъ между княземъ и вѣчемъ, между иностранными государствами и Новгородомъ, напр., въ дѣлахъ торговыхъ; онъ же, подписывалъ договоры, заключаемые Новгородомъ; онъ же наконецъ, выступалъ иногда и въ качествѣ полководца [1]). Само собою понятно, что такое его положеніе давало ему право собирать вѣче, когда это ему нужно было, а равно и пользоваться извѣстными доходами, вознагражденіемъ, носившимъ названіе „посаднича поралья".

Недостойный посадникъ, не угодившій самому Господину Великому Новгороду, не лишался однако права на занятіе таковой же должности въ какомъ-нибудь пригородѣ; лѣтопись сохранила намъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ, когда смѣщенный посадникъ Новгородскій, посылался посадничать въ какой-либо пригородъ, что собственно являлось простой формой кормленія аналогичнаго кормленіямъ княжихъ дружинниковъ [2]). Въ самомъ Новгородѣ одновременно всегда имѣлся одинъ лишь степенный посадникъ [3]).

Рядомъ съ посадникомъ, и немного позади него, стоялъ Новгородскій тысяцкій; онъ являлся вторымъ лицомъ послѣ посадника, такъ какъ извѣстны случаи избранія тысяцкаго въ посадники, но не наоборотъ; первоначально и тысяцкій былъ княжимъ мужемъ, управителемъ „черныхъ людей" Новгорода; но впослѣдствіи (въ XII вѣкѣ) онъ также сталъ избираться вѣчемъ, при чемъ попрежнему являлся представителемъ интересовъ черныхъ людей, т. е. низшихъ слоевъ населенія. Онъ также участвовалъ во внѣшнихъ сношеніяхъ Новгорода, подписывая вслѣдъ за посадникомъ Новгородскіе договоры, зачастую имѣлъ дѣло съ иностранными властями, отправлялъ также обязанности судьи и управителя, но главнымъ образомъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 164.

[2]) Ср. Костомаровъ, „Сѣв. народоправства", томъ II, глава VII, §§ 2—4.

[3]) Тамъ же, стр. 40.

въ дѣлахъ именно черныхъ людей. Главной его обязанностью, отличающей его должность отъ должности посадника, было военное начальство, предводительство Новгородскимъ войскомъ, завѣдываніе укрѣпленіями и внѣшней обороной Великаго Новгорода и т. п. [1]). Если посадникъ, напр., предводительствовалъ войсками только въ исключительныхъ случаяхъ, то, наоборотъ, тысяцкій всегда являлся въ первую голову военноначальникомъ; въ области же суда и управленія онъ всегда уступалъ первое мѣсто посаднику, будучи скорѣе его помошникомъ. Но по отношенію къ княжеской власти, и тысяцкій неизбѣжно долженъ былъ занять ограничивающее ее положеніе, такъ какъ, являясь народнымъ избранникомъ и непосредственнымъ представителемъ народныхъ интересовъ, стоялъ рядомъ съ княземъ, раздѣляя съ нимъ одинаковую компетенцію; возьмемъ хотя бы военноначальство; князь здѣсь не былъ единственнымъ распорядителемъ военныхъ силъ и средствъ охраны внѣшней безопасности Новгородской волости, каковымъ онъ являлся въ прочихъ славянскихъ волостяхъ. Такое положеніе тысяцкаго само собою уже должно было являться ограниченіемъ княжеской власти; то же самое мы находимъ и въ другомъ вопросѣ: тысяцкій отправлялъ судъ во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ замѣшаны были интересы иностранцевъ, князь же не имѣлъ права вмѣшиваться въ дѣла этого суда, что выдѣляло изъ компетенціи княжескаго суда цѣлую большую и видную категорію судебныхъ споровъ [2]). Тысяцкій также носилъ титулъ степеннаго въ продолженіе времени исправленія имъ этой должности.

Но и этого еще не достаточно. Рядомъ съ посадникомъ и тысяцкимъ существовалъ еще одинъ органъ, ограничивавшій

---

[1]) Бѣляевъ, „Разсказы", томъ II, стр. 169 и слѣд.

[2]) Костомаровъ считаетъ судъ тысяцкаго судомъ черныхъ людей („Сѣв. народопр.", томъ II, стр. 50), но какъ справедливо доказалъ еще Никитскій, судъ тысяцкаго былъ судомъ торговымъ, т. е. общимъ для всего населенія, а не для какого либо одного класса („Очерки изъ жизни Великаго Новгорода", II, „Святой Великій Иванъ на опокахъ", журналъ М—ва Народн. Просвѣщенія, августъ 1870 года.

власть князя — „Совѣтъ господъ". Это было учрежденіе аналогичное прежней княжеской думѣ тѣхъ временъ, когда въ ней принимала участіе и городская старѣйшина. Этотъ совѣтъ состоялъ изъ всѣхъ выборныхъ должностныхъ лицъ Новгорода, т. е. посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ, уличанскихъ и кончанскихъ, съ участіемъ представителя князя и подъ предсѣдательствомъ владыки, въ палатахъ котораго онъ обыкновенно и собирался.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ принимали участіе и старые посадники и тысяцкіе, какъ представители правящаго класса вообще.

Главной функціей этого совѣта было подготовленіе дѣлъ, поступающихъ на рѣшеніе вѣча. Такъ какъ послѣднее по своему органическому строенію не было въ состояніи детально обсуждать предлагаемыя на его рѣшеніе мѣры, а могло лишь рѣшать ихъ, то подготовительная работа и лежала на названномъ совѣтѣ. Этимъ объясняется то высокое положеніе, которое долженъ былъ занять совѣтъ въ соціально-политическомъ строѣ Великаго Новгорода. Многіе вопросы находили себѣ предварительное разрѣшеніе въ совѣтѣ и затѣмъ уже предлагались почти въ готовомъ видѣ на рѣшеніе вѣча; послѣднее же, руководимое все тѣми же представителями торговаго патриціата, которые одновременно сосредоточивали въ своихъ рукахъ и вліяніе на Совѣтъ господъ, оказывалось во многихъ случаяхъ послушнымъ орудіемъ этого же класса богачей. Можно, слѣдовательно, согласиться съ проф. Ключевскимъ въ его опредѣленіи исторической роли Совѣта, которую онъ ставитъ значительно выше роли, играемой самимъ вѣчемъ: „это была — говоритъ онъ — скрытая, но очень дѣятельная пружина Новгородскаго управленія" [1]).

Внѣшнимъ образомъ Новгородскій совѣтъ напоминаетъ

---

[1]) „Курсъ русской исторіи", часть II, стр. 87 и 88; Москва 1906 г.— Ср. также, Никитскій, „Очерки изъ жизни Великаго Новгорода", I, „Правительственный Совѣтъ"; журналъ М—ва Народн. Просвѣщенія, 1869 года, X.

намъ княжескую думу того времени, когда въ ней принимали участіе градскіе старцы. Но разница заключается въ бо̀льшей опредѣленности этого учрежденія. Составъ Новгородскаго Совѣта былъ также гораздо болѣе опредѣленъ, чѣмъ составъ княжеской думы; хотя и здѣсь мы не находимъ участія по праву (по назначенію ли, или выборамъ и личному праву), тѣмъ не менѣе возможность участія въ Совѣтѣ была строже опредѣлена; участіе въ думѣ зависѣло въ гораздо большей степени отъ инищіативы и желанія князя, который могъ призывать въ нее, кого ему было угодно, любого старца, дружинника или боярина; тогда какъ въ думѣ, вслѣдствіе такого порядка вещей, дружинный элементъ, боевые товарищи князя, всегда долженъ былъ перевѣшивать надъ элементомъ мѣстнымъ, въ Новгородскомъ Совѣтѣ, какъ разъ наоборотъ, торговый патриціатъ волости былъ всегда въ большинствѣ, дружинники и мужи князя являясь лишь придаточнымъ и второстепеннымъ элементомъ; центръ тяжести, такимъ образомъ, находился въ другомъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего и получалась та разница, благодаря которой княжеская дума являлась по преимуществу представительницей княжескихъ и дружинныхъ интересовъ и только „во вторыхъ"—интересовъ волости, Новгородскій Совѣтъ „во первыхъ" представлялъ собой интересы Новгородской волости и только „во вторыхъ" интересы княжескіе. Благодаря исторически сложившимся началамъ Новгородской общественной жизни, классъ богатыхъ торговыхъ аристократовъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ все политическое вліяніе, всю политическую власть Господина Великаго Новгорода; этотъ классъ руководилъ вѣчемъ, этотъ же классъ поставлялъ и „господъ" въ Совѣтъ [1]). Правда, составъ партій, стоявшихъ во главѣ

[1]) Замѣтимъ, что въ нашей литературѣ, а главнымъ образомъ, и въ заграничной литературѣ, Новгородскій совѣтъ господъ назывался прежде сенатомъ, терминомъ заимствованнымъ изъ Германскаго права. Благодаря участію Новгорода въ ганзейской торговлѣ, изслѣдователи, въ частности нѣмецкіе, отождествляли Новгородскія учрежденія съ учрежденіями Ганзейскихъ городовъ, хотя бы напр., съ городскими сенатами: Любека, Гамбурга и т. п.—Но сходство здѣсь

общественной жизни, часто мѣнялся; зачастую мы встрѣчаемъ споры и вражду между отдѣльными партіями; правда, что партіи эти смѣняли одна другую въ дѣлѣ руководительства общественною жизнью, но ихъ соціальный составъ оставался однимъ и тѣмъ же; мѣнялись личности, мѣнялись партіи, но всѣ онѣ имѣли одинъ источникъ своего происхожденія,—классъ торговаго патриціата. Этимъ и объясняется „господство боярства въ Новгородѣ", несмѣнявшееся въ теченіе многихъ вѣковъ и безсмѣнно правившее государствомъ, несмотря на частыя смуты, волненія и насилія черни, несмотря на извѣстное своеволіе вѣча.

Но это явленіе имѣло одно чрезвычайно важное для насъ слѣдствіе. Благодаря ему остановленъ былъ въ своемъ развитіи процессъ усиленія княжеской власти и преобразованія общественнаго положенія княжеской дружины. Здѣсь не могъ образоваться обособленный классъ служилыхъ людей-землевладѣльцевъ [1]), ставшій посредствующимъ звеномъ между дружиной и волостью, здѣсь не могли возникнуть также тѣ связи, которыя въ прочихъ волостяхъ укрѣпляли положеніе князя въ государствѣ; и дружина и князь, такимъ образомъ, продолжали оставаться въ томъ-же положеніи, какъ и прежде, т. е. придатками къ волости, не имѣя возможности войти въ ея общественную жизнь, въ ея внутреннее бытіе. Тогда какъ на Югѣ положеніе князя все крѣпло, власть его все болѣе усиливалась, а дружина, завязавъ отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ, превращалась въ самостоятельный соціальный классъ, на Сѣверѣ, въ Новгородѣ, продолжалъ существовать прежній порядокъ вещей—князь съ дружиной продолжали играть роль придаточнаго элемента къ волости; власть князя въ очень сильной степени ограничивалась только что перечисленными органами, посадникомъ, тысяцкимъ и совѣтомъ господъ; бла-

---

чисто внѣшнее, внутреннее строеніе Ганзейскихъ сенатовъ было совсѣмъ иное, чѣмъ Новгородскаго совѣта господъ.

¹) Ср. Ключевскій, Боярская Дума древней Руси, Москва, 1882, стр. 195 и слѣд.

годаря имъ, она не могла свободно развиваться и укрѣпляться, какъ то имѣло мѣсто въ прочихъ волостяхъ. Этимъ объясняется и то непрочное положеніе, которое отличало Новгородскаго князя, и та частая смѣна князей разныхъ линій Рюрикова рода и то постоянное отсутствіе единенія между княжеской дружиной и мѣстнымъ населеніемъ, которыя мы находимъ въ соціально-политическомъ строѣ Великаго Новгорода [1]). Во главѣ его продолжала попрежнему стоять торговая аристократія; въ ея рукахъ сосредоточивались всѣ нити политической власти и управленія, а главное, и руководительство капризнымъ, недовѣрчивымъ и неугомоннымъ вѣчемъ; послѣднее часто низлагало отдѣльныя личности, иногда жестоко съ ними расправлялось, грабило ихъ имущество, казнило ихъ самихъ и рабовъ ихъ; но на мѣсто казненнаго и низложеннаго сейчасъ-же становился другой изъ рядовъ того-же патриціата; смѣнивъ посадника такой-то партіи, вѣче избирало посадника другой партіи, но того-же класса гражданъ. Само собою понятно, что этотъ классъ долженъ былъ преимущественно тяготѣть къ вѣчу, а не ко князю, если была необходимость выбора между двумя этими органами; понятно также, что какъ самый фактъ существованія такого класса, такъ и его политическая роль и соціальное значеніе должны были въ сильной мѣрѣ ограничивать княжескую власть.

Послѣдняя встрѣчала такимъ образомъ сильныя помѣхи въ своемъ развитіи и должна была оставаться въ своемъ прежнемъ придаточномъ положеніи.

Но, въ заключеніе, необходимо прибавить еще и одинъ экономическій факторъ, также вызывавшій ограниченіе княже-

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что у проф. Ключевскаго эти явленія находятъ себѣ обратное соотношеніе; у него напр. частая смѣна князей отдѣльныхъ линій Рюрикова дома выставлена причиной, ихъ-же непрочное положеніе въ волости и отсутствіе связей съ мѣстнымъ обществомъ—слѣдствіемъ, тогда какъ намъ представляется, что соотношеніе должно было быть всегда обратное, смѣна князей являясь лишь слѣдствіемъ и даже слѣдствіемъ неизбѣжнымъ того положенія которое занималъ князь въ Новгородскомъ государствѣ.

ской власти. Дѣло въ томъ, что Новгородская волость была зависима отъ Юга экономически; не производя самъ достаточнаго количества хлѣба, благодаря своимъ тяжелымъ климатическимъ и топографическимъ условіямъ, Новгородъ, по справедливому замѣчанію проф. Ключевскаго[1]), постоянно „нуждался въ привозномъ хлѣбѣ съ Низа", что заставляло его поддерживать хорошія отношенія съ мѣстностями, поставлявшими ему хлѣбъ, иначе онъ самъ отрѣзывалъ бы себѣ продовольственный источникъ; этимъ объясняется, что напр. какъ только отношенія порывались хотя бы съ Суздальской волостью, такъ послѣдняя немедленно-же пресѣкала путь Новгородскимъ хлѣбнымъ обозамъ, что всегда крайне вредно должно было отзываться на благосостояніи Новгородскаго населенія. И здѣсь князьямъ слѣдовательно приходилось быть гораздо болѣе уступчивыми, гораздо болѣе осторожными въ ихъ внѣшней политикѣ, дабы не нарушить добрыхъ отношеній съ Низомъ; въ противномъ случаѣ они всегда сильно платились за свою неосторожность, такъ какъ Новгородцы не прощали имъ такихъ ошибокъ. Этимъ объясняются напр. тѣ странныя на первый взглядъ отношенія, которыя существовали между Новгородомъ и Андреемъ Боголюбскимъ. Гордый Новгородъ не разъ заискивалъ у названнаго князя, чему можетъ служить объясненіемъ именно забота о свободныхъ путяхъ подвоза хлѣба съ Низа; Андрей могъ однимъ своимъ словомъ отрѣзать Новгородъ отъ его продовольственнаго источника и обречь его тѣмъ на голодъ; обѣ стороны хорошо сознавали всю важность такого положенія вещей, а отсюда и должна была проистекать та неестественная уступчивость Великаго Новгорода передъ Суздальскимъ княземъ.

Съ такимъ положеніемъ вещей долженъ былъ считаться и Новгородскій князь; его вящшей обязанностью должно было быть охраненіе хлѣбныхъ путей Новгорода и постоянное обез-

[1]) См. его Курсъ русской исторіи, часть II, стр. 122. Также Пассекъ, Новгородъ самъ въ себѣ; стр. 40—46; Чтенія въ И. О-вѣ. И. и Др. Росс., 1869 года, 10—12.

печеніе волости свободнаго продовольственнаго источника; но такая тяжелая обязанность князя являлась лишь новымъ стѣсненіемъ его свободы дѣйствій, новой препоной его политикѣ, а слѣдовательно и ограниченіемъ его самостоятельности.

Въ заключеніе, такимъ образомъ, намъ остается еще разъ констатировать, что въ Новгородѣ сохранялись лишь старые порядки, тогда какъ на Югѣ происходили значительныя измѣненія въ государственномъ устройствѣ славянской волости. Мы должны слѣдовательно принять мнѣніе С. М. Соловьева [1]), полагавшаго, что „начало Новгородскаго народовластія совпадаетъ съ началомъ самого города", но что съ теченіемъ времени „Новгородъ остался одинокимъ представителемъ прошедшаго; одинъ онъ напоминалъ о старинѣ, уже непонятной и враждебной"; и принимаемъ мы это мнѣніе несмотря на то, что въ другихъ вопросахъ кореннымъ образомъ расходимся съ теоріями того-же автора, не признавая напр. его идею о лѣствичномъ восхожденіи князей, о признаніи Новгородцами своимъ княземъ „постоянно старшаго въ родѣ Ярославовомъ", о положеніи и правахъ великаго князя и наконецъ о новыхъ порядкахъ, введеныхъ будто-бы въ общественную жизнь князьями Ростовскими.

IV.

Паденіе Великаго Новгорода.

Въ то время, когда на Руси постепенно и незамѣтно стихалъ вѣчевой колокольный звонъ, стирались древнія народоправскія формы общественнаго устройства и все ярче выступала на первый планъ княжеская власть, въ Новгородѣ Великомъ еще долго продолжался этотъ звонъ, созывая гордыхъ

[1]) См. „Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ князьямъ", Чтенія въ Имп. Об-вѣ Исторіи и Древностей Росс. при Московскомъ Университетѣ, 1846 года, № 1.

Новгородцевъ не одинъ разъ на бурное вѣче. Но судьба готовила печальный конецъ и Новгородскому вѣчевому колоколу; и ему пришлось замолкнуть, хотя и значительно позже. Кромѣ того самый фактъ прекращенія вѣчевой жизни въ Новгородѣ носилъ совершенно другой характеръ, чѣмъ фактъ прекращенія ея на прочей Руси. Тамъ вѣче исчезало незамѣтно, постепенно, благодаря историческому процессу, здѣсь въ Новгородѣ произошло не исчезновеніе и стушевываніе, а паденіе, насильственное прекращеніе этого института народной жизни. Новгородское вѣче, а съ нимъ вмѣстѣ и Новгородская вольность, пали отъ руки Московскаго князя Ивана III.

Уже отецъ названнаго князя жилъ съ Новгородцами не въ миру; уже у Василія Васильевича не разъ возникала мысль и желаніе пріобщить Новгородъ Великій къ своимъ Московскимъ владѣніямъ, и лишь смерть помѣшала ему вступить въ открытую борьбу съ вольнымъ городомъ. Но и со стороны Новгородцевъ давно уже чувствовалась непріязнь къ ретивой сосѣдкѣ Москвѣ, о чемъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ заговоръ на жизнь Василія 1460 года.

Вражда между двумя государствами, Новгородомъ и Москвой, принимала все болѣе открытый и острый характеръ; первый справедливо боялся второй и сталъ подумывать о внѣшней помощи на случай борьбы; мысли Новгородцевъ при этомъ естественно должны были обратиться въ сторону Литвы; подъ властью Литовскаго короля уже находилась бо́льшая часть русскаго міра и власть эта сохраняла каждой области, каждому городу ихъ старину, ихъ внутреннюю самостоятельность и самобытность. Москва еще молчала, но уже готовилась къ борьбѣ; слухи, достигавшіе Новгородцевъ, становились все болѣе тревожными; надо было искать союзниковъ. Съ этого момента мы видимъ въ Новгородѣ возникновеніе цѣлой партіи, съ извѣстной Мареой Борецкой во главѣ, поставившей себѣ цѣлью спасти Новгородскую вольность посредствомъ союза съ Литвой и оградить ее этимъ отъ покушеній со стороны Москвы.

А Москвѣ только и нуженъ былъ внѣшній предлогъ, чтобы начать дѣйствовать. Вѣрный своей всегдашней политикѣ, Иванъ дѣйствовалъ исподволь; онъ не сердился на Новгородцевъ за ихъ протесты, не приходилъ въ ярость и изступленіе на ихъ видимую непокорность и заискиванія у Литовскаго своего врага, короля Казиміра, хладнокровно и расчетливо идя къ своей цѣли, которую, благодаря такому способу, и достигъ блестяще. Новгородцы, подзадориваемые мягкостью и доброжелательствомъ тона Московскаго князя, все громче протестовали противъ Москвы и все откровеннѣе переходили на сторону Литвы, къ которой въ 1470 году открыто обратились съ зовомъ князя Михаила Олельковича на кормленіе къ себѣ. Немного позднѣе вѣче Новгородское заключило съ королемъ Казиміромъ договоръ, на подобіе своихъ старинныхъ договоровъ съ князьями.

Но и этотъ открыто-враждебный актъ не вывелъ изъ терпѣнья хитроумнаго Ивана; онъ даже не пригрозилъ Новгородцамъ войной, а лишь напомнилъ имъ, въ ласковой формѣ, что „отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, отъ Рюрика и до сего дня“, Новгородъ зналъ одинъ лишь княжескій родъ. Но дѣло зашло въ Новгородѣ уже слишкомъ далеко; разрывъ и война стали неизбѣжными. 31-го мая 1471 г. начались военныя дѣйствія; уже первыя столкновенія показали Новгородцамъ всѣ преимущества Москвы; къ тому-же ожидаемая помощь не шла къ Новгороду: Псковъ былъ на сторонѣ великаго князя, и самъ жегъ Новгородскіе пригороды, Литва же все медлила, ожидая исхода борьбы. Все ближе къ Новгороду подходило Иваново войско, все меньше становилась вѣроятность побѣды Новгородцевъ.

Наконецъ самъ Новгородъ былъ занятъ Москвичами. Съ этого дня можно считать и конецъ Новгородской самостоятельности и вольности. Правда еще нѣкоторое время велись переговоры между Новгородомъ и Москвой, но фактъ завоеванія уже свершился. Долго еще не понимали Новгородцы, а затѣмъ и не хотѣли понять всѣ тѣ послѣдствія, которыя влекло за собой это завоеваніе. Здѣсь, по справедливому замѣчанію Соловьева, столкнулись два непримиримыхъ міросозерцанія, ста-

рое-Новгородское и новое-Московское. Шесть лѣтъ длилась эта глухая борьба старины съ новизной; лучше всего различіе міросозерцаній характеризуется переговорами Новгородскихъ пословъ съ Иваномъ. Послѣдній настаивалъ на томъ, что хочетъ княжить въ Новгородѣ также, какъ княжитъ въ Москвѣ, не поняли этого послы: „просимъ великаго князя объявить, сказали они, какъ онъ желаетъ государствовать въ своей отчинѣ Великомъ Новгородѣ, потому что Новгородъ не знаетъ Московскаго обычая“. Отвѣтъ на этотъ разъ былъ ясенъ; „для того, чтобы Новгородъ своимъ устройствомъ уподобился Москвѣ, въ немъ не должно быть ни вѣча, ни посадника, а будетъ одна власть государева“ [1]).

Но, твердо стоя на своемъ главномъ требованіи, Иванъ не насиловалъ Новгородцевъ въ мелочахъ. Красной нитью проходитъ это черезъ всѣ переговоры его съ Новгородцами [2]). Онъ уступалъ имъ во всѣхъ ихъ требованіяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя направлены были къ ограниченію его власти; онъ обѣщалъ имъ сохранять ихъ старину, не повышать ихъ повинностей и т. д., но на отрѣзъ отказался скрѣпить свое обѣщаніе присягой и сохранить вѣчевую форму управленія. Искусно велъ онъ свои переговоры, по возможности затягивая ихъ и дѣйствуя на Новгородцевъ изморомъ. Одною изъ самыхъ успѣшныхъ мѣръ въ данномъ случаѣ оказалось выселеніе цѣлаго ряда Новгородскихъ семей въ Москву и замѣну ихъ Москвичами; послѣдніе принесли съ собой въ Новгородъ неизвѣстныя ему понятія о княжеской власти; постепенно стали эти новыя понятія распространяться въ Новгородѣ; незамѣтно исчезали понятія старыя и сходили со сцены общественной дѣятельности одинъ за другимъ ихъ защитники и поборники. Такому распространенію новыхъ Московскихъ понятій должна

[1]) Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 1. Чтенія, 1846 года, № 1.

[2]) Ср. Костомаровъ, Сѣв. народпр., томъ I, глава I, § X; Сергѣевичъ, Рус. юрид. древ., томъ II, стр. 43 и слѣд.; Ключевскій, Курсъ, часть II, стр. 124 и слѣд.; Бѣляевъ, Разсказы, томъ II, стр. 497 и слѣд.

была способствовать и та степень развитія, на которой стояли нравственныя понятія Новгородцевъ. Благодаря упорной борьбѣ за существованіе, сосредоточенія интересовъ на торговлѣ и личномъ успѣхѣ, неизбѣжно развивался эгоизмъ Новгородскихъ гражданъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ терялся и тотъ цементъ, патріотичности, который одинъ лишь могъ спасти Новгородъ отъ Московскаго завоеванія. Эти внутреннія причины, вызывавшія усобицы и расколъ среди самихъ Новгородцевъ и именно въ тотъ моментъ, когда обстоятельства требовали наибольшаго единенія и сплоченія, не могли конечно не способствовать паденію гордаго Новгорода. Но паденіе послѣдняго, несмотря на эти косвенныя обстоятельства, ему способствовавшія, надо признать все-таки неизбѣжнымъ. Не могла старина устоять противъ новаго порядка вещей, олицетвореніемъ котораго являлась Москва и въ частности Иванъ III; столкновеніе стараго, вѣчевого, народоправскаго начала съ новымъ началомъ, монархическимъ, должно было неизбѣжно окончиться побѣдой послѣдняго надъ первымъ.

Съ Новгородомъ палъ и послѣдній оплотъ вѣчевой жизни; 32 года позднѣе замолкъ и Псковской вѣчевой колоколъ. Прекратилось народоправство въ Новгородѣ, съ увозомъ въ 1478-мъ году его колокола въ Москву. Прежнюю свободу смѣнило такимъ образомъ повсемѣстно на Руси *тягло*, царившее волею судебъ болѣе трехъ столѣтій; только XIX вѣкъ сталъ свидѣтелемъ новыхъ идей.

Резюмируя изложенное въ данной части нашего изслѣдованія о положеніи княжеской власти въ Новгородскомъ государствѣ, мы скажемъ слѣдующее:

Новгородъ, вплоть до XV вѣка, являлся типичнымъ представителемъ древне-русской волости, съ ея вѣчемъ и народоправскимъ началомъ государственнаго устройства; вслѣдствіе этого юридическое положеніе княжеской власти продолжало быть однимъ и тѣмъ же „отъ начала", со временъ Рюрика, и можетъ быть и его предшественниковъ—и до паденія Нов-

городской вольности, характеризуемое своею второстепенностью и придаточностью. Фактически же положеніе князя въ Новгородѣ было труднѣе положенія его собратьевъ въ прочихъ волостяхъ, вслѣдствіе своеволія народа; послѣднее выросло изъ торговыхъ сношеній вольнаго города, изъ того факта, что борьба за существованіе принимала здѣсь значительно болѣе рѣзкія формы; новгородскія вѣча были болѣе буйныя, болѣе трудно контролируемыя, чѣмъ славянскія вѣча Юга или Запада.

Это же начало, торговая жизнь Новгорода, было причиной и тому, что новгородское общество представляло собой еще меньше признаковъ дѣленія на опредѣленные классы, со строго раздѣльными между собою границами; переходы изъ класса въ классъ были еще легче и обусловливались лишь одною личной удачей и личной предпріимчивостью.

Разница, которая отдѣляетъ, начиная съ XIII вѣка, Великій Новгородъ отъ прочихъ славянскихъ волостей, обусловливалась главнымъ образомъ географическимъ расположеніемъ новгородскихъ земель, позволявшимъ ему обособиться отъ остальной Руси и оградить себя отъ монгольскаго вліянія. Что же касается церкви и христіанства, то на положеніе ихъ вліяло въ новгородскихъ земляхъ присутствіе значительнаго количества инородческаго населенія.

Такимъ образомъ былъ Великій Новгородъ въ состояніи сохранить свою старину на два столѣтія дольше, чѣмъ прочая Русь, но и здѣсь новыя формы государственности должны были въ концѣ-концовъ смѣнить старыя; и здѣсь долженъ былъ исчезнуть народоправскій принципъ, уступивъ мѣсто принципу монархическому, но только свершилось это не постепенно и незамѣтно, какъ на остальной Руси, а насильственно, путемъ завоеванія Москвы [1]).

---

[1]) На совершенно аналогичныхъ началахъ была построена государственная жизнь Господина Пскова, младшаго брата Господина Великаго Новгорода.

Намъ вслѣдствіе этого не приходится подробно останавливаться на разборѣ государственнаго устройства Псковской волости.

Происхожденіе ея скрыто въ глубокой древности, и по сей день въ наукѣ существуютъ сомнѣнія, былъ ли Псковъ во время оно пригородомъ Новгорода или нѣтъ; такое происхожденіе Плескова или Пльскова однако вполнѣ вѣроятно, если принять во вниманіе колонизацію Новгородцевъ окраинныхъ земель ихъ волости. Какъ бы то ни было, въ XIV столѣтіи Псковъ представляетъ собою вполнѣ самостоятельное государство, построенное на тѣхъ же народоправскихъ принципахъ, какъ и его сосѣдъ Великій Новгородъ; онъ имѣетъ своихъ князей, свое вѣче, своихъ должностныхъ лицъ и т. д.

Въ XII вѣкѣ мы еще находимъ нѣкоторую зависимость псковскаго князя отъ новгородскаго князя; но съ теченіемъ времени зависимость эта постепенно исчезаетъ. благодаря все болѣе развивающемуся чувству самостоятельности Псковичей, а послѣднее воспитывалось въ нихъ постоянной борьбой съ сосѣдями-Нѣмцами; благодаря этому „Псковъ всегда живо чувствовалъ потребность самоуправленія",—говоритъ Костомаровъ. Надо замѣтить, что уже изстари на Псковѣ лежала эта тяжелая обязанность служить передовымъ постомъ Новгородскаго государства и защищать послѣднее отъ западныхъ враговъ. Торговля Пскова и его выгодное географическое положеніе давали ему возможность все болѣе развивать свою самостоятельность и въ концѣ концовъ сбросить окончательно съ себя всякую зависимость отъ Новгорода. Послѣдній, въ своемъ всепоглощающемъ эгоизмѣ, не разъ забывалъ своего младшаго брата, обдѣлялъ его въ военной добычѣ, перенималъ у него торговые обороты, обходилъ его выгодами и т. д.; все это не могло не вызывать въ Псковичахъ чувства недоброжелательства къ Новгородцамъ и какъ только представился удобный случай, они не замедлили отдѣлиться и обособиться отъ „Великаго" сосѣда. Итакъ, въ XIV столѣтіи мы находимъ Псковъ уже вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ, управляемымъ своимъ собственнымъ княземъ, своимъ вѣчемъ, своими же должностными лицами; у него были и свои пригороды, какъ напр., Островъ и Изборскъ, пользовавшіеся при этомъ, замѣтимъ, большей самостоятельностью, чѣмъ пригороды Новгородскаго государства. Вѣче псковское отличалось болѣе спокойнымъ характеромъ въ сравненіи съ буйнымъ новгородскимъ вѣчемъ, но руководилось оно такимъ же совѣтомъ господъ, какъ и новгородское; во главѣ Псковской волости, слѣдовательно, мы находимъ тотъ же торговый патриціатъ, какъ и въ Новгородѣ. Затѣмъ здѣсь имѣлись тѣ же степенные и старые посадники и тысяцкіе, съ тою же компетенціею и ограничивающею князя властью, тѣ же представители ведущаго класса, въ рукахъ котораго сосредоточивались всѣ нити политической власти. Отличіе отъ Новгорода заключалось только въ томъ, что во Псковѣ, въ XIV вѣкѣ, иногда бывало по два посадника, пользовавшихся при этомъ совершенно равною властью; кромѣ того надо сказать, компетенція обоихъ не была вовсе разграничена, а наоборотъ, переплеталась и покрывала другъ друга.

Такое положеніе посадниковъ неизбѣжно должно было являться сдержкой ихъ самостоятельности и ограниченіемъ ихъ власти, такъ какъ полномочія одного тормозили власть другого.

Во время борьбы Новгорода съ Москвой Псковъ всталъ на сторону послѣдней, протянувъ ей руку помощи для низверженія строптиваго сосѣда. Одною изъ причинъ этому была та близость, въ которой находилась Псковская церковь къ церкви Московской; Псковичи давно уже игнорировали Новгородскаго владыку, посылая своего епископа на посвященіе непосредственно въ Москву; послѣдняя же воспользовалась этими связями для дѣятельной пропаганды своихъ политическихъ идей.

Но и Пскову пришлось посчитаться съ Москвой; и ему не удалось отстоять своей самостоятельности; и его вольности долженъ былъ неизбѣжно прійти конецъ. Москва была слишкомъ могущественна, идеи ея слишкомъ всепоглощающи, чтобы имъ могла противустоять псковская старина. „Покровительство“ Москвы становилось все тяжелѣе; наконецъ, стало даже требоваться „утвержденіе“ псковскаго князя, со стороны Москвы. Это былъ первый шагъ къ государственной зависимости Пскова. Правда, онъ сумѣлъ сохранить свою самостоятельность на нѣсколько десятилѣтій долѣе, чѣмъ Новгородъ, благодаря своей уступчивости и помощи, оказанной Москвѣ въ ея борьбѣ съ Великимъ Господиномъ, но и его колоколу пришлось-таки замолкнуть. Въ 1510 году Псковичи сами сняли свой вѣчевой колоколъ; ихъ выборныя должностныя лица были замѣнены „княжьими мужами“ Ивана Васильевича; затѣмъ послѣдовало переселеніе многихъ семей Псковичей въ Москву (до 300) и Москвичей во Псковъ. Такъ умерло насильственно и послѣднее русское народоправство (Литература: Сергѣевичъ, „Р. Юр. Др.“, томъ II; Костомаровъ, „Сѣв. народопр.“, томъ I; Бѣляевъ, „Разсказы“, томъ III; Никитскій, „Очеркъ внутр. исторіи Пскова“; Мурзакевичъ, „Псковская Судная грамата“; Митрополитъ Евгеній, „Исторія Псковскаго княжества“).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

1.

Къ первой главѣ.

К. Аксаковъ. Первый томъ полнаго собранія сочиненій, Москва, 1889.
а. Статьи по русской исторіи.
б. Замѣчанія на лѣтопись Нестора.

Н. Барсовъ. Очерки русской исторической географіи, Варшава, 1873.

М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка, Спб., 1879.

К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія, томъ I, Спб., 1872.

Его-же. О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка, Спб., 1868.

И. Бѣляевъ. Разсказы изъ русской исторіи, изд. второе, Москва, 1865 г., книга первая.

Его-же. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси, изд. 1906 г. (Москва) О-ва Исторіи и Древностей Росс.

Его-же. Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ. Временникъ Моск. О-ва Ист. и Др. Росс., кн. 8, 1850.

Его-же. О Нестеровой лѣтописи. Чтенія О-ва Истор. и Древн. Росс., 1846 г., кн. 5.

Его-же. Лекціи по исторіи русскаго законодательства; изд. второе, Москва, 1888.

Его-же. Князь Рюрикъ съ братьями и дружиной. Временникъ, 1852 г., томъ XIV.

Его-же. Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ. Временникъ, 1852 г., томъ XV.

М. Владимірскій-Будановъ. Рецензія на труды проф. Загоскина и Ключевскаго о Боярской Думѣ. Сборникъ Государственныхъ Знаній, томъ VIII, Спб., 1880.

Я. Воцель. Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности. Переводъ Задерацкаго, Кіевъ, 1875.

А. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, Спб., 1870.

С. Гедеоновъ. Варяги и Русь, Спб., 1876.

А. Гильфердингъ. Исторія Балтійскихъ Славянъ, Москва, 1855.

Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1883.

А. Градовскій. Государственный строй древней Россіи. Журналъ М-ва Нар. Просвѣщенія, 1868 г., X, октябрь мѣс.
В. Григорьевъ. Россія и Азія, Спб., 1876.
Дорнъ. Каспій (Приложеніе къ 26 тому Записокъ Академіи Наукъ), Спб., 1875 г. (Въ частн., статьи Куника).
И. Забѣлинъ. Исторія русской жизни съ древн. временъ, Москва, 1876 г., части 1 и 2.
Н. Загоскинъ. Исторія права русскаго народа, томъ I, Казань, 1899.
Его-же. Курсъ исторіи русскаго права. Ученыя записки Казанскаго университета, годъ 73, 1906 г., сент. и окт. мѣс.
М. Затыркевичъ. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе строя русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Чтенія О-ва Ист. и Др. Росс., 1873 г., I, II и III.
Д. Иловайскій. Разысканія о началѣ Руси, Москва, 1882 г., изд. 2.
Его-же. О мнимомъ призваніи Варяговъ, Москва, 1871.
Его-же. Дополнительная полемика по вопросамъ Варяго-Русскому и Болгаро-Гуннскому, Москва, 1886.
Д. Кавелинъ. Собраніе сочиненій, томъ I, Спб., 1897.
а. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи.
б. Историческіе труды М. П. Погодина.
в. Труды Соловьева.
Н. Карамзинъ Исторія Государства Россійскаго.
В. Ключевскій. Боярская Дума древней Руси, Москва, 1882 г., или Русская Мысль, 1880 г., № 1, 3, 4, 10 и слѣд.
Его-же. Курсъ русской исторіи, часть 1, Москва, 1906.
Н. Костомаровъ. Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси. Собраніе сочиненій, Спб., 1903 г., кн. 1, томъ I.
Его-же. Преданіе о первоначальной русской лѣтописи. Собр. соч., Спб., 1904 г., кн. 5, томъ XIII.
Его-же. Библіографическія замѣтки «Русская историческая литература 1876 г.» Русская Старина, 1877 г., январь мѣс.
Его-же. Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. Изд. 3, Спб., 1886.
А. Куникъ и Бар. Розенъ. Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ; части 1 и 2.
Н. Ламбинъ. Славяне на Сѣверномъ Черноморьѣ. Журналъ М-ва Нар. Просвѣщенія, 1877 г., V и VI, и 1879 г., XII.
Его-же. Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси. Журналъ М-ва Нар. Пр., 1874 г., VI и VII.
Ѳ. Леонтовичъ. Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи. Журналъ М-ва Нар. Просвѣщенія, 1874 г., VI, VII и VIII.
Лешковъ. Общинный бытъ древней Россіи. Журналъ М-ва Нар. Пр., 1856 г., часть 91.
Его-же. Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка. Москва, 1858.
А. Лонгиновъ. Мирные договоры русскихъ съ Греками, заключенные въ X вѣкѣ; Одесса, 1904 г.

В. Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ, Спб., 1861.
П. Милюковъ. Русская историческая географія и атласъ проф. Замысловскаго. Русская Мысль, 1888 г., августъ мѣс.
П. Мрочекъ-Дроздовскій. Исторія русскаго права. Лекціи, Москва, 1892.
Л. Нидерле. Славянскія древности, томъ I, часть 1, Кіевъ, 1905.
А. Никитскій. Теорія родового быта въ древней Руси. Вѣстникъ Европы, 1870 г., августъ мѣс.
М. Оболенскій. Изслѣдованія и замѣтки по русскимъ и славянскимъ древностямъ, Спб., 1875.
С. Платоновъ. Лекціи по русской исторіи, Спб. 1901.
П. Полевой. Очерки русской исторіи, томъ I, Спб., 1879.
Его-же. Исторія русскаго народа, томъ I.
М. Погодинъ. Древняя русская исторія, томъ I. Москва, 1872.
Его-же. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, томы I, II и III, Москва, 1846.
Д. Самоквасовъ. Изслѣдованія по исторіи русскаго права, вып. 1, Москва, 1896.
Его-же. Древне-русское право. Лекціи 1902—1903 уч. года, Москва, 1903.
Его-же. Замѣтки по исторіи русскаго государственнаго устройства и и управленія. Журналъ М-ва Нар. Просвѣщ., 1869 г., XI—XII.
В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности; II томъ; изд. 1900 г.
С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, томъ I, Москва, 1866.
Его-же. Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ. Архивъ историческо-юридич. свѣдѣній, Калачова, кн. 1, 1850.
Его-же. Начала Русской земли. Сборникъ государственныхъ знаній, томъ IV, 1877 г.; томъ VII, 1879.
И. Срезневскій. Статьи о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, Спб., 1903.
В. Стасовъ. Замѣтки о Руссахъ Ибнъ-Фадлана и другихъ арабскихъ писателей. Журналъ М-ва Нар. Просв., 1881 г., VIII.
В. Томсенъ. Начало русскаго государства. Переводъ Аммона, Москва, 1891.
А. Тюринъ. Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси, Спб., 1850.
Н. Устряловъ. Русская исторія, изд. 3, Спб., 1845 г., т. I.
Филевичъ. Исторія древней Руси, Варшава.
Н. Хлѣбниковъ. Русское государство и развитіе русской личности. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1879 г. Апрѣль мѣс.
Б. Чичеринъ. Опыты по исторіи русскаго права; Москва, 1858 г. Статья 2: Еще о сельской общинѣ.
А. Шахматовъ. Сказаніе о призваніи Варяговъ, Спб., 1904.
С. Шпилевскій. Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Іоанна IV. Юридическій Журналъ, 1861 г., январь мѣс., № 5.
Д. Щегловъ. Первыя страницы русской исторіи. Журналъ М-ва Нар. Просв., 1876 г., 4—6.

Его-же. Новый опытъ изложенія первыхъ страницъ русской исторіи. Труды 2-го археологическаго съѣзда въ С.-Петербургѣ, вып. 1, 1876.

I. Эверсъ. Древнѣйшее русское право, въ историческомъ его развитіи. Переводъ И. Платонова. Спб., 1835.

2.

Ко второй главѣ.

К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія, томъ I.

Г. Блюменфельдъ. Къ вопросу о землевладѣніи въ древней Россіи. Одесса, 1884.

Бѣловъ. Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII вѣка. Журналъ М-ва Нар. Просв., 1886 г., январь мѣс.

И. Бѣляевъ. Разсказы изъ русской исторіи, книга 1.

Его-же. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси.

Его-же. Разборъ статьи Чичерина о сельской общинѣ. Русская Бесѣда, 1856 г., кн. 1.

М. Владимірскій-Будановъ. Рецензія на труды проф. Загоскина и Ключевскаго о Боярской Думѣ. Сборникъ государственныхъ знаній, томъ VIII, Спб., 1880.

П. Вяземскій. Замѣчанія на Слово о Полку Игоревѣ, Спб., 1875.

Е. Голубинскій. Исторія русской церкви, томъ I, Москва, изд. 2-е, 1901 и 1904.

М. Горчаковъ. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода, Спб., 1871.

А. Градовскій. Государственный строй древней Россіи. Журналъ М-ва Нар. Просв, 1868 г., X.

М. Дьяконовъ. Власть Московскихъ государей, Спб., 1889.

В. Жмакинъ. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія, Москва, 1881.

Н. Загоскинъ. Курсъ исторіи русскаго права. Ученыя записки Казанскаго университета, авг., сент., окт., 1906.

Его-же. Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси, Казань, 1875.

П. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи; Казань 1886.

Д. Кавелинъ. Собраніе сочиненій, томъ I, Спб., 1897.

а. Рецензія на трудъ Чичерина: Областныя учрежденія.

б. Рецензія на труды Соловьева: Объ отношеніяхъ между князьями древней Руси, Отношенія между князьями Рюрикова дома и Исторія Россіи.

в. Рецензія на труды Погодина: Изслѣдованія и Отрывки.

Его-же. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи. Собр. соч. томъ I, Спб., 1897.

Н. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, изд. 1, томы II и III.

В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, часть 1, изд. 1906.

Его-же. Боярская Дума.

Н. Костомаровъ. Начало единодержавія въ древней Руси. Собр. соч., кн. V, томъ 12, Спб., 1904.
Его-же. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, томъ I, Спб., 1896.
Его-же. Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси. Собр. соч., кн. I, томъ I, Спб., 1903.
В. Лешковъ. Русскій народъ и государство; исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка, Москва, 1858.
Митр. Макарій. Исторія русской церкви.
В. Милютинъ. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Чтенія Московск. Об-ва Ист. и Др. Росс., 1859 г., IV, 1860 г., VII—IX, и 1861 годъ.
П. Мрочекъ-Дроздовскій. Исторія русскаго права, Москва, 1892.
К. Неволинъ. Исторія русскихъ гражданскихъ законовъ, томъ II, Спб., 1851.
Его-же. О преемствѣ велико-княжескаго Кіевскаго престола. Полн. собр. соч., томъ VI, Спб., 1859.
В. Пассекъ. Княжеская и до-княжеская Русь. Чтенія Моск. Об-ва Ист. и Др. Росс., 1870 г., кн. 3, іюль—сент. мѣс.
Его-же. Общій очеркъ періода Удѣловъ. Сборникъ изслѣдованій въ области русской исторіи, Москва, 1870.
С. Платоновъ. Лекціи по русской исторіи Спб., 1901.
Н. Полевой. Исторія русскаго народа; томы II и III.
Его-же. Очерки русской исторіи, томъ II, Спб., 1880.
М. Погодинъ. Древняя русская исторія, томы I и II, Москва, 1872.
Его-же. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи; томы IV—V и VII.
Его-же. О старшинствѣ между князьями древней Руси. Истор. критич. отрывки, Москва, 1846.
Его-же. О междоусобныхъ войнахъ. Временникъ, № 2 и 3.
Его-же. О сношеніяхъ удѣльныхъ князей между собой. Временникъ, № 6, 1850.
Его-же. Разысканія о городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ, Журналъ М-ва Внутр. Дѣлъ, 1848 г., часть 23, VII—IX.
В. Сергѣевичъ. Русскія Юридическія Древности.
В. Соколовъ. Наши Епископы и самодержавіе, Вѣстникъ права, кн. 3, 1906.
С. Соловьевъ. Исторія Россіи, томы II и III.
Его-же. Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси. Чтенія, 1847 г., № 6.
Его-же. Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, Москва, 1847.
Его-же. Рецензія на IV томъ Изслѣдованій Погодина. Отечеств. Записки, томъ 75, 1851 г. отд. 5.
Его-же. Обзоръ событій русской исторіи при внукахъ Ярослава I-го. Отечеств. Записки, томъ 79; 1851 г., отд. 2.
Суворовъ. Курсъ церковнаго права, томъ I, Ярославль, 1889.
А. Тюринъ. Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси, Спб., 1850.

Н. Устряловъ. Русская исторія, изд. 3, томъ I, Спб., 1845.
Н. Хлѣбниковъ. Русское государство и развитіе русской личности. Кіевскія Унив. Извѣстія, 1879 г., апр. мѣс.
Б. Чичеринъ. Опыты по исторіи русскаго права, Москва, 1858.
С. Шпилевскій. Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Іоанна IV. Юридическій Журналъ, 1861 г. январь мѣс., № 5.

3.

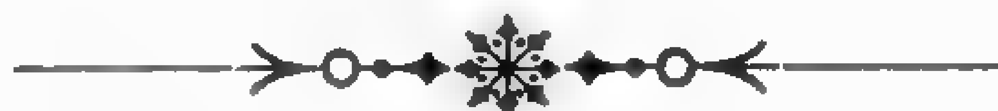
Къ третьей главѣ.

К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія, томъ I.
И. Бѣляевъ. Лекціи по исторіи русскаго законодательства, изд. 2, Москва, 1888.
Его-же. Жители Московскаго государства. Дружина и земщина. Временникъ Моск. Об-ва Ист. и Др. Росс., 1849 г., кн. 1.
Н. Голицынъ. Русская военная исторія, часть 1, Спб., 1877.
А. Градовскій. Исторія мѣстнаго управленія, томъ I.
И. Забѣлинъ. Взглядъ на развитіе Московскаго единодержавія. Историч. Вѣстникъ, 1881 г., февраль и мартъ мѣс.
Д. Кавелинъ. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи. Собр. соч., томъ I, Спб. 1897.,
Н. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, томъ IV.
В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, часть 1, Москва, 1906.
Его-же. Боярская Дума.
Н. Костомаровъ. Начало единодержавія въ древней Руси. Собр. соч., кн. V, томъ 12.
Его-же. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главн. дѣятелей, томъ I, Спб., 1896.
А. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ. Записки истор.—филолог. факультета Спб. Университета, 1890 года, томъ 23.
П. Милюковъ. Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, Спб., 1892.
В. Милютинъ. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Чтенія, 1859 г., IV, 1860 г., VII—IX и 1861.
П. Мрочекъ-Дроздовскій. Исторія русскаго права, Москва, 1892.
Н. Полевой. Исторія русскаго народа, тома III и IV.
В. Сергѣевичъ. Русскія Юридическія Древности, томы I, II и III.
Его-же. Вольные и невольные слуги. Наблюдатель, 1887 г., № 1 и 2.
С. Соловьевъ. Исторія Россіи, томы III и IV.
Н. Устряловъ. Русская исторія, томъ I.

4.

Къ четвертой главѣ.

И. Андреевскій. О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 году, Спб., 1855.
М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка, Спб., 1879.
К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія, томъ I.
И. Бѣляевъ. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси.
Его-же. Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика, Временникъ 1850 г., кн. 8.
Его-же. Исторія Новгорода Великаго. 2-й томъ Разсказовъ изъ Русской Исторіи, изд. 2, Москва, 1866.
В. Жмакинъ. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія, Москва, 1881.
Кавелинъ. Рецензія на трудъ Соловьева, Объ отношеніяхъ Новгорода. Собр. соч., томъ I, Спб., 1897 г.
Его-же. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, Собр. соч. т. I, Спб., 1907.
Н. Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства временъ удѣльно-вѣчевого уклада, изд. 3, Спб., 1886.
Его-же. О значеніи Великаго Новгорода въ русской исторіи. Собр. соч., кн. I, томъ I.
Его-же. Рецензія на трудъ Никитскаго: Великій Новгородъ. Русская Старина, 1880 г., январь мѣс.
П. Мрочекъ-Дроздовскій. Исторія русскаго права, Москва, 1892.
А. Никитскій. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, Спб., 1879.
Его-же. Очерки изъ жизни Великаго Новгорода. Журналъ М-ва Нар. Просв., 1869 г., октябрь мѣс., и 1870 г., августъ мѣс.
В. Пассекъ. Изслѣдованія въ области русской исторіи, Москва, 1870 г. Новгородъ самъ въ себѣ.
Н. Полевой. Исторія русскаго народа, томы II—IV.
Д. Самоквасовъ. Замѣтки по исторіи русскаго государств. устройства и управленія. Журналъ М-ва Нар. Просв. 1869 г., XI—XII.
С. Соловьевъ. Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. Чтенія Моск. Об. Ист. и Др. Росс., 1846 г., № 1.
Н. Устряловъ. Русская исторія, изд. 3, томъ I.
I. Эверсъ. Древнѣйшее русское право въ историч. его развитіи. Переводъ И. Платонова, Спб. 1835.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Другіе труды автора:

Дворянство и его сословное управленіе, за столѣтіе 1762—1855 годовъ. Спб., 1906 г. . . **4** руб.

Желѣзнодорожный смѣшанный судъ въ Манчжуріи. Спб., 1903 г. . . . . **25** коп.

Цѣна 2 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

при Юридическомъ книжномъ складѣ „ПРАВО“,

С.-Петербургъ, Владимірская, № 19.

